

ISSN 2410-4205 (print)
ISSN 2949-2866 (online)

HISTORY:

FACTS AND SYMBOLS

Istoriya: fakty i simvoly

Vol. 39 / 2024 / № 2

DOI: 10.24888/2410-4205-2024-39-2

<https://hisfas.elpub.ru>

Журнал основан в 2007 г. под названием *Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. Серия "История"*. В 2012 - 2014 г. журнал назывался *«Запад-Россия-Восток: Археология. История. Философия. Юриспруденция»*.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1).

Типография: Отдел издательской деятельности ЕГУ им. И.А. Бунина. 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1.

Выходит 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер: ПИ № ФС77-59752 от 7 ноября 2014.

Префикс DOI: 10.24888

Тираж журнала - 1000 экз.

«История: факты и символы» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области истории повседневности, истории, культурологии. Цель журнала – расширить представления о достижениях российской исторической науке в мировом пространстве. Редакционная политика журнала базируется на традиционных научно-этических принципах и подходах, выработанных отечественными мировым научным сообществом. Издание представлено научными работами аналитического, научно-исследовательского и научно-методического характера. Целевая аудитория журнала: мировое сообщество ученых-историков, преподаватели вузов, учителя, студенты, аспиранты и все интересующиеся вопросами исторической науки и смежных с ней дисциплин. Миссия журнала – синтез традиционных представлений об исторической науке, которые в силу обстоятельств еще довольно сильны в России, и новых направлений, разрабатываемых в русле исторической антропологии. Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. К публикации принимаются статьи на английском и русском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <https://hisfas.elpub.ru>

The journal was founded in 2007 under the name *Bulletin of the Yelets State University. Series "History"*. In

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России»

Подписной индекс издания Ф64989

Цена свободная

Дата выхода в свет 14.06.2024

2012 - 2014 the publication was called *“West-Russia-East: Archeology. Story. Philosophy. Jurisprudence”*. Founder and publisher: *Bunin Yelets State University named*

Printing house: *Bunin YSU Publishing Department 399770, Lipetsk region, Yelets, st. Kommunarov, 28, 1. It is published 4 times a year (March, June, September, December)*

Roskomnadzor registration certificate

PI No. *ФС77-59752 dated November 7, 2014.*

DOI prefix: 10.24888

The journal circulation is 1000 copies.

“History: Facts and Symbols” is a peer-reviewed academic journal, whose area of interest is advanced research in the field of the history of everyday life, history, cultural studies. The target of the journal is to expand the understanding of the achievements of Russian historical studies in the world. The editorial policy of the journal is based on traditional academic and ethical principles and approaches. The publication is represented by works of an analytical, research and methodological nature in various fields of historical studies, which are fundamental, applied and innovative. The target audience of the journal is the world community of historians, university professors, teachers, students, graduate students and all those interested in the issues of historical studies and related disciplines. The mission of the journal is a synthesis of traditional ideas about historical studies, which, due to circumstances, are still quite strong in Russia, and new directions developed in line with historical anthropology. Our task is to study a set of human cognitive and mental mechanisms from different eras. The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main academic results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published. Articles in English and Russian are accepted for publication. The full-text version of the journal is freely available on the journal's website and is hosted on the platform of the Russian Science Citation Index (RSCI) of the Russian Universal Scientific Library. Full information about the journal and the rules for preparing articles are available on the website: <https://hisfas.elpub.ru>

Subscription to the journal is carried out according to the catalog *“Press of Russia”*

Subscription index of the publication Ф64989

Free price

Publication date 14.06.2024

Адрес редакции: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770 Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28, 1, тел. - 8 47467 60237

e-mail: nauka@elsu.ru

Право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

Условия использования материалов журнала

Пользователи соглашаются использовать материалы журнала исключительно в законных целях, в пределах, установленных законодательством Российской Федерации, не нарушая и не ограничивая права третьих лиц и не препятствуя использованию третьими лицами данного сайта в полном объеме. Все права на материалы, размещенные на страницах журнала и на сайте, принадлежат Федеральному государственному бюджетному учреждению Высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Editorial Boards address: Bunin Yelets State University, 28, 1 Kommunarov st., Yelets, Lipetsk region, 399770, tel - 8 47467 60237

e-mail: nauka@elsu.ru

The right to the original layout and design belongs to the journal, the copyright to the articles belongs to the authors.

Terms of use of journal materials

Users agree to use the materials of the journal solely for lawful purposes, within the limits established by the legislation of the Russian Federation, without violating or restricting the rights of third parties and without preventing third parties from using this site in full. All rights to the materials posted on the pages of the journal and on the website belong to the Federal State Budgetary Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University", unless another copyright holder is indicated in the imprint of the material itself.

Главный редактор: Д.А. Ляпин (Россия, ЕГУ им. И. А. Бунина).

Редакционный совет: В.Н. Глазьев (Россия, ВГУ), В.В. Канищев (Россия, ТГУ им. Г.Р. Державина), А. Колотари (Венгрия, Капошварский университет), В.А. Ливцов (РАНХиГС); В.П. Литвинов (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), А.Б. Оришев (Россия, РГАУ – МСА им. К. А. Тимирязев), Н.А. Плавинский (Беларусь, Минск, БГУ), Б.У. Серазетдинов (Россия, Институт российской истории РАН).

Редакционная коллегия: А.В. Гладышев (Саратов, СНИГУ им. Н.Г. Чернышевского), В.И. Горбачев (Новая Зеландия, Веллингтон, Университет Королевы Виктории), Н.Н. Грибов (Москва, Институт археологии РАН), В.С. Елистратов (Россия, МГУ им. М. В. Ломоносова), Н.А. Жиров (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), О.В. Клевцова (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), И.В. Крючков (Россия, СКФУ), М.М. Лоевская (МГУ им. М. В. Ломоносова), Ю.С. Овчинникова (Россия, МГУ им. М.В. Ломоносова), Н.Н. Петрухинцев (Россия, профессор, РАНХиГС), С.А. Романенко (Россия, РГГУ), Д.В. Сень (Россия, ЮФУ), Н.А. Тропин (Россия, ЕГУ им. И.А. Бунина), А.А. Чубур (БГУ им. И. Г. Петровского), Б.Л. Шапиро (Россия, РГГУ).

Editor-in-Chief – Denis A. Lyapin (Russia, Bunin YSU).

Editorial Council: Vladimir N. Glazyev (Russia, VSU), Vladimir V. Kanishchev (Russia, Derzhavin TSU), Atila Kolotari (Hungary, Kaposvár University), Vladimir A. Livtsov (Russia, RANEPА), Vladimir P. Litvinov (Russia, Bunin YSU), Alexander B. Orishev (Russia, Timiryazev RGAU), Nikolay A. Plavinsky (Belarus, Minsk, BSU), Boris U. Serazetdinov (Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences).

Editorial board: Andrey V. Gladyshev (Saratov, Chernyshevsky SNIGU), Valentin I. Gorbachev (New Zealand, PhD student, Victoria University of Wellington); Nikolay N. Gribov (Moscow, Institute of Archeology RAS), Vladimir S. Yelistratov (Russia, Lomonosov Moscow State University), Nikolay A. Zhirov (Russia, Bunin YSU), Oksana V. Klevtsova (Russia, Bunin YSU), Igor V. Kryuchkov (Russia, NCFU), Margarita M. Loevskay (Russia, Lomonosov MSU), Nikolay N. Petrukhintsev (Russia, RANEPА), Yulia S. Ovchinnikova (Russia, Lomonosov MSU), Dmitry V. Sen (Russia, SFU), Nikokay A. Tropin (Russia, Bunin YSU), Artur A. Chubur (Russia, Petrovsky BSU), Bella L. Shapiro (Russia, RSUH).

© «История: факты и символы» (Оригинал-макет и оформление) / "History: facts and symbols" (Original layout and design), 2024

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

<i>Усманов Н.В.</i> (Бирск)	АМЕРИКАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ПОМОЩИ В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1921-1923 гг.).....	8
--------------------------------	--	---

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

<i>Кузнецов Е.С.</i> (Воронеж)	КОНТАКТЫ ГЕНУЭЗСКОЙ ГАЗАРИИ И ПЕРСИИ ПО МАТЕРИАЛАМ «АКТОВ ГЕНУЭЗСКИХ НОТАРИЕВ».....	22
<i>Цыбаков Д.Л.</i> (Химки)	ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ ВЯТИЧЕЙ В КОНЦЕ X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII СТОЛЕТИЙ.....	32

XVII ВЕК

<i>Гайтерова К.Г.</i> (Елец)	ОСВОЕНИЕ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.: СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЕЛЕЦКОГО И ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДОВ В 1615 Г.....	43
<i>Жигалов В.М.</i> (Белгород)	СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ БОЛХОВЦА 1647 – 1687 ГГ.: ЧИНОВНАЯ СТРУКТУРА И СЛУЖЕБНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ.....	54
<i>Мизис Ю.А.</i> (Тамбов)	КРЕСТЬЯНЕ ПРОТИВ ВОЕВОДЫ. ИСТОРИЯ ОДНОГО КОНФЛИКТА ИЛИ СЫСКНОЕ ДЕЛО XVII В.....	70

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

<i>Всеволожский Г.К.</i> (Екатеринбург)	ОФИЦЕРЫ ПЕТРОВСКОЙ АРМИИ ПО СКАЗКАМ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ И ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРЫ СЕНАТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СВИДЕТЕЛЬСТВ НАЧАЛА И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1720-Х ГГ...	89
<i>Ливцов В.А.,</i> <i>Круглов С.В.</i> (Орёл)	К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.....	102

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

<i>Кирчанов М.В.</i> (Воронеж)	ОБРАЗЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ «НЕЗАВИСИМОСТИ» И «ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ КАТАЛОНО-ИСПАНСКОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ КОНФРОНТАЦИИ	113
<i>Шатохин И.Т.</i> <i>Шайков М.О.</i> (Белгород)	ОБРАЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ИТАЛО-ЭФИОПСКОЙ ВОЙНЫ 1895-1896 ГГ. В РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ТОЛКА.....	128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Степанова Ю.В. РЕТРОСПЕКТИВЫ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ. РЕЦЕНЗИЯ
(*Воронеж*) НА КНИГУ: ТРОПИН Н.А. СТАРЫЙ ЕЛЕЦ И ЕЛЬЧАНЕ:
ТЕНИ ПРОШЛОГО. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2023. 176 с. 137

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 142

CONTENT**HISTORY OF EVERYDAY LIFE**

<i>Usmanov N.V.</i> (<i>Birsk</i>)	AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION IN SIMBIRSK PROVINCE (1921-1923).....	8
---	--	---

ARCHEOLOGY AND ISSUES IN THE HISTORY OF ANCIENT RUS'

<i>Kuznetsov E.S.</i> (<i>Voronezh</i>)	CONTACTS OF GENOA GAZARIA AND PERSIA ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE "ACTS OF GENOA NOTARIES"	22
<i>Tsybakov D.L.</i> (<i>Khimki</i>)	MILITARY-POLITICAL STRUGGLE FOR THE LAND OF VYATICHI AT THE END OF THE 10TH AND THE FIRST HALF OF THE 12TH CENTURIES	32

XVII BEK

<i>Gaiterova K.G.</i> (<i>Yelets</i>)	DEVELOPMENT OF THE UPPER DON REGION IN THE FIRST QUARTER OF THE 17TH CENTURY: RURAL SETTLEMENTS OF ELETSK AND VORONEZH COUNTIES IN 1615	43
<i>Zhigalov V.M.</i> (<i>Belgorod</i>)	SERVICE PEOPLE OF BOLKHOVETS 1647 – 1687: OFFICIAL STRUCTURE AND OFFICIAL RESPONSIBILITIES.....	54
<i>Mizis Yu.A.</i> (<i>Tambov</i>)	PEASANTS AGAINST THE VOIVODA. HISTORY OF ONE CONFLICT OR DETECTIVE CASE OF THE 17TH CENTURY	70

CURRENT ISSUES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE

<i>Vsevolozhsky G.K.</i> (<i>Ekaterinburg</i>)	OFFICERS OF PETER THE GREAT'S ARMY ACCORDING TO THE SKAZKI'S OF THE MILITARY COLLEGE AND THE HERALDMASTER'S OFFICE OF THE SEN-ATE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF EVIDENCE FROM THE EARLY AND SECOND HALF OF THE 1720s.....	89
<i>Livtsov V.A.,</i> <i>Kruglov S.V.</i> (<i>Orel</i>)	ON THE DEVELOPMENT OF THE BANKING SYSTEM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES.....	102

HISTORY OF EUROPE

<i>Kirchanov M.V.</i> (<i>Voronezh</i>)	IMAGES OF MEDIEVAL "INDEPENDENCE" AND "STATENESS" IN THE MODERN CATALON-SPANISH MEMORIAL CONFRONTATION	113
--	--	-----

<i>Shatokhin I.T.</i> <i>Shashkov M.O.</i> <i>(Belgorod)</i>	IMAGE OF THE ITALIAN STATE DURING THE FIRST ITALIAN-ETHIOPIAN WAR 1895-1896. IN THE RUSSIAN LIBERAL PERIODIC PRESS.....	128
--	---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Stepanova Yu.V.</i> <i>(Voronezh)</i>	RETROSPECTIVES OF LOCAL HISTORY. BOOK REVIEW: TROPIN N.A. OLD YELTS AND YELTS PEOPLE: SHADOWS OF THE PAST. Yelets: Bunin Yelets State University, 2023. 176 p.....	137
---	--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	142
--	-----

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ / ORIGINAL ARTICLES

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ / HISTORY OF EVERYDAY

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-8-21>

УДК 93/94 (47+57) *1917/1991*

**АМЕРИКАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ПОМОЩИ
В СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1921-1923 гг.)****Н. В. Усманов***Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий,
ул. Интернациональная, 10, Бирск, 452453, Россия***Аннотация**

Введение. В статье рассматриваются разные стороны благотворительной деятельности Американской администрации помощи, известной в России как АРА (от АРА – American Relief Administration), в голодные 1921-1923 гг. в Симбирской губернии. **Материалы и методы.** Исследование основано на преимущественно ранее неопубликованных архивных материалах. Используются фотокопии документов самой, так называемой, Русской миссии АРА, переданные Архивом Гуверовского института в Государственный архив Российской Федерации, документы Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Новейшей истории Ульяновской области. Также проанализирована периодическая российская и американская печать тех лет, другие источники. Методологической основой для написания данной работы явились общенаучные, источниковедческие и специальные исторические методы. **Результаты.** Автор обстоятельно рассматривает благотворительную деятельность зарубежной филантропической организации. Впервые им показаны масштабы поставок страдающему от голода населению этой российской территории продовольствия и медикаментов. При некотором настороженном отношении к иностранцам со стороны советских властей, автор особо отмечает их поддержку той деятельности АРА, которая спасала население от голодной смерти и болезней. В статье отмечается положительная роль уполномоченных представителей центральной советской власти, местной партийной организации большевиков, милиции и чекистов в быстром продвижении иностранной помощи и охране грузов АРА. Дана оценка местному персоналу АРА, набранного из числа российских граждан. В то же время показаны некоторые сложности во взаимоотношениях между советскими чиновниками и иностранными филантропами. В основном они, как видно из статьи, носили объективный характер. **Заключение.** Автор делает вывод, что помощь американской организации имела весьма важное значение для голодного и больного населения Симбирской губернии. АРА достаточно тесно и продуктивно взаимодействовала с местными властями в деле спасения людей. Это позволило сохранить жизни десяткам тысяч человек и способствовало восстановлению хозяйственной жизни этой территории.

Ключевые слова: Американская администрация помощи, голод, Симбирская губерния, продовольствие, медикаменты.

Для цитирования: Усманов Н.В. (2024). Американская администрация помощи в Симбирской губернии (1921-1923 гг.) // История: факты и символы. № 2 (39). С. 8-21 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-8-21

Статья поступила: 19.02.2024

Статья принята в печать: 27.04.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

©Усманов Н. 2024

AMERICAN RELIEF ADMINISTRATION IN SINMBIRSK DISTRICT (1921-1923)

Nail V. Usmanov

*Birsk branch of the Ufa University of Science and Technology,
St. International, 10, Birsk, 452453, Russia*

Abstract

Introduction. The article examines the charitable activities of the American Relief Administration, known as the ARA, during the famine of 1921-1923 in Simbirsk province. **Materials and methods.** The research is based mainly on previously unpublished archival materials. Photocopies of the documents of the so-called Russian Mission of the ARA itself, transferred by the Archive of the Hoover Institute to the State Archive of the Russian Federation, documents of the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Modern History of Ulyanovsk region, were used. The periodical Russian and American press of those years and other sources are also analyzed. The methodological basis for writing this work was general scientific, source-based and special historical methods. **Results.** The author thoroughly examines the charitable activities of the foreign philanthropic organization. For the first time, they have shown the scale of supplies of food and medicines to the suffering population of this Russian territory. With some wary attitude towards foreigners on the part of the Soviet authorities, the author especially notes their support for the activities of the ARA, which saved the population from starvation and disease. The article notes the positive role of authorized representatives of the central Soviet government, the local Bolshevik party organization, the police and the Chekists in the rapid promotion of foreign aid and the protection of ARA cargo. At the same time, some difficulties in the relationship between Soviet officials and foreign philanthropists are shown. Basically, as can be seen from the article, they were objective in nature. **Conclusion.** The author concludes that the help of the American organization was very important for the hungry and sick population of the Simbirsk province. The ARA worked closely and productively with the local authorities in the rescue of people. It saved the lives of tens of thousands of people and contributed to the restoration of the economic life of this territory.

Keywords: American Relief Administration, famine, Simbirsk province, food, medicines

For Citation: Usmanov N. (2024). American relief administration in Sinmbirsk district (1921-1923) In *History: facts and symbols*, 39 (20), 8-21, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-8-21>

Received: 19.02.2024

Revised: 27.04.2024

Published: 14.06.2024

© Usmanov N., 2024

1. Введение

Летом 1921 г. из-за сильной засухи и тяжелых последствий гражданской войны в Советской России начался голод, быстро принявший катастрофические размеры. Невиданное ранее бедствие охватило обширные территории страны, но наиболее пострадавшими от неурожая оказались территории Поволжья и Южного Урала.

Правительство большевиков предприняло ряд мер для поддержки голодающих губерний и республик. В частности, была создана Центральная Комиссия Помощи голодающим (ЦК Помгол), обладавшая широкими полномочиями. Однако внутренних сил, брошенных на борьбу с голодом, было недостаточно и советскому правительству пришлось обратиться за помощью к зарубежной общественности. Среди благотворительных организаций, отправлявших продовольствие бедствующему населению России, наиболее мощной была Американская администрация помощи, получившая известность в нашей стране как АРА (от английского названия *American Relief Administration*). Формально она считалась негосударственной, но была тесно связана с правительством США. Возглавлял ее министр коммерции Герберт Гувер. После окончания первой мировой войны АРА оказывала продовольственную поддержку детям центральной Европы и имела здесь необходимые запасы, которые можно было относительно быстро перевезти в Россию. Основную же часть продовольствия везли через Атлантический океан из США.

Свою деятельность в голодающих районах России АРА обусловила рядом требований, которые Советское правительство после непростых переговоров в Риге в основном приняло. 20 августа 1921 г. в Латвии с американцами был подписан договор о помощи голодающим детям России. В страну прибыли первые сотрудники иностранной благотворительной организации. Через месяц после подписания договора они начали снабжать остро нуждающиеся территории продовольствием и, сотрудничая с местными властями, организовывать детские столовые. Вся работа так называемой Русской миссии АРА координировалась из Москвы, где располагалась ее центральная контора во главе с отставным полковником Уильямом Хаскеллом.

2. Материалы и методы

Данное исследование касается деятельности АРА в одной из наиболее пострадавших территорий Советской России – Симбирской губернии. Оно основано на преимущественно ранее неопубликованных архивных материалах. Используются фотокопии документов самой Русской миссии АРА, переданные Архивом Гуверовского института (*Hoover Institution Archive*), находящимся в США, в Государственный архив Российской Федерации, документы Центральной Комиссии помощи голодающим и Центральной Комиссии по борьбе с последствиями голода из того же архива, документы Государственного архива Новейшей истории Ульяновской области. Также проанализирована периодическая российская и американская пресса тех лет и другие источники. Методологической основой для написания данной работы явились общенаучные, источниковедческие и специальные исторические методы.

О деятельности АРА на территории Советской России писали несколько американских авторов. Первой еще в 1927 г. появилась монография ее штатного историка Г. Фишера “*The Famine in Soviet Russia. 1919-1923.* [20]. Затем после долгого перерыва была издана книга Б. Вейссмана “*Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia. 1921-23*” [21]. Обе работы излагали официальную точку зрения на деятельность благотворительной организации. В 2002 г. вышел фундаментальный труд Б. Патенауда “*The Big Show in Bololand*” [19]. В данном многостраничном исследовании деятельность АРА показывалась уже более объективно, чем в двух предыдущих работах. Не скрывались и некоторые неприглядные стороны пребывания американских филантропов в России. Последней заметной публикацией о деятельности Русской миссии АРА стала книга Д. Смита “*The Russian Job*”. Она была издана в США в 2019 г. и в 2021 г. переиздана на русском языке в Москве под названием «Россий-

ская миссия» [8]. В этих работах американских авторов упоминалось о конкретной деятельности АРА в голодающих губерниях и республиках Советской России, в том числе и в Симбирской губернии. В меньшей степени, правда, это касается книг Вейссмана и Смита. Следует отметить, что все указанные работы базировались на документах самой Русской миссии АРА, без привлечения материалов из российских архивов и региональной печати указанных лет. Авторы акцентировали внимание на трудностях взаимоотношений иностранных филантропов, как с центральными, так и местными властями Советской России. По их мнению, виновной в этом была российская сторона, представители которой, якобы, даже мешали спасать соотечественников от голодной смерти. Такая точка зрения, на наш взгляд, является ошибочной.

В нашей стране крупных работ о деятельности в ней в начале 1920-х гг. Американской администрации помощи, пока не издано. Некоторым исключением можно считать монографию автора данной статьи «Американская администрация помощи на Урале (1921-1923 гг.)», изданную небольшим тиражом в Уфе в 2015 г. [10]. Ранее им была опубликована статья об Оренбургском региональном отделении АРА [11] и еще ряд подобных статей. Среди исследований отечественных историков о пребывании АРА на той или иной административной территории Поволжского региона, как наиболее значимые, можно отметить работы Ю.Ю. Аншаковой [1; 2], А.П. Линькова [6], В.А. Погромского [7], А.Ю. Федотовой [12]. Историками пока не рассмотрена подробно и объективно деятельность АРА в Симбирской губернии. Данная работа призвана отчасти раскрыть эту тему в рамках научной статьи.

3. Результаты

Симбирская губерния оказалась одной из наиболее пострадавших от последствий засухи территорий России. Если в 1916 г. здесь собрали 803,8 тонн урожая зерновых, то в 1921 г. всего 216,4 тонны [13, р. 17]. Среднее количество зерна на душу населения составляло всего 2,6 пуда, картофеля – 2,7 пудов [4, с. 243]. Неурожай вызвал страшный голод и привел к резкому увеличению смертности населения. В результате, Симбирская губерния была включена в список территорий РСФСР, куда по согласованию с центральным советским правительством в первую очередь была направлена заокеанская помощь. В документах американской организации эта губерния иногда отмечалась как «Зона голода № 2».

Симбирск стал центром округа АРА, из которого планировалось снабжать города и села одноименной губернии. Еще 10-14 сентября 1921 г. здесь побывали первые представители американской организации. Найдя ситуацию очень тяжелой, посланцы Гувера решили открыть здесь окружное отделение Русской миссии АРА. В первую очередь планировалось открыть детские столовые в Симбирском, Сенгилеевском и Сызранском уездах, как наиболее пострадавших в губернии¹. Симбирское отделение миссии возглавил Эдвард Фокс. Ему активно помогал Джеймс Соммервиль, неплохо знавший русский язык. Позднее приехали еще несколько американцев, но основной персонал для своей конторы, складов и столовых они набирали из числа местных граждан.

Согласно Рижскому договору Советского правительства с АРА, последняя была согласна кормить на территории России всего около одного миллиона детей и некоторые категории больных взрослых. В организованных властями столовых они должны были один раз в день получать горячую пищу, приготовленную из предоставленных американцами продуктов. Предполагалось, что это будет дополнительный паек, наряду с той скудной пищей, которую дети получали дома. На деле же у многих детей в голодающих местностях эта была единственная нормальная еда.

До начала работы в округах аровцы (так их иногда называли в советской прессе) составили план распределения своих продуктов питания по губерниям Поволжья. Симбир-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10003. Оп.10. Д. 147. Л.350. / Hoover Institution Archive. ARA. Russian Operations (HIA. ARA. RO.) Box 116. Folder 3. /

ской губернии первоначально планировалось передать всего 150 тыс. пайков. 16 октября 1921 г. в губернский центр прибыл первый поезд с американским продовольствием для детей. Как позднее сообщала местная газета для разгрузки 29 вагонов были привлечены работники Губисполкома, Губкома РКП(б), Командных курсов и некоторых других организаций¹. В книге официального историографа Русской миссии АРА Г. Фишера утверждается, что в связи с тем, что поезд, о котором шла речь выше, прибыл в выходной день и грузчики отказались выходить на работу, коммунисты города, чтобы ускорить начало питания детей организовали воскресник [20, р. 92]. В целом американские историки признают, что руководство губернии оказывало посильную поддержку местному отделению АРА.

В деле организации питания и контроля над распределением обедов большую роль сыграли общественные Российско-американские комитеты помощи детям (РАКПД). Они создавались на уровне губернии, уездов и волостей. По рекомендации аровцев в них должны были входить представители властей, учителя, врачи или фельдшеры, агрономы. В тех местах, где население было в значительной части смешано из нескольких национальностей, в комитеты обязывали включать и их представителей. Требования обязательного включения в комитеты священнослужителей, как это практиковалось, в других округах, в Симбирском округе, судя по документам, не было. Симбирский городской и уездный комитеты РАКПД были организованы 13 октября 1921 г., губернский – несколько позже, 15 октября. Вскоре началось освидетельствование детей на предмет прикрепления к питательным пунктам. Первая столовая АРА начала работать в губернском центре 28 октября 1921 г. Она была рассчитана на 748 человек. Тогда же недалеко от города открыли столовую на 800 человек в селе Покровск [14, р. 18]. Всего же в этом месяце в губернии было открыто 16 столовых на 4075 человек [3, с. 7]. Меню обедов было достаточно разнообразным, хотя энергетическая ценность порций была невысокой – всего 770 калорий в сутки. В разные дни детей кормили приготовленным на жирах рисовой кашей, лапшой, вареными бобами, а также сладким какао и белым хлебом. Позднее бобы в некоторых местах заменяли кукурузной крупой. Сами американцы полагали, что крестьянские дети, вряд ли, когда, даже в относительно хорошие времена, имели такую качественную пищу. Правда почти во всех округах, в том числе и в Симбирске, местные губздравы вскоре стали просить заменить бобы и кукурузу для самых маленьких на более подходящие для их возраста продукты. Вопрос этот был поставлен перед центральной конторой Русской миссии АРА и как видно из отчета Наркомздрава РСФСР благополучно разрешен [4, с. 131].

На показатель в 150 тыс. человек, получающих заокеанскую помощь, в Симбирском округе планировалось выйти в уже ноябре 1921 г. Однако на середину этого месяца в губернии кормили только 35 тыс. детей. Задержка в открытии столовых как это было признано на губернской конференции РКП(б) объяснялась тем, что уезды не предоставили вовремя в контору АРА требуемых ею сведений о числе, нуждающихся в помощи². Впрочем, и в остальных округах России обслуживаемых аровцами первоначальные планы питания детей не были выполнены. На 2 декабря 1921 г. в Симбирской губернии горячую пищу получали 60075 человек. Это было на 15843 больше, чем за неделю до этого [15, р. 19]. На 15 декабря в округе АРА кормила уже 139134 человека. Из них – 120000 в столовых, 4986 в детских домах, 2523 в больницах и 2625 в детских яслях [16, р. 22]. Тем не менее, этой помощи было недостаточно, еды по-прежнему не хватало. Чекисты в информационной сводке от 30 декабря, с одной стороны, сообщая, что «столовые АРА функционируют регулярно», в то же время отмечали: «Настроение крестьян подавленное, особенно в Симбирском и Сенгилейском у[ездах]» [9, с. 552],

¹ Экономический путь (Симбирск). 1922. 29 октября.

² Государственный архив Новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО). Ф.1. Оп.1. Д.308. Л. 4 об.

Для содействия работе АРА центральной властью в голодающие территории из Москвы были направлены её, так называемые, уполномоченные представители (уполпреды). Симбирские власти также назначили своих представителей, которые должны были помочь иностранной организации развернуть благотворительную деятельность. В документах того времени они часто именовались «уполномоченными по делам инорг». С самого начала деятельности АРА в губернии эти уполпреды старались привлечь местные партийные и общественные организации к более активной работе по содействию этой организации в деле открытия и дальнейшего функционирования столовых. В письме составленном представителем центра 17 ноября 1921 г. и направленном в бюро горкома РКП(б) отмечалось, что «работы АРА, как в Симбирске так и в уездах, встречают препятствия» и приводились примеры нерасторопности местных властей, оправдывавшихся тем, что у них не было денег. В связи с этим партийным руководителям настоятельно рекомендовалось: «объявить специальную «неделю помощи АРА» и привлечь к работе население на местах»¹. Действительно партийные органы большевиков впоследствии старались более активно поддержать АРА. Так всем уездным комитетам партии вменялось в обязанность оказывать содействие в охране продуктов АРА при их перевозке из Симбирска на места. Волостные ячейки коммунистов должны были выделять для сопровождения гужевых повозок с продуктами АРА «хотя бы одного вооруженного члена партии»². Это было абсолютно правильное решение, так как в губернии сохранялся бандитизм, и нередко случались нападения на перевозимые в уезды и волости продовольственные обозы.

Американцы ставили достаточно жесткие условия, касающиеся снабжения столовых и детских домов их продуктами или лекарствами. Во внутренних документах ЦК Помгол, например, встречается такая оценка заокеанской организации: «АРА в своих требованиях чересчур мелочна и консервативна...»³. Действительно, иностранцы могли отказать в выдаче питания, если их не удовлетворяло состояние кухни или комнаты, где дети должны были получать обеды. Коммунистам губернии нередко приходилось собираться после работы или в выходные дни для того, чтобы с привлечением родителей детей, отобранных для получения пищи, отремонтировать или привести в надлежащее санитарное состояние то или иное помещение будущей столовой. О подобных воскресниках в Симбирском округе АРА даже сообщала американская пресса⁴.

Наряду с американцами в Симбирске короткое время поддержку голодающим оказывал лишь Датский Красный Крест. Газета «Правда» в одном из мартовских номеров 1922 г. информировала читателей, что в Симбирской губернии из иностранных организаций помощь оказывает только АРА. В феврале месяце этого года аровцами здесь было распределено 250 тыс. пайков в 1317 столовых и в 248 детских домах и приютах. Кроме того, как сообщала газета, их организация снабжала лечебные учреждения медикаментами и детские учреждения одеждой⁵.

Совсем скоро после начала работы АРА в России выяснилось, что число нуждающихся детей в стране очень велико и руководство иностранной организации решило существенно расширить свою программу детского питания. С весны 1922 г. через ее Симбирскую базу продовольствием начали снабжать и ряд уездов соседних губерний. Уже в середине марта этого года Э. Фокс в письме в московскую контору АРА отмечал, что в тех местах, где американцы оказывали помощь «дети снова стали играть», и «прежняя тишина в

¹ ГАНИ УО. Ф.1. Оп.1. Д.435. Л.2.

² Там же, Д.448. Л.19.

³ ГАРФ. Ф. Р-1065. Оп. 3. Д.48. Л.179.

⁴ New York Times. 1922. August 22, p.6.

⁵ Правда. 1922. 28 марта.

деревнях была разбужена смехом детей». Все это, по его мнению, было «заслуживающим доверия барометром» их возвращения к нормальной жизни¹.

В конце 1921 г. американский конгресс с подачи Г. Гувера и при поддержке президента страны, принял решение об оказании помощи и взрослому населению России. Из государственной казны было выделено 20 млн долларов, на которые у местных фермеров была куплена имевшая тогда в США в избытке кукуруза (маис). Через Атлантический океан зерно кораблями доставлялось в черноморские и балтийские порты, а оттуда на поездах в места голода. По предварительному плану в Симбирском округе предполагалась снабжать пайками кукурузы 360000 человек. Затем число получающих питание взрослых должно было возрасти². Распределение пайков планировалось осуществлять через РАКПД, которые были реорганизованы в комитеты содействия АРА.

Кукурузу, предназначенную для Симбирского округа, предполагалось сначала доставлять в балтийские порты, а оттуда по железной дороге в губернский центр. По плану питания уже в марте-апреле 1922 г. в округе должны были кормить около 400 тыс. человек [4, с. 338]. Ожидалось, что кукуруза прибудет в Симбирск 15 марта. Но из-за суровой зимы и крепкого льда на Балтике корабли не смогли вовремя доставить этот ценный груз в порты. В результате в Симбирск кукурузу пришлось переправлять из черноморских портов. Однако, в губернию она прибыла позднее, чем даже в более отдаленные регионы страны. 1 апреля в губернском центре около склада АРА и на ближайших улицах собралось около трех тысяч подвод из уездов. Возчикам пришлось терпеливо ждать еще три дня. Американцам они говорили, что если не получат помощь, то их семьи не проживут и недели [17, р. 27]. Получившие питание посланцы сел и деревень в очень тяжелых условиях начавшейся весенней распутицы возвращались с ценным грузом в родные места. С открытием речной навигации продовольственные грузы АРА доставлялись из морских портов по железной дороге в Рыбинск или Нижний Новгород, а оттуда по Волге в Симбирск. На 1 мая 1922 г. в округе зерно кукурузы получали 370.539 человек [18, р. 30]. В сводке от 1 мая местные чекисты сообщали в Москву: «Голодающие получают 30-тифунтовый кукурузный паек» [9, с. 629]. Вес суточного пайка, таким образом, составлял один фунт (около 410 г.). Поучающие кукурузу должны были самостоятельно смолоть её и испечь хлеб или приготовить похлёбку, кашу. Американцы предварительно составили рецепты приготовления разных блюд из неизвестного ранее в центральной России продукта, которые были распечатаны в виде листовок и раздавались в местах выдачи кукурузы. В детских столовых, также начали готовить кукурузную кашу.

В июне 1922 г. от имени Симбирского губернского исполкома в адрес руководителя миссии Американской администрации помощи в России полковника Уильяма Хаскелла было послано официальное письмо. В нем кроме слов благодарности в частности сообщалось: «При общем числе населения губернии в 1617000 человек АРА кормит в настоящее время 325.000 детей и 404.000 взрослых. Так широко развернутая Вами работа помощи голодающим является одним из крупнейших факторов в деле поддержания экономического состояния губернии, сильно пострадавшей от гражданской войны и неурожая»³.

Пик деятельности АРА в Симбирском округе пришёлся на лето 1922 г. В отчете ЦК Помгол о деятельности АРА в июне 1922 г. в Симбирском округе АРА отмечается следующее: «Поступившее в конце июня продовольствие 140 вагонов сразу подняло питание и дало возможность часть продовольствия перебросить в Пензенскую губернию, где идет организация столовых»⁴. Позднее питание распространилось и на несколько уездов Нижегород-

¹ ГАРФ. Ф. 10003. Оп.10. Д.147. Л.98 / НИА. АРА. RO. box 116. Folder 3. /

² New York Times. 1922. February 8, p.3.

³ ГАРФ. Ф. 10003. Оп.10. Д.147. Л.443 / НИА. АРА. RO. box 116. Folder 3. /

⁴ ГАРФ. Ф. Р-1064. Оп. 6. Д.59. Л.26.

ской губерний. В июле месяце заокеанское питание в расширенном округе получали 386494 детей и 404775 взрослых [20, р. 556]. Как признавали в Центральной Комиссии помощи голодающим, Симбирский округ АРА был одним из четырех подобных, где американская организация проявляла «особенно энергичную деятельность» [4, с.340]. Надо признать, что во многом это была личная заслуга Э. Фокса. В упомянутом выше письме губисполкома отмечалась, что успешное развитие операций Симбирского отделения АРА стало возможным благодаря «неустанной энергии и неизменному такту» его руководителя.

Летом 1922 г. крестьяне Симбирской губернии благодаря поддержке государства и иностранной организации собрали относительно удовлетворительный урожай. Местные чекисты в сводке от 23 августа сообщали: «Материальное положение крестьян значительно улучшилось». Там же содержалась следующая информация: «Отношение крестьян к предстоящей продналоговой кампании вполне удовлетворительное. Озимпосевкампания будет выполнена с огромным превышением намеченного плана» [9, с. 679]. Исходя из подобных оценок положения, с конца лета – начала осени 1922 г. американцы начали снижать свою программу продовольственной поддержки населения на всех подопечных территориях. В Симбирском округе в конце октября - начале ноября этого года численность детей, получающих обеды от АРА, уменьшилось до 57980. Снабжение взрослых кукурузой и вовсе прекратилось. Лишь в больницах горячее питание получали 2.337 человек [20, р. 556]. Однако, собранного в России урожая все же оказалось недостаточно, и помощь детям со стороны иностранцев была возобновлена. Уже в конце ноября в Симбирском округе ежедневно получили 82000 пайков¹. Снабжение питанием детей и больных шло по нарастающей всю зиму и весну 1923 г. К 31 мая этого года в Симбирском округе было выдано всего 259800 порций². В этот период деятельности окружную контору АРА возглавил Томас Баррингер. Он, как и его предшественник Фокс, также приложил немало усилий для успешной работы по оказанию помощи голодным и больным людям в подопечном ему округе. Аровцам было приятно видеть положительные результаты своей работы. В своих отчетах они фиксировали наиболее яркие примеры выражения благодарности от тех, кто получал их продовольствие. Встречаются там и слова “spasibo” и “rachmet” («спасибо» по-татарски), которые они слышали от местного населения³.

Американцы достаточно строго относились к тому, чтобы их продовольствие, медикаменты или предметы одежды попадали именно к нуждающимся людям. Они также обращала внимание на нарушения, которые имели место в распределении их пайков в некоторых селениях. В деревне Авдотьёво Тетюшской волости местный председатель сельсовета, взявший в свои руки распределение заокеанского продовольствия, раздавал его своим знакомым, а прочих заставлял за полученные пайки работать на себя. Данный персонаж настолько обнаглел, что заявлял крестьянам: «Я теперь для вас царь и бог – захочу всех с голоду уморить – уморю, захочу накормить – накормлю». Информация о подобном случае была помещена в местной газете⁴. Судя по тому, что вырезка из этого номера газеты хранилась в документах Симбирской конторы АРА, определенные выводы по этому случаю американцами были сделаны. Вообще надо отметить, что они очень болезненно реагировали на подобные факты. Ведь в результате, вокруг деятельности миссии АРА распространялись слухи, негативно отражающиеся на авторитете их организации. Поэтому с помощью советских правоохранительных органов они стремились пресечь преступления и требовали от властей наказать виновных, мешающих их благотворительной деятельности. Так, первыми узнав об одной мошеннице, выдававшей себя за инспектора их организации и собиравшей

¹ Там же, Ф. Р-1065. Оп. 3. Д.17. Л.35.

² ГАНИ УО. Ф, 1. Оп. 1. Д.281. Л.703.

³ ГАРФ. Ф. 10003. Оп.10. Д.147. Л.227. / НИА. АРА. РО. Box 116. Folder 3. /

⁴ Экономический путь. (Симбирск). 1922. 28 июня.

деньги с доверчивых жителей Симбирска, якобы за будущие пайки, они потребовали от уполномоченного задержать ее и привлечь к суду и, вообще, «обратить на это внимание Уголовного розыска»¹.

Американцев крайне возмущало, когда они обнаруживали на рынках то, что бесплатно должны были получать голодающие. В связи с подобными случаями Симбирская контора АРА предупреждала местного уполпреда: «Соблаговолите информировать угрозыск и другие учреждения, коим это ведать надлежит, что ни обувь, ни костюмы, ни продукты питания, выдаваемые АРА не могут быть продаваемые, а должны расходоваться и потребляться тем, кому выдаются»². Милиция и чекисты, конечно, старались не допустить хищений иностранной гуманитарной помощи, но такие случаи в округе были. Охранникам приходилось даже применять оружие, защищая от грабителей то, что предназначалось только для голодных. О таком случае в Симбирске на улице Новый Венец, где бандиты напали на продуктовый склад АРА, но получили должный отпор, например, в одном из номеров поведала местная газета «Экономический путь»³.

Аровцы также старались следить за тем, чтобы их продовольствие получали именно нуждающиеся. Между тем провоз продуктов из складов в села местным властям было трудно организовать из-за недостатка средств на оплату возчикам и прокорм лошадей. Симбирский руководитель миссии АРА Фокс, похоже, понимал это и допускал в этом вопросе некоторый отход от строгих правил его организации. Так получив информацию из села Базарный Урень, Теньковской волости о том, что выданная АРА кукуруза пошла не по назначению, он поручил своему инспектору разобраться с этим вопросом. На общем собрании крестьяне составили объяснительный документ. Из протокола, подписанного жителями села было видно, что весной 1922 г. они действительно по общему согласию решили часть пожертвованных им пайков передать возчикам для подкормки изможденных лошадей. Они также пояснили, что жалоба на них была составлена зажиточными крестьянами этого села, которым по праву было отказано в получении заграничного питания. Фокс вполне удовлетворился ответом и информировал об этом местного уполпреда при его организации⁴.

Во многих местах, где находились иностранные организации помощи, имели место разные случаи, мешавшие их работе. В Симбирском округе АРА, например, распространялись слухи о том, что за предоставленную американцами помощь населению впоследствии придется дорого заплатить. По требованию директора окружного отделения АРА местные газеты разъяснили, что раздаваемая пища является подарком от американского народа и раздается совершенно бесплатно. Эта информация была размещена и на плакатах, которые были отпечатаны в местной типографии в количестве одной тысячи экземпляров. На них крупными буквами, предваряющими текст разъяснения, было напечатано: «Дар американского народа» [21, р. 118].

Отдельно остановимся на медико-санитарной помощи американцев. В декабре 1922 г. в губернии начала осуществляться медицинская программа АРА. Ее возглавлял доктор Марк Годфрид. Сюда были отправлены лекарства и средства дезинфекции, а также медицинские инструменты, больничное белье и одежда. Уже в январе 1922 г. все это было передано 26 госпиталям, 33 диспансерам и 25 детским домам [17, р. 15]. Сама американская организация открыла в Симбирске три диспансера, которые ежедневно обслуживали более 200 пациентов [18, р. 16]. Кроме того, в городе была открыта бесплатная аптека. Рецепты нуждающиеся могли получить после посещения врачей одобренных конторой АРА. Для то-

¹ ГАРФ. Ф. 10003. Оп.10. Д.149. Л.283. / НИА. АРА. РО. Box 117. Folder 3

² Там же, Д.150. Л.504. / НИА. АРА. РО. Box 117. Folder 4. /

³ Экономический путь. (Симбирск). 1923. 17 января.

⁴ ГАРФ. Ф. 10003. Оп.10. Д.151. Лл.367-369. / НИА. АРА. РО. Box 118. Folder 1. /

го, чтобы не было злоупотреблений с лекарствами, на упаковки с ними наклеивали этикетки с надписью «Дар американского народа».

В Симбирской губернии, как и в других местах голода, свирепствовали заразные болезни. Число заболеваний тифом, например, с начала голода на этой территории к 1922 г. выросло в пять раз¹. В связи с этим весной-летом 1922 г. в округе была проведена кампания вакцинации против этой и некоторых других опасных инфекций. Прививки препаратами, привезёнными курьерами АРА из Франции из института Пастера, проводили местные медицинские работники. За свою работу они получали пайки кукурузы, а наиболее нуждающиеся и специальные продуктовые посылки. Так как существовало опасение, что «массы населения в силу своей косности, не будут в достаточном количестве являться на прививки», уполпред при АРА просил губком РКП(б) «весь его агитационно-пропагандистский аппарат и агитаторов, посылаемых по деревням, использовать для целей популяризации прививочной кампании»². Действительно, по некоторым документам видно, что малограмотные крестьяне боялись прививок и старались избегать их. Однако американцы пригрозили, что не будут выдавать кукурузу тем, кто отказывается от вакцинации и это произвело положительный эффект.

Во всех уездах округа была проведена санитарная чистка населенных пунктов. На съезде уполпредов в Москве в августе 1922 г. представитель Симбирской губернии особенно отметил, что на этой территории «в санитарном отношении сделано много». На организацию очистных работ только в губернском центре АРА выделила 1000 пудов кукурузы³. Заметную роль в оздоровлении санитарной обстановки в округе сыграла и бесплатная раздача мыла. В 1923 г. туалетное мыло даже передавали в местные парикмахерские (По документам АРА - *barber shops*).

Наряду с продовольствием и медикаментами АРА отправляла в Россию обувь и одежду, в которой остро нуждалось население. С начала кампании по 1 июля 1922 г. в губернии было роздано 25700 пар обуви, 54300 пар чулок, 7365 пальто, 8024 платьев и 16 ящиков старой одежды. Кроме того, за время с 1 по 15 июля в губернии было снабжено одеждой 740 детей и в Алатыре – 32 человека [4, с. 343]. Особая забота была проявлена о младенцах. После рождения детей их иногда из-за острой нехватки ткани завертывали в тряпки или даже бумагу. В адрес Русской миссии АРА из США были отправлены 100000 комплектов для новорожденных, в которые входили фланелевые пеленки, распашонки и т.п. В Симбирске объявление о выдаче таких комплектов было размещено в местной газете. Из одного из отчетов, отправленного в московскую контору АРА в начале 1923 г., следовало, что такими комплектами в губернии были обеспечены 700 младенцев. Растроганный сотрудник Симбирского отделения организации писал своему руководству: «Нет слов, чтобы передать благодарность от матерей, некоторым из которых всего 16 или 17 лет»⁴.

Можно отметить и посылочную программу АРА в России. Через эту организацию отдельные лица в США или Западной Европе могли купить продуктовую или одеждуную (мануфактурную) посылку и отправить ее своим знакомым или близким. Правда следует отметить, что Симбирский округ АРА по сравнению с другими территориями, таких адресных посылок получал немного. Большим подспорьем для учителей губернии стали посылки, направленные в их адрес от пожелавшего остаться неизвестным благотворителя из США. Продовольствие и ткани для пошива костюмов или платья были розданы преимущественно преподавателям школ второй ступени.

¹ Правда. 1922. 17 октября.

² ГАНИ УО. Ф.1. Оп.1. Д.456. Л.21.

³ ГАРФ. Ф. Р-1065. Оп.3. Д.45. Л.32 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 10003. Оп.10. Д.156. Л.415. / НИА. АРА. РО. Box 121. Folder 3. /

Весной 1922 г. в округе относительно успешно была проведена посевная кампания. Наряду с местным посадочным материалом крестьяне получили и семенную пшеницу из США. Она была закуплена Советским правительством у американских фермеров через посредство АРА за золото. Правда, в Симбирск она пришла сравнительно поздно, и частично была съедена. Как отмечалось на X губернской партийной конференции РКП(б) 26 июня 1922 г.: «Посевная кампания прошла великолепно, виды на урожай выше средних»¹. В Симбирском округе также были предприняты попытки некоторые участки полей засеять кукурузой.

Деятельность Американской администрации помощи в Советской России не имела бы успеха без поддержки центральных и местных властей. Из внутренних документов миссии АРА в Симбирске видно, что руководство губернии понимало важность той работы, которую здесь проводили иностранцы. «АРА полностью осознает те громадные трудности в выполнении своей программы в существующих условиях, которые являются результатом прошедшей семилетней войны, но благодаря тесному сотрудничеству с местными властями и самим населением мы уверены, что эти трудности будут преодолены», – писал в Фокс в одном из своих отчетов, посланных в Москву своему руководству еще в начале миссии². Особенно высоко сотрудники Симбирского отделения АРА оценивали поддержку их работы председателем губисполкома Ричардом Рейном.

Конечно, взаимоотношения между властями территорий, где работала миссия АРА и местными властями не были идеальными. Случались конфликты и недоразумения. Большой частью они были вызваны недостатком ресурсов и денежных средств имевшихся в распоряжении губерний и уездов. Власти Симбирска, обязанные содействовать АРА, не всегда могли ответить на запросы, касающиеся выплаты жалования ее местному персоналу, оплаты перевозок продовольствия в уезды и волости, снабжения помещений, занимаемых американцами дровами, а их автотранспорта горючим и т.п. Следует отметить, что не совсем благоприятные отношения у американцев складывались отнюдь не с советскими или партийными органами, а с профсоюзами. В Симбирске, как и в некоторых других местах, имели место аресты служащих АРА, набираемых из числа местных граждан. Если они были, с точки зрения, американцев неоправданными, то они активно протестовали, угрожая прервать помощь. В таких случаях, чекистам, иногда, действительно превышавшим свои полномочия, приходилось уступать.

Весной 1923 г. прогнозы на урожай в России оказались неплохими, и Американская администрация помощи приняла окончательное решение прекратить работу в России. В период ликвидационных работ возникли определенные трудности. Так советская сторона настаивала на том, чтобы детские столовые АРА в городах и селах постепенно закрывались, а оставшиеся продукты были переданы более нуждающимся детским домам и больницам. Американцы же на это шли крайне неохотно. В то же время перед окончанием своей работы, а именно в мае 1923 г., АРА наконец-то разрешила при приготовлении блюд в детских домах и больницах смешивать их продукты с местными. В последнем месяце пребывания АРА в России – в июне 1921 г. в Симбирском округе американские обеды получали 255 000 детей и более 4300 взрослых (в больницах) [20, р. 556]. После подписания соглашения АРА с центральным советским правительством американцы начали покидать территории, на которых они вели свою деятельность. Симбирская окружная контора была закрыта 21 июня 1923 г. Последними город покинули Томас Баррингер и Элвин Блонквест. В прощальном письме руководителя отделения АРА в адрес руководства губернии содержались следующие слова: «Мы увозим с собой в нашу страну с особым удовольствием большое количество выражений признательности за нашу работу, полученных от сотен деревень, селений и

¹ ГАНИ УО. Ф. 1. Оп.1. Д.28. Л.17.

² ГАРФ. Ф. 10003. Оп.10. Д.147. Л.350. / НИА. АРА. РО. Box 118. Folder 1. /

городов – со всех концов нашего округа, и теперь, накануне нашего отъезда, мы хотели бы еще раз заверить русский народ, что если бы когда либо возникла бы необходимость помощи Америки для предотвращения подобного бедствия, мы будем всегда готовы первыми оказать эту помощь»¹. На начало этого месяца на складах Симбирска оставалось еще 115771 пуд продовольствия и лекарств АРА [5, с. 56]. Оставленные продукты питания были переданы местным детским домам. Лечебные учреждения некоторое время пользовались привезенными американцами лекарствами и медицинскими инструментами. Пригодилась и порожняя тара.

4. Заключение

Подводя итоги, следует отметить особую важность продовольственных поставок Американской администрации помощи для голодного населения Симбирской губернии. Горячие обеды для детей и раздача кукурузы для взрослых позволили сохранить здесь жизни десяткам тысяч людей. Не менее важным, на наш взгляд, было снабжение лечебных учреждений губернии лекарствами и медицинским оборудованием, вакцинация населения от различных болезней. Определенную положительную роль сыграли продовольственные и вещевые посылки. Сами сотрудники АРА были весьма заинтересованы в успехе своей благотворительной деятельности. Они достаточно тесно взаимодействовали с местными властями в деле спасения людей. Без такого сотрудничества, успех в деле борьбы с голодом был бы сомнителен. Все это впоследствии способствовало успешному восстановлению хозяйственной жизни в Симбирской губернии.

Список источников и литературы

1. Аншакова, Ю. Ю. (2007). *Гуманитарная миссия АРА в Казани во время голода 1921-1922 гг.* // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.9. № 2. С. 382-391.
2. Аншакова, Ю. Ю. (2010). *У нас не могут работать люди равнодушные: Работа Американской администрации помощи в Самарском округе в документах АРА (1921-1923 гг.)* // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.12. № 2. С. 243-251.
3. Выходцев, С. (1922). *Помощь иностранцев голодающим детям Поволжья*. М.: 39-я тип. М.Г.С.Н.Х. 14 с.
4. *Итоги борьбы с голодом*. (1922). М.: ЦК Помгол. 499 с.
5. *Итоги последгола*. (с 15. X.1922 – 1.VIII.1923). (1923). М.: Ликвидком ЦКПГ. 218 с.
6. Линьков, А. П. (2009). *Документы Сызранского филиала ЦГА Самарской области о деятельности АРА в Поволжье в 1921-1923 гг.* // Отечественные архивы. № 1. С. 55-56.
7. Погромский, В. А. (2016). *Деятельность Американской администрации помощи в Царицынской губернии и прилегающих территориях в период голода 1921-1923 гг.* // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. Т.2. № 1(5). С. 37-44.
8. Смит, Д. (2021). *Российская миссия. Забытая история о том, как Америка спасла Советский Союз от гибели*. М.: АСТ: CORPUS. 352 с.
9. *Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Док-ы и материалы в 4-х т.* Т.1. 1918-1922. М.: РОССПЭН, 2000. 864 с.
10. Усманов, Н. В. (2015). *Американская администрация помощи на Урале (1921-1923 гг.)*. Уфа: РИЦ БашГУ. 300 с.
11. Усманов, Н. В. (2007). *Оренбургское отделение АРА (1921-1923гг.)* // Вопросы истории. № 12. С. 111-116.

¹ Там же. Д.151. Л.929. / НИА. АРА. РО. Box 116. Folder 3

12. Федотова, А. Ю. (2010). *Социальный состав служащих Казанского отделения Американской администрации помощи в условиях голода 1921-1923 гг.* // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 152. № 2-3. С. 116-121.
13. ARA Bulletin. Ser. 2. 1921. No.17.
14. ARA Bulletin. Ser. 2. 1921. No.19.
15. ARA Bulletin. Ser. 2. 1922. No.20.
16. ARA Bulletin. Ser. 2. 1922. No.21.
17. ARA Bulletin. Ser. 2. 1922. No.23.
18. ARA Bulletin. Ser. 2. 1922. No.25.
19. Patenaude B. (2002). *The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford, Ca.: Stanford University Press. 818 p.
20. Fisher H. (1927). *The Famine in Soviet Russia. 1919-1923. The Operations of the American Relief Administration*. N-Y.: Macmillan. 609 p.
21. Weissman B. (1974). *Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia. 1921-23*. Stanford, Ca.: Hoover Institution Press. 118 p.

References

1. Anshakova Yu. Yu. (2007). *Gumanitarnaya missiya ARA v Kazani vo vremya goloda 1921-1922 gg.* [The ARA humanitarian mission in Kazan during the famine of 1921-1922] in *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk*. v. 9. 2. 382-391. (in Russian).
2. Anshakova Yu. Yu. (2010). *U nas ne mogu rabotat liudi ravnodushnye: Rabota Amerikanskoi administratsii pomoshchi v Samarskom okruge v dokumentakh ARA (1921-1923 gg.)* [We Cannot be served by neutrals: the American Relief Administration documents on its activities in Samara region (1921-1923)] in *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk*. v. 12. 2. 243-251. (in Russian).
3. Vyxodcev S. (1922). *Pomoshh inostrancev golodayushhim detyam povolzh'ya*. [The foreign aid to starving children of the Volga region]. Moscow, 39-ya tipografia M.G.S.N.X. (in Russian).
4. Itogi bor`by s golodom. [The results of the fight against hunger]. Moscow, CK Pomgol, 1922. (in Russian).
5. Itogi posledgol. (s 15. X.1922 -1. VIII.1923). (1923). [The results of the consequences of the famine]. Moscow, Likvidkom CKPG. (in Russian)
6. Lin`kov A. P. (2009). *Dokumenty Syzranskogo filiala TsGA Samarskoi oblasti o deyatelnosti ARA v Povolzhe v 1921-1923 gg.* [Documents of the Syzran branch of the Central State Administration of the Samara region on the activities of the ARA in the Volga region in 1921-1923] in *Otechestvennye arkhivy*. 1. 55-56. (in Russian).
7. Pogromskii V. A. (2016). *Deiatelnost Amerikanskoi administratsii pomoshchi v Tsaritsynskoi gubernii i privilegiiushchikh territoriiakh v period goloda 1921-1923 gg.* [The activities of the American Relief Administration in Tsaritsyn province and adjacent territories during the famine of 1921-1923] in *Vestnik mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki*. v.2. 1(5). 37-44. (in Russian).
8. Smith D. (2021). *Rossiiskaya missiya. Zabytaya istoriya o tom, kak Amerika spasla Sovetskii Soyuz ot gibeli* [The Russian Job. The Forgotten Story of How America Saved the Soviet Union from Ruin]. Moscow, AST: CORPUS. (in Russian)
9. Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918-1939. Dok-y` i materialy v 4-x t. T.1. 1918-1922. [The Soviet village through the eyes of the Cheka -GPU -NKVD. Documents and materials in 4 volumes. V.1. 1918-1922]. Moscow, ROSPEN. 2000, (in Russian).

10. Usmanov N. V. (2015). *Amerikanskaia administratsiia pomoshchi na Urale (1921-1923 gg.)*. Ufa: RITs BashGU, 300 s. [The American Relief Administration in the Urals region (1921-1923)]. Ufa, RIC BashGU. (in Russian).
11. Usmanov N. V. (2007). *Orenburgskoe otdelenie ARA (1921-1923gg.)* [Orenburg branch of the ARA (1921-1923)] in *Voprosy istorii*. 12. 111-116. (in Russian).
12. Fedotova A. Yu. (2010). *Sotsialnyi sostav sluzhashchikh Kazanskogo otdeleniia Amerikanskoi administratsii pomoshchi v usloviakh goloda 1921-1923 gg.* [The social composition of the employees of the Kazan branch of the American Relief Administration in conditions of famine in 1921-1923] in *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. t. 152. 2-3. 116-121. (in Russian).
13. ARA Bulletin. Ser. 2. 1921. No. 17.
14. ARA Bulletin. Ser. 2. 1921. No. 19.
15. ARA Bulletin. Ser. 2. 1922. No. 20.
16. ARA Bulletin. Ser. 2. 1922. No. 21.
17. ARA Bulletin. Ser. 2. 1922. No. 23.
18. ARA Bulletin. Ser. 2. 1922. No. 25
19. Patenaude B. (2002). *The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford, Ca.: Stanford University Press.
20. Fisher H. (1927). *The Famine in Soviet Russia. 1919-1923. The Operations of the American Relief Administration*. N-Y.: Macmillan.
21. Weissman B. (1974). *Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia. 1921-23*. Stanford, Ca.: Hoover Institution Press.

АРХЕОЛОГИЯ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ /
ARCHEOLOGY AND QUESTIONS OF THE HISTORY OF ANCIENT RUS'

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-22-31>
УДК 94 (470.319-21)

КОНТАКТЫ ГЕНУЭЗСКОЙ ГАЗАРИИ И ПЕРСИИ
ПО МАТЕРИАЛАМ «АКТОВ ГЕНУЭЗСКИХ НОТАРИЕВ»

Е.С. Кузнецов

*Университетская площадь, д. 1
Воронеж, 394018, Россия*

Аннотация

Введение. В статье исследуются особенности экономических связей Причерноморья и Персидского региона внутри переднеазиатской системы международных отношений Позднего Средневековья. Актуальность исследования состоит в обращении к малоизученной теме с целью, во-первых, выявления и обобщения имеющихся знаний, а во-вторых, открытия новых с применением ранее не исследованной по этому вопросу источниковой базы. **Материалы и методы.** На материале отечественной современной историографии с привлечением источников сборника «Акты генуэзских нотариев» показаны топонимические, ономастические и иные свидетельства существования стойкого экономического взаимодействия между Северным Причерноморьем и государствами территории современного Ирана. Используются статистический и типологический методы, метод контент-анализа генуэзского актового материала XIV–XV века. **Результаты.** Успешно разрешен целый ряд проблемных вопросов, например, показана степень полезности генуэзского актового материала для работ данной тематики или степень ее изученности в отечественной историографии. **Заключение.** Актовый материал, отличающийся высокой точностью информации, позволяет уточнить круг торговых связей Газарии в евразийских трансконтинентальных операциях Позднего Средневековья. Русская позднесоветская и современная историография показала, однако, явно недостаточный уровень изучения проблемы переднеазиатско-причерноморских экономических связей Позднего Средневековья. В этих исследованиях она отражена на специфическом уровне – практически только в виде описи товаров и перечня населенных пунктов и регионов, с которыми велась торговля. Нигде в привлеченной литературе нет информации о социальных, политических и правовых аспектах организации этой экономической деятельности на территории собственно Азии – тогда как про Газарию сведений более чем достаточно.

Ключевые слова: Генуэзская Газария, государство Тимуридов, Персия, Генуя, Причерноморье, Великий Шелковый путь.

Для цитирования: Кузнецов Е.С. (2024). Контакты генуэзской Газарии и Персии по материалам «Актов генуэзских нотариев» // История: факты и символы. № 2 (39). С. 22-31 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-22-31

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 23-18-00147 «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII-XIV вв.)»).

https://grant.rscf.ru/prjcard_int?23-18-00147&ysclid=ls0c4c7ofj598761724

Статья поступила: 10.01.2024

Статья принята в печать: 20.04.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Кузнецов Е., 2024

CONTACTS OF GENOESE GAZARIA AND PERSIA BASED ON THE MATERIALS OF THE "ACTS OF THE GENOESE NOTARIES"

Elisey S. Kuznetsov

*University Square, 1, Voronezh,
394018, Russia*

Abstract

Introduction. The article examines the features of economic relations between the Black Sea region and the Persian region within the West Asian system of international relations of the Late Middle Ages. The relevance of the research consists in addressing a little-studied topic in order, firstly to identify and generalize existing knowledge, and secondly to discover new ones using previously unexplored source base. **Materials and methods.** In the article toponymic, onomastic and other evidence of the existence of persistent economic interaction between the Northern Black Sea region and the states of the territory of modern Iran are shown based on the material of Russian modern historiography and the sources of the collection "Acts of Genoese Notaries". There were used statistical and typological methods, and also the method of content analysis of Genoese act material of the XIV–XV century. **Results.** A number of problematic issues have been successfully resolved, for example, the degree of usefulness of the Genoese act material for works on this topic or the degree of its study in Russian historiography. **Conclusion.** The encountered difficulties are formulated as specific problems to be solved in the course of future research, based on the material of high-precision source material, the available historiographical evidence on this problem is confirmed and clarified to a certain extent. Soviet and modern historiography has shown, however, a clearly insufficient level of study of the problem of the Western Asian-Black Sea economic relations of the Late Middle Ages. In these studies, it is reflected at a specific level - almost only in the form of an inventory of goods and a list of settlements and regions with which trade was carried out.

Keywords: Genoese Gazaria, Timurid state, Persia, Genoa, Black Sea region, the Great Silk Road
For citation: Mayorov A. A. (2024). Prince Michael Vorotynsky, the town of Novosil and the wrath of the tsar In *History: facts and symbols*, 1 (38), 22-31 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-22-31

Funding: The research funded by grant a Russian Science Foundation (grant project №. 23-18-00147 "Socio-political organization of the Eurasian space in the Middle Ages (historical experience of the Golden Horde and Iran of the XIII–XIV centuries)").

https://grant.rscf.ru/prjcard_int?23-18-00147&ysclid=ls0c4c7ofj598761724

Received: 10.01.2024

Revised: 20.04.2024

Published: 14.06.2024

© Kuznetsov E., 2024

1. Введение

В дискуссии о месте и роли северопричерноморского региона в евразийских экономических отношениях господствует точка зрения, согласно которой он был конечным звеном северной ветви Великого Шелкового пути. Эта позиция вполне однозначно доказана, хорошо изучены и описаны конечные звенья как северной, так и двух других – центральной (Малая Азия и Византия) и южной (Египет и Левант) – ветвей. Большинство исследователей они понимаются как горизонтальные и непересекающиеся явления экономической карты Азии с глубокой древности и до Позднего Средневековья, однако ряд регионов, связанных между собой, выбиваются из этой парадигмы. В первую, более хронологически раннюю, эпоху IX–X вв. примером этому выступала Византийская империя, непосредственно замыкавшая на себе южную и центральную ветви, а через посредство Хазарии – и северную. Вторым периодом можно считать Позднее Средневековье, когда связи между Северным Причерноморьем, и, соответственно, северной ветвью маршрута, и Персией, располагавшейся на ветви центральной, также обеспечивали сложность и широкое разнообразие явлений социально-экономической жизни всего макрорегиона.

Сказанное выше объясняет значимость исследований по проблематике таких контактов. Для упрощения изложения, а также в силу специфики привлекаемой источниковой базы и историографии, территории, входившие в регион «Северное Причерноморье» возможно объединить термином «Газария» или «Генуэзская Газария». О сущности этого термина в отечественной и зарубежной историографии см. позицию авторов словаря Брокгауза и Ефрона и С. П. Карпова [3, с. 788; 7, с. 48, 167]. В настоящей статье ограничимся указанием на то, что под Газарией автор понимает территории северного побережья Черного и побережья Азовского морей, политически подчиненные администрации Улуса Джучи, однако напрямую управляемые властями итальянских талассократических республик на договорных отношениях. Тот факт, что Генуэзская Газария и просто Газария понимаются нами здесь как равнозначные, хотя и не были таковыми, объясняется очень просто. Кроме Генуи, факториями в регионе владела еще Венеция [11, с. 116–118], но их в собственно называемой Газарией области было всего две – Соркати (Солхат) и Тана – обе частично, и ни одна не была вовлечена напрямую в сношения с Персией.

Термин «Персия» в настоящем исследовании так же используется как обобщающий для периода XIV–XV веков, и включает в себя территорию таких стран, как государства Хулагуидов, Джалаиридов, Чобанидов, Картидов, Музаффаридов, Сарбадаров, Кара-Коюнлу и, конечно, Тимуридов [2, с. 412]. Причиной выделения общего термина является, на наш взгляд, определенное внутриэкономическое и бесспорное внешнеэкономическое единство региона при крайней недолговечности, множественности и, порой, даже параллельности политических режимов внутри него. Экономическое единство здесь следует понимать как единство роли, выполняемой регионом в рамках международной экономики, и отсутствие такого явления, как торговое противостояние.

Главным уточнением, которое нужно сделать перед началом исследования связей Газарии и Персии, является то, что эти связи не были непосредственными, проходя через специфический регион Южного Причерноморья, главным политико-экономическим центром которого являлся Трапезунд. Этот регион на пике расширения простирался по южному берегу Черного моря от Гераклеи Понтийской на западе до Себастополиса (Сухуми) на востоке. Наличие такого посредства придавало еще больше особенностей и так специфичным контактам Персии с Газарией.

2. Материалы и методы

В первую очередь эта специфика выражалась в практически полном отсутствии политических и религиозных контактов. Основная часть, подавляющее большинство их лежало в социально-экономической сфере. Подтверждением этому может служить проведенный нами анализ классической отечественной историографии. В качестве примеров таких про-

изведений были использованы монографии А. Г. Еманова «Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв.» [5] и С. П. Карпова «Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XIV века: проблемы торговли» [8], посвященные экономической истории северопричерноморского региона, а также обобщающая монография С. П. Карпова по истории Трапезундской империи [6]. В текстах этих работ осуществлялся поиск любых прямых или косвенных упоминаний персидского региона в данных топонимики, ономастики, анализировались также названия специфических товаров и другие свидетельства.

Этот этап исследования показал, что более тридцати различных наименований товаров в описанную эпоху либо производилось в персидских городах и шло через южнопричерноморские города в Газарию, либо шло транзитом через Персию с востока – из Индии, Китая и с юга Средней Азии. Среди них, в первую очередь, различные виды тканей и изделий из них, преимущественно – шелк (притом персидский ценился выше китайского) [5, с. 107, 154; 8, с. 115, 119, 120; 6, с. 140–141, 148, 181, 233] и хлопок, одним из главных районов культивации которого и была Персия [5, с. 152, 156; 8, с. 123; 6, с. 141]. Также упоминается торговля ремесленными изделиями (декорированная посуда) [5, с. 114] и драгоценностями (жемчуг, бирюза, лазурит) [5, с. 170–172, 173, 177–178, 180; 8, с. 125]. Нельзя обойти вниманием и транзит пряностей – перца, мускатного ореха и цвета, гвоздики [5, с. 160–164; 8, с. 110, 112]. Примечательно, что и сама Персия была источником пряностей – в Хорасане культивировался и вывозился за пределы региона шафран [5, с. 189].

Помимо этого, были выявлены около двадцати топонимов, локализуемых в Персии. Они подразделяются на две основные группы – названия городов и названия регионов. Открыта закономерность, согласно которой в числе городов чаще названы расположенные на северо-западе – ближе к Черному морю – а в числе регионов, наоборот, более восточные. Наибольшим количеством упоминаний городов обладают города Тебриз (употребляется во многих формах – Тевриз, Тавриз и т.д.), Сольтания (Султания, Сольтание), Эрзинджан, Сивас [5, с. 105, 134, 147–148, 154; 8, с. 110–112, 115, 119; 6, с. 129–141]. Меньше внимания уделено южным и восточным городам, как-то: Керман (совр. Керманшах), Астрабад (совр. Горган), Шираз и Ормуз, Кашан и Йезд [5, с. 134, 163–164; 8, с. 117, 119, 125; 6, с. 129–141]. В числе регионов наиболее часто упомянута «северная пара» – Гилян и Мазендеран [5, с. 147–148; 8, с. 117; 6, с. 131–141].

Причиной таких закономерностей можно назвать то, что в итальянских источниках находили более конкретное отражение именно близкие географически области, с которыми, к тому же, были теснее торговые связи – то есть, в первую очередь, малоазийская часть Персии и торговый центр в Тебризе. Ономастические данные, представленные в этих работах, принадлежат правителям тех или иных государств – ильхану Олджейту [6, с. 129] и джелаиридскому султану Увейсу I [6, с. 244], например – и не дают серьезной помощи в исследовании.

С момента публикации этих работ, однако, в научный оборот был введен еще один комплект актового материала газарийского происхождения – сборник исторических источников, составленный коллективом авторов во главе с С. П. Карповым [1]. Поэтому целью работы нами была взята проверка данного источникового материала на наличие сведений по истории внешних сношений Газарии и Персии. В ходе исследования акты, как ранее монографии исследователей, были рассмотрены с помощью топонимического и ономастического анализа. Кроме того, был проведен поиск специфических наименований товаров.

Непосредственным источником для топонимического анализа стали локализующиеся в Персии либо явно персидские по происхождению топонимы. Они были встречены нами в трех актах номеров с 44-го по 46-й, посвященных судебному производству по одному единственному делу, которое происходило в 1411 году. Этому же судебному процессу посвящен акт №5/47, однако среди его данных, хотя и упоминаются многие люди из трех пре-

дыдущих документов, например, подследственный, Achi, буквального упоминания ни одного населенного пункта либо географического региона нет. Ранее в ходе работы над этим источниковым материалом сведения были классифицированы, и среди этих актов есть три протокола (№5/45, №5/46, №5/47 [1, с. 426–438]) и одно заявление (№5/44 [1, с. 424–426]).

Стоит также сделать важную оговорку о внешнеполитической ситуации в персидском регионе на момент 1411 г. – буквально только что, в 1405 году, умер Тамерлан, и территории, чуть ранее объединенные им силой оружия, начали стремительно выходить из-под власти его сыновей и внуков. Однако сам факт их совсем недавнего политического единства чрезвычайно примечателен – так, под прямым управлением из одного центра находились территории от Эрзерума до Кашгара с запада на восток и от Ургенча до Шираза с севера на юг.

Собственно топонимические данные в этих конкретных документах можно распределить определенным образом в зависимости от количества и типов указаний в них населенных пунктов либо географических регионов. Топонимы в текстах упомянуты различное количество раз, и анализ таковых упоминаний позволит понять, жители каких персидских территорий 1) в принципе появлялись в Каффе, 2) насколько часто они это делали. По типам сведения делятся на однозначно локализуемые указания населенного пункта, географически неоднозначные указания населенного пункта и указания регионов. В дальнейшем эти данные пригодятся для изучения важности тех или иных территорий для внешних связей Генуэзской Газарии, и, несмотря на их скудость, приведут к достаточно значимым выводам.

3. Результаты

Наиболее точно локализуемым упоминанием обладают три города – Хамадан, Тифлис и Сольтания. Хамадан (Amadam), из которого происходит истец по этому делу, упомянут три раза самостоятельно в актах №5/44 [1, с. 424], №5/45 [1, с. 428–429] и №5/46 [1, с. 433, 435], в форме «in loco» («в городе/в месте»), а не в составе относительной характеристики. Если считать упоминание «dictum Achi» («того же Achi») в акте №5/47 [1, с. 437] за еще одно «косвенное» указание на Хамадан, то этот город будет назван во всех четырех актах. Сведения о Тифлисе, в форме Theflis, содержатся единственный раз самостоятельно в акте №5/46 [1, с. 432]. Кроме того, однозначным является сообщение в том же акте о летней столице государства Кара-Коюнлу, городе Солтания/Султания (Soltania), пусть и сделанное в относительном формате – в имени юриста Abraam Armenus de Soltania, привлеченного как свидетеля по этому делу [1, с. 430].

Менее точны указания на географические регионы – Гилян и Мазендеран. Гилян (Ghilan/Ghilam/Gillam) упомянут в актах №5/44 [1, с. 424], №5/45 [1, с. 427–431] и №5/46 [1, с. 432–434]. Все указания на него – прямые и самостоятельные. Напротив, во всех актах (№5/44 [1, с. 425], №5/46 [1, с. 432, 434]), где назван Мазендеран (Mazandaran/Mazandram/Mazadaram) все упоминания – относительные.

Загадкой, пока не нашедшей разрешения, является пространственная локализация еще одного топонима этих актов – города Лайам (Laiam/Layam). В одном из актов (№5/45) [1, с. 429], где называется этот «город» (lo, loci – в родительном падеже), слово употреблено самостоятельно, в другом (№5/46) [1, с. 431] – связано с правителем (rex), которого звали Zachial. Этот правитель называется господином города Лайам и провинции Гилян, однако, согласно нашим данным, в течение всего Средневековья административным центром Гиляна как фактически, так и в иностранном сознании выступал город Решт. Загадка Лайама может разрешиться при нахождении большего количества упоминаний этого города в текстах источников, или, например, при привлечении синхронных документов персидского происхождения.

Ономастические данные дали еще более скудные результаты – из семи названных «необычных» имен два имеют однозначно персидскую этническую принадлежность – Ардашир (Ardesser) [1, с. 434] и Искандер (Coiascandar/Scandar) [1, с. 425, 432]. Еще два имени

специфически армянские – Паронвасил (Paronvasil) [1, с. 424–428, 430–435, 437] и Джоансер (Iohanser/Iohamser) [1, с. 425–426, 429–430, 435–438], то есть происходят из земель периодически и только временно входивших в состав принятого нами персидского региона. Одно из оставшихся имен, свидетеля, перса из Мазендерана, свидетеля по делу Achi – мусульманское, его зовут Мохаммед (Mocomet) [1, с. 434]. То, что он относится именно к персидскому региону, показывает относительная характеристика, на основе имени вообще никаких необходимых выводов, кроме религиозной принадлежности, сделать невозможно.

Однако с главным героем этой судебной эпопеи все еще сложнее. Сам Achi носит неоднозначное имя, или, вернее, неоднозначность в его понимание внес в своих комментариях С. П. Карпов, который перевел его как Ходжа [1, с. 424]. Не ясно, чем он мотивировал это решение, однако мировая ономастика в принципе не знает такого имени. Зато буквальная транслитерация, «Ачи» вполне известна, это типичное тюркское охранительное именование со значением «горький, кислый». Ходжа ни в одном из найденных нами значений никогда не выступает как личное имя, всегда только как своеобразный гонорифик. Его значения – либо проявление личностного уважения к названному так человеку («Х-хаджи» = почтенный Х), либо являющийся уважительным именованием члена определенного сословия (в Средней Азии – потомки первых проповедников ислама), либо, в форме «хаджи» – указание на мусульманина, который завершил хадж. Несмотря на эту реконструкцию понимания имени подследственного, пользы она, всего лишь указывающая на его тюркское происхождение, дает гораздо меньше, чем отдельное указание на то, что он из Хамадана. В общем, только для одного человека не удалось вообще никак реконструировать значение имени или даже перевести его в какой-либо адекватной форме – и здесь фигурирует все тот же *gex Zachial*.

Однако из семи имен уже четыре являются живым подтверждением газарийско-персидских контактов в узком смысле слова, когда в них вступали именно «персы» с территории «Персии», а не случившиеся там с транзитным товаром купцы-иноплеменники. Особо примечателен также факт, что эти люди лично присутствуют в Каффе для того, чтобы давать показания по делу, то есть мы получаем лишнее подтверждение тому, что не только итальянцы приезжали в мусульманские города для торговли, но и обратное движение также имело место. Кроме того, это – еще и аргумент в пользу понимания коммуны Каффы не как тройственного образования из латинян, греков и армян, но как полиэтничного объединения. Здесь напрашивается вывод о полиэтничности Газарии как таковой – но без специальных дополнительных исследований можно судить лишь о полиэтничном характере ее основных центров.

Что касается специфического торгового ассортимента, то он представлен вообще единственным понятием. Вся эта тяжба, не полностью отраженная в четырех нотариальных документах, в которой занято больше двадцати человек и которая уже дала немало сведений для нашего исследования, завязана вокруг одного тюка с шелком (*serici*, родительный падеж от *sericum*), несправедливо (по мнению Achi) конфискованного у него. Сам предмет двухмесячного судебного разбирательства, упомянут только несколько раз в одном из актов – №5/45 [1, с. 427–428]. Больше нигде на протяжении всех документов, посвященных этому конфликту, нет информации ни об одном товаре, транзитном ли, или персидского происхождения. Сам по себе факт провоза шелка и его конфискации, конечно, подтверждает сведения, полученные при анализе историографии, однако, как и всякое единичное известие, чересчур ограничен сам по себе.

Наконец, последний тип сведений, на которые оказалось возможным проверить источниковый материал – это упоминания тех городов, которые, сами по себе не входя в состав персидского региона, тем не менее, прочно с ним связаны. Иными словами, в процессе работы были встречены как населенные пункты, ранее уже отраженные в историографии, так и те, которые не были еще затронуты. Их перечень также нужно привести здесь, так как

они маркируют, собственно, понятие средневекового человека из Генуи либо Газарии о том, какие торговые маршруты лежат к юго-востоку от Кавказского хребта, и где именно прошли те люди, которые привозят свои товары на газарийские рынки.

Здесь первым названием, что мы встретили, была точка завязки конфликта. Это современный Батуми, тогда Ло Вати (Lo Vati / Lovati / Vati) – про который очень много говорится в первых трех документах №5/44 [1, с. 424], №5/45 [1, с. 426–428] и №5/46 [1, с. 430–435], и ничего – в четвертом, самом скупом на названия мест и имена людей. Кроме того, что все четыре акта изданы в Каффе и каффинским нотариусом (а значит, уже содержат ее упоминание), сведения о ней есть и прямо в текстах – например, в №5/44 [1, с. 425] и №5/46 [1, с. 431, 435]. Один раз в акте №5/46 в составе относительной характеристики (X de Y – «человек X из места Y») назван Трапезунд [1, с. 430–433], примечательным является то, что, судя по форме имени человека (Stephanos), мы вновь имеем дело с армянином. Тоже один раз в текстах актов появляется вообще самое западное из прямо названных в этих документах поселений – османская Бурса (Bursie) в акте №5/46 [1, с. 432].

Таким образом, у нас вследствие этого анализа появилось еще четыре города, упомянутых один – четыре раза, другой – три раза и еще два – по одному разу, притом один – относительно, второй – самостоятельно. Между тем, два наиболее часто названных населенных пункта не могут дать особо значимой информации, так как просто непосредственно связаны с конкретным судебным разбирательством. Единственный вывод, который можно сделать из сведений о них – существование прямого торгового сообщения между Каффой и Ло Вати, и далее в персидский регион.

Определенной обособленностью обладают внеперсидские области, упомянутые вообще в составе одного предложения оба – Египет и Вавилония в акте №5/45 [1, с. 429]. Оно настолько любопытно, что имеет смысл полностью процитировать его: *Item si fuerunt unquam in terris Egipti subdictis soldano Babilo[nie]* (последние три буквы реконструированы при издании). Можно вполне однозначно перевести эту запись как: Также, если бы они когда-либо находились в землях Египта, подвластных султану Вавилонии. Однако такого же однозначного комментария по поводу смысла этого высказывания мы дать не можем.

Кто такой султан *Вавилонии*? За шесть лет до записи этого акта за него еще мог бы сойти Железный Хромец, хотя, в таком случае, почему Вавилонии, а не Самарканда, притом, что генуэзцы были совершенно точно осведомлены о том, кто такой Тимур, откуда он пришел, какие территории завоевал, где его столица и т.д. Если даже это Железный Хромец, а следователи, составлявшие досье (потому что это высказывание именно часть досье) на Аchi, пребывают в собственной политической реальности шестилетней давности, почему султану Вавилонии внезапно подчиняется Египет, если мамлюкам удалось с помощью тактики выжженной земли отбиться от Тимура? Третий вопрос без ответа – кто такой *султан Вавилонии*? Правителей с титулом султан в геополитике тогдашней Передней Азии было ровно два, и ни один из них, даже тот, который правил в Египте, ничуть не правил в Вавилонии... Интересна ситуация добавляет и тот факт, что ни Тимур, ни его наследники нигде и никогда не титуловали себя султаном, всегда довольствуясь титулом «эмир», и более того – их никто и никогда так не титуловал за рубежом.

В целом, эта фраза про Вавилонию и Египет представляет собой сплошную загадку при интерпретации ее смысла, и поэтому решено было оставить эту проблему до будущих исследований с большей источниковой базой, а пока что использовать эти сведения как чисто статистические и биографические: Аchi когда-то ранее в своей купеческой карьере посещал Египет. Не исключено, что Аchi даже родился в Египте, однако тюркское имя делает этот вариант менее вероятным. Нам остается только добавить дополнительный про-аргумент существования хотя бы и опосредованных, но связей между Газарией и Египтом, поиск которых, однако, не является темой настоящей работы.

Сущностью проведенного исследования стал анализ сборника исторических источников на предмет упоминаний сношений Газарии с персидским регионом. Таких указаний в источниковом материале было найдено немало, и, что самое главное, разнотипных – это и топонимические сведения, и ономастические данные, и даже, пусть единственное, наименование товара. Акты, несмотря на общую скудость информации в них, содержат и данные о транзитных точках на пути из Персии на Черное море (в Газарию), и даже сведения о местах, никак не вовлеченных в такую торговлю. Уже тот факт, что многие названия городов совпадают с теми, что были отобраны при анализе историографии, позволяет считать настоящий сборник Актов генуэзских нотариусов пусть в малой мере, но все же компетентным источником при анализе газарийско-персидских связей. Вообще, полезность этого сборника для изучения восточных обществ сравнительно скудна как для Улуса Джучи [9, с. 173; 10, с. 127–128], так и, как выяснилось, для государства Тимуридов. Основная масса сведений, содержащихся в нем, направлена на внутриэкономические отношения в Газарии, даже, скорее, именно на гражданскоправовые темы.

Остаются, конечно, и вопросы. В первую очередь это те проблемы, которые вряд ли могут найти разрешение – например, почему так часто упоминаемый в монографиях Тебриз (крупный торговый центр, основной во всем Закавказье описываемой эпохи, концентрировавший абсолютное большинство путей с востока на запад) вообще не отражен в текстах актов, даже не только этих четырех? Почему Аchi, загадывающий следователю (или сам следователю – тому, кто будет изучать эти акты) загадку про Египет и султана Вавилонии, упоминает про эту часть своей биографии, но не говорит про посещение других персидских городов – Решта, или Кермана, или, если он специализировался на торговле шелком – Йезда? Почему, наконец, ответчик привлекает так мало свидетелей – и почему среди них в основном армяне? По завершении анализа складывается впечатление, что Аchi вез несправедливо конфискованный правителем Лю Вати тюк шелка, во-первых, сам по себе, без других товаров, а во-вторых, в гордом одиночестве, максимум сам-друг (а ведь в актах есть указания на то, что его сопровождала семья). В самом деле, если бы первое положение было неверным, про другие товары были бы упоминания в протоколе №5/45, а если бы второе предположение было неверным, в протоколе №5/46 должен был бы появиться еще хотя бы один перс помимо Мухаммеда. Как уже было сказано, ответы на эти вопросы вряд ли можно найти. Скорее всего, единственной исторической памятью по этим Аchi и Масомет'у, равно как и по их противникам в тяжбе 1411 г., остались эти четыре нотариальных акта.

4. Заключение

Таким образом, актовый материал, отличающийся высокой точностью информации, позволяет уточнить круг торговых связей Газарии в евразийских трансконтинентальных операциях Позднего Средневековья. Русская позднесоветская и современная историография показала, однако, явно недостаточный уровень изучения проблемы переднеазиатско-причерноморских экономических связей Позднего Средневековья. В этих исследованиях она отражена на специфическом уровне – практически только в виде описи товаров и перечня населенных пунктов и регионов, с которыми велась торговля. Нигде в привлеченной литературе нет информации о социальных, политических и правовых аспектах организации этой экономической деятельности на территории собственно Азии – тогда как про Газарию сведений более чем достаточно. Поэтому важнейшей проблемой, которую можно поставить перед дальнейшими исследованиями, является изучение особенностей азиатской части генуэзско-персидских взаимоотношений, их описание и классификация, выделение социальных и политических факторов существования данного исторического феномена.

Список источников и литературы

1. Акты генуэзских нотариев, составленные в Каффе и в других городах Причерноморья в XIV–XV вв. Под ред. С. П. Карпова. М.; СПб.: Алетейя, 2018. 760 с.
2. Алибеков, Х. Г. (2021). *Ахмад ал-Йамани и политика тимуридов на Восточном Кавказе* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. Т. 13. Вып. 3. С. 400–422.
3. Рудаков, В. Е. (1892). *Газария* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том VIIA (14). Выговский – Гальбан. СПб.: Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона). С. 788.
4. Евстюнин, В. А. (2023). *Новые горизонты Средневекового Причерноморья. Рецензия на книгу: Еманов А. Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV веков* // Золотоордынское обозрение. Т. 11. № 3. С. 662–680.
5. Еманов, А. Г. (2018). *Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв.* СПб.: Алетейя. 368 с.
6. Карпов, С. П. (2007). *История Трапезундской империи.* СПб.: Алетейя. 624 с.
7. Карпов, С. П. (2021). *История Таны (Азова) в XIII–XV вв. в 2 т.* СПб.: Алетейя. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. 378 с.
8. Карпов, С. П. (1990). *Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли.* М.: Изд-во МГУ. 335 с.
9. Кузнецов, Е. С. (2021). «Акты генуэзских нотариев» как исторический источник для изучения торговых связей Газарии и Золотой Орды // КЛИО-2021: материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Иркутск: Издательство ИГУ. С. 171–174.
10. Кузнецов, Е. С. (2022). *Торговые связи Генуэзской Газарии и Золотой Орды на материале «Актов генуэзских нотариев»* // Рогачевские чтения: труды музея-заповедника «Костенки». Воронеж: Полиграфический центр «Пресс-Бургер». С. 122–129.
11. Скржинская, Е. Ч. (1973). *Венецианский посол в Золотой Орде* // Византийский Временник. М.: Наука. Т. 35. С. 103–118.

References

1. Akty genuezskikh notariiev, sostavlennyye v Kaffe i v drugikh gorodakh Prichernomor'ya v XIV–XV vv [Acts of Genoese notaries drawn up in Kaffa and other cities of the Black Sea region in the XIV–XV centuries]. Pod red. S. P. Karpova. Moscow; St. Petersburg.: Aleteyya, 2018. (in Russian).
2. Alibekov, Kh. G. (2021). *Ahmad al-Yamani i politika timuridov na Vostochnom Kavkaze* [Ahmad Al-Yamani and Timurid politics in the Eastern Caucasus] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. T. 13. Vyp. 3, 400–422. (in Russian).
3. Rudakov, V. E. (1892). *Gazariya* [Gazaria] in *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: Tom VIIA (14). Vygovskiyy – Gal'ban*. Sankt-Peterburg: Semenovskaya Tipolitografiya (I.A. Efrona), 788. (in Russian).
4. Evstyunin, V. A. (2023). *Novye gorizonty Srednevekovogo Prichernomor'ya. Retenziya na knigu: Emanov A. G. Mezhdru Polyarnoy zvezdoy i Poludennym Solntsem: Kafa v mirovoy trgovle XIII–XV vekov* [New horizons of the Medieval Black Sea region. Book review: Emanov A. G. Between the Polar Star and the Midday Sun: Kafa in world trade of the XIII–XV centuries] in *Zolotoordynskoe obozrenie*, 11, 3, 662–680. (in Russian).
5. Emanov, A. G. (2018). *Mezhdru Polyarnoy zvezdoy i Poludennym Solntsem: Kafa v mirovoy trgovle KhIII–KhV vv* [Between the Polar Star and the Midday Sun: Kafa in world trade of the XIII–XV centuries], St. Petersburg: Aleteyya, (in Russian).

6. Karpov, S. P. (2007). *Istoriya Trapezundskoy imperii* [The History of the Trebizond Empire]. St. Petersburg: Aleteyya. (in Russian).
7. Karpov, S. P. (2021). *Istoriya Tany (Azova) v XIII–XV vv.: v 2 t.* [The history of Tana (Azov) in the XIII–XV centuries in 2 vols.]. St. Petersburg: Aleteyya, 1. Tana v XIII–XIV vv. (in Russian).
8. Karpov, S. P. (1990). *Ital'yanskie morskije respubliki i Yuzhnoe Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy trgovli* [Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Region in the XIII–XV centuries: problems of trade]. Moscow: Izd-vo MGU, (in Russian).
9. Kuznetsov, E. S. (2021). «*Akty genuezskikh notarijev*» kak istoricheskiy istochnik dlya izucheniya torgovykh svyazey Gazarii i Zolotoy Ordy ["Acts of the Genoese Notaries" as a historical source for the study of trade relations between Gazaria and the Golden Horde] in *KLIO-2021: materialy Vserossiyskoy ezhegodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh*. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 171–174. (in Russian).
10. Kuznetsov, E. S. (2022). *Torgovye svyazi Genuezskoy Gazarii i Zolotoy Ordy na materiale «Aktov genuezskikh notarijev»* [Trade relations between Genoese Gazaria and the Golden Horde based on the material of the "Acts of Genoese Notaries"] in *Rogachevskie chteniya: trudy muzeya-zapovednika «Kostenki»*. Voronezh: Poligraficheskiy tsentr «Press-Burger», 122–129. (in Russian).
11. Skrzhinskaya, E. Ch. (1973). *Venetsianskiy posol v Zolotoy Orde* [The Venetian Ambassador to the Golden Horde] in *Vizantiyskiy Vremennik*. Moscow, Nauka, 35, 103–118. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-32-42>
УДК 94 (470)

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ ВЯТИЧЕЙ В КОНЦЕ X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII СТОЛЕТИЙ

Д.Л. Цыбаков

*Академия гражданской защиты МЧС России,
ул. Соколовская, 1а, Химки, 141435, Россия*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается история включения племенного союза вятичей в состав Древнерусского государства. Выделяются этапы интеграции земли Вятичей в систему феодальной государственности, которые связываются с изменением субъектного состава обладателей верховного государственного суверенитета. **Материалы и методы.** По итогам анализа Лаврентьевской, Ипатьевской и Троицкой летописей, обобщения научных подходов и последних достижений археологии, автором исследуются такие периоды, как время формирования «державы Рюриковичей», образование Черниговского княжества и выделение из его состава домена Ольговичей в Новгороде-Северском. **Результаты исследования.** Определяются предпосылки усиления значения бассейна Верхней Оки как ресурсной базы, до начала XII столетия фактически не затронутой княжеско-боярской колонизацией. С этим связывается превращение верхнеокских волостей в предмет многолетнего соперничества домов Ольговичей и Давидовичей. **Выводы.** Преобразование вятичских земель из периферийного региона в один из эпицентров междоусобного противоборства можно связать с условиями феодальной раздробленности. В условиях перманентной династической конкуренции мельчающие княжеские фамилии постоянно нуждались в обеспечении своих политических притязаний за счет использования экономического, коммуникационного и демографического потенциала территорий Верхней Оки.

Ключевые слова: волость, Земля Вятичей, Владимир Мономах, Святослав Ольгович, Ходота, междоусобная война

Для цитирования: Цыбаков Д.Л. (2024). «Военно-политическая борьба за землю вятичей в конце X-первой половине XII столетий // История: факты и символы. № 2 (39). С. 32-42 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-32-42>

Статья поступила: 10.02.2023

Статья принята в печать: 08.04.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Цыбаков Д., 2024

THE MILITARY-POLITICAL STRUGGLE FOR THE LAND OF THE VYATICHI IN THE LATE X – FIRST HALF OF THE XII CENTURIES

Dmitry L. Tsybakov

*Academy of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
st. Sokolovskaya, 1a, Khimki, 141435, Russia*

Abstract

Introduction. The article examines the history of the inclusion of the Vyatichi tribal union into Rus'. The stages of the integration of the Vyatichi land into the system of feudal statehood are highlighted, which are associated with a change in the subject composition of the holders of supreme state sovereignty. **Materials and methods.** Based on the results of the analysis of the Laurentian, Ipatiev and Trinity chronicles, generalization of scientific approaches and the latest achievements of areology, the author examines such periods as the time of the formation of the "Rurikovich power", the formation of the Chernigov Principality and the separation of the Olgovich domain in Novgorod-Seversky from its composition. **Results.** The prerequisites for strengthening the importance of the Upper Oka basin as a resource base, which was not actually affected by princely-boyar colonization until the beginning of the XII century, are determined. This is connected with the transformation of the Verkhneoksky volosts into the subject of long-term rivalry between the houses of Olgovich and Davidovich. **Conclusion.** The transformation of the Vyatich lands from a peripheral region into one of the epicenters of internecine confrontation can be associated with the conditions of feudal fragmentation. In the conditions of permanent dynastic competition, the smaller princely groups constantly needed to ensure their political claims by using the economic, communication and demographic potential of the territories of the Upper Oka.

Keywords: volost, Vyatichi Land, Vladimir Monomakh, Svyatoslav Olgovich, Khodota, internecine war

For citation: Tsybakov D. (2024) The military-political struggle for the land of the vyatichi in the late X-first half of the XII centuries In *History: facts and symbols*. 39 (2), 32-42, <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-32-42>

Received: 10.02.2023

Revised: 08.04.2024

Published: 14.06.2024

© Tsybakov D., 2024

1. Введение

Включение Земли Вятичей в состав Древнерусского государства происходило в течение полутора столетий, традиционно оставаясь предметом изучения исторической науки. Проблемным вопросом отечественной историографии остается определение причин долговременного характера независимости или широкой автономии этого племенного союза по отношению к верховной княжеской власти. Сообщество под этнонимом «вятичи» характеризуются средневековыми хронистами в качестве достаточно самостоятельного территориально-политического субъекта вплоть до середины XII столетия. После освобождения племенного союза от подчинения Хазарскому каганату, что относится к интервалу 965-967 гг отмечаются факты сопротивления племенной знати своим феодальным сюзеренам в лице великих киевских и черниговских князей. Специфической чертой положения этого племенного союза остается перманентная конфликтогенность в отношениях с верховными сюзеренами не только в эпоху становления древнерусской государственности, но и во время фео-

дальной раздробленности. С ее началом возрастает значение верхнеокских земель как объекта княжеско-боярской колонизации и в первой половине XII в. регион оказывается в эпицентре противостояния владетельных домов Мономаховичей, Ольговичей и Давыдовичей. В связи с чем требую систематизации и уточнения временные и содержательные аспекты борьбы за обладание Землей Вятичей, которая периодически возобновлялась между влиятельными акторами феодальных отношений на Руси в конце X-середины XII столетий.

2. Материалы и методы

Термин «земля вятичей» был впервые использован Н.М. Карамзиным, который в лаконичном виде воспроизвел в своей «Истории...» летописные свидетельства о междоусобной княжеской борьбе в ее пределах [8, с.130]. В последующем отечественные исследователи имперского периода Н.Б. Барсов, М.К. Любавский, А.А. Шахматов рассматривали преимущественно проблему определения границ расселения вятичей в контексте формирования древнерусской народности [1; 11; 25]. Относительно подробно обстоятельства военно-политической борьбы Землей Вятичей раскрывались в трудах советских историков Б.А. Рыбакова, Т.Н. Третьякова [20; 22]. Отдельным направлением стали монографии и статьи А.З. Винникова, А.В. Григорьева, Т.Н. Никольской, синтезирующие достижения археологических изысканий в междуречье Оки и Дона и анализа исторических свидетельств о вятичах [2; 3; 17]. Однако отечественная историческая школа длительное время не выделяла в качестве своего предмета исследования военно-политических аспектов многолетней борьбы за обладание Землей Вятичей. В постсоветский период изучение исторической судьбы племенного союза превратилось в отдельное направление российской медиевистики, развиваемое такими авторами, как А.А. Майоров, И.В. Чайко, Е.А. Шинаков [12; 13; 24; 26].

Российский историк А.А. Майоров приводит аргументы в пользу того, что формирование указанного племенного союза стало следствием военных предприятий великого князя Святослава Игоревича [14, с. 8-12]. Таковые были нацелены не только на Верхнее Поочье, но и на Верхнее Придонье, где исследователи помещают легендарную страну «Вантит», ассоциируемую с близкими роменско-борщевской археологической культуре донскими славянами [20, с.183]. Итогом этих событий и последовавшего вслед за этим печенежского натиска стало отторжение разных сообществ донских и окских славян от хазарской зависимости и их включение в орбиту влияния «империи ранних Рюриковичей».

В пользу приведенной версии свидетельствуют данные археологии, которые констатируют массовую миграцию представителей роменско-борщевской культуры, то есть летописных северян и вятичей, на Верхнюю Оку, Сейм и Северский Донец именно в последней четверти X столетия. Причем движущей силой освоения Оки и ее притоков могли выступать носители славянской волынцевской культуры, чье присутствие среди верхнеокских балтов отмечалось археологами еще с VII века [14, с. 87].

Отметим, что в советской исторической науке доминировала иная точка зрения, согласно которой славянская колонизация шла в обратном направлении, и ареал Верхней Оки был заселен ранее, нежели земли Придонья, куда вятичи переместились еще в VIII столетии [16, с. 142]. Авторское видение отмеченной проблемы состоит в том, что и этногенез и политогенез союза вятичей происходили неравномерно и испытывали влияние различных факторов. В этническом плане вятичи включили в себя несколько волн славянских переселенцев волынцевской, роменской и борщевской археологических культур в период VIII-начала XI вв., а также ассимилированных этими потоками автохонных верхнеокских балтов.

3. Обсуждение

В политическом плане самоорганизации вятичей могло способствовать устранение из Окско-Донского региона хазарской колониальной администрации и переход в зависимость от русских правителей. Отметим, что управленческий потенциал русов опирался на бо-

лее упрощенные управленческие практики, нежели те, что были развиты в Хазарском каганате.

К настоящему времени не имеется свидетельств о наличии в в X-XI веках в земле Вятичей княжеских форпостов или укрепленных пунктов, аналогичных Супрутскому поселению (ныне Тульская область), обладателем которого считаются именно хазары, опиравшиеся на наемный отряд с участием скандинавов [3, с.159]. Очевидно, киевские, а затем черниговские князья довольствовались церемониальными жестаами покорности и примитивными данническими подношениями с «верховских земель». Например, еще в начале XII века соседние с вятичами радимичи, были обложены в пользу киевского правителя архаичным натуральным оброком, именуемым в летописях «повозом» [19, с.59].

Описанное положение, то есть устранение более разветвленных и устойчивых административных структур хазарского кагана могло способствовать консолидации надплеменных структур протовятичей. Таковое происходило в период, когда прежние владельцы были низложены, а новый порядок управления не мог быть установлен в короткий срок ввиду постоянного отвлечения дружины Святослава Игоревича на осуществление внешней экспансии.

Спустя пятнадцать лет после завоеваний отца князь Владимир Святославич вновь воюет с приоскими славяно-балтами в 980-981 гг. В 988 г. происходит первая попытка включения военной элиты вятичей в состав государственного механизма Руси: их «лучшие» переселяются, наряду с кривичами, словенцами и чудью, на степное порубежье [19, с. 52]. Видимо, в результате двухлетних разорений и депортации наиболее боеспособного племенного контингента, военно-политический потенциал Земли Вятичей оказался значительно подорван. Ввиду чего в XI столетии этот племенной союз надолго исчезает из летописных хроник.

Косвенным образом новая сецессия из состава Древнерусского государства может найти подтверждение при сообщениях об усобицах Ярослава Мудрого и Мстислава Тмутараканского в 1023-1026 гг. Вятичи в этих событиях не упоминаются, в отличие от соседей и бывших единоплеменников –северян, во время междоусобицы принявших сторону Мстислава. Уклонение вятичской конфедерации от вмешательства в происходившие в непосредственной близости от нее общерусские события весьма показательны: вероятно, на фоне новой междоусобной борьбы, которая длилась в 1015-1019 и в 1023-1026 гг., ей вновь удается свести до минимума зависимость от Киева.

На сегодняшний день утвердилось мнение, согласно которому Мстиславу Тмутараканскому/Черниговскому удалось создать в своих владениях специфическую модель государственности, по многим чертам воссоздающую геополитическое наследие Хазарского каганата [27]. Однако по итогам его правления не отмечается интеграции вятичей в социально-политическую систему древнерусского типа. Доказательством чего называют широко известное свидетельство князя Владимира Всеволодовича Мономаха от 1060 г. о проезде «через Вятичи» как о полноценной военной экспедиции [6, с.146-172]. Таким образом, к моменту фактического распада Руси на отдельные княжения приокские территории еще не были в полной мере подчинены верховным властям Киева, а 1054 г. и Чернигова.

Создается впечатление, что доминирование над вятичами формальных владельцев вплоть до последней четверти XI века реализовывалось примерно в том же формате, что и господство русских князей или «Господина Великого Новгорода» над территориями федератов из угро-финских или балтских племен в более позднее времена развитого Средневековья. Связующим звеном между племенным союзом, например, карел или ижоры, и их верховным сюзереном еще в XIII-XIV вв. оставались не посадники или тиуны верховного сюзерена, а традиционные вожди или «старцы». Такому статусу соответствуют упоминаемые под 1080 г. «князь» вятичей Ходота и его сын, вступившие в двухлетнюю войну с Владимиром Мономахом [9].

Согласно авторскому мнению, походы этого князя, на то время владевшего Черниговской землей, знаменуют второй этап освоения ареала вятичей феодальной властью. Его особенность видится в переходе от поддержания даннических отношений к прямому управлению регионом Верхней Оки.

До 1080-х гг. распространения личных владений княжеско-боярской аристократии в «верховских землях» не наблюдалось. Быть может, именно стремление Владимира Всеволодовича распространить на последнее из сохранившихся славянских «вождеств» основные инструменты феодальной эксплуатации – наследственное вотчины или же «кормления», и привело к решающему столкновению с племенными вождями, покончившему с автономией Земли Вятичей.

Причиной эскалации назовем вновь возникшие угрозы со стороны половецких нашествий на Южную Русь. Кроме того, только за два года до восстания Ходоты, то есть в 1078 г. разразилось крупнейшее междоусобие среди сыновей и внуков Ярослава Мудрого, приведшее к сражению при Нежатиной Ниве. Одновременно с чем продолжалось и затяжное противостояние Ярославичей с Всеславом Полоцким. Едва ли случайным выглядит в данном контексте стремление Мономаха в кратчайший срок усмирить беспокойную восточную окраину подвластного княжения. Вероятно, вятичские старейшины, стимулированные погружением Руси в очередную военно-политическую дестабилизацию, вновь продемонстрировали нелояльность по отношению к правящему княжескому дому. Кроме того, более плотно осваивая прежде незатронутые феодальной колонизацией территории Верхней Оки, черниговский владетель тем самым восполнял экономическую базу своей социальной и военной опоры, то есть боярства, серьезно подорванную наступившими смутными временами. В данном контексте, следуя выводам академика И.Я. Фроянова, князь Владимир Всеволодович определенно действовал в контексте расширения функций публичной власти как результата усложнения социальной организации Руси времени развитого Средневековья [23, с. 42].

Видимо именно после устранения клана Ходоты в «верховских землях» установилось прямое управление княжеской администрации, которое, однако, не было единообразным относительно всей области расселения вятичей. По итогам стратегии Владимира Мономаха, упомянутый территориально-племенной союз оказался раздроблен на административно-податные единицы. По мнению представителей орловской историко-археологической школы территория племени вятичей отошла к двум волостям - Лесной и собственно волость «Вятичи» [10, с. 260]. Однако, известный исследователь Черниговского княжества А.Зайцев полагал, что таких административных структур было больше, относя к ним Брянск, Домагошь, Мценск и иные города, известные к XII в. [4, с.98].

Обращение к перипетиям междоусобной войны 1146-1154 гг. показывает, что именно в пределах волости «Вятичи» (современные Калужская и Тульская области) сохранялись рудименты племенного самоуправления, включая ополчения местных общин. Тогда как в границах Лесной волости - (Орловская и Брянская области), доминировала княжеская администрация.

Причем в первой половине XII столетия вятичи подчинялись уже не Чернигову, а вновь образованному Новгород-Северскому княжению. Историки относят это событие к Любечскому съезду 1097 г. [5, с.21]. С чем следует связывать третий этап интеграции населения Лесной волости и волости «Вятичи» в систему феодальной государственности.

Спустя три-четыре десятилетия управление на этих территориях осуществлялось княжескими посадниками, размещенными в известных по летописям «градах». Причем они имели резиденции во вновь основанных опорных пунктах. Отечественным историком А.А. Юшко обосновано, что из упомянутых под 1146-1147 гг. «градов» лишь часть являлась племенными центрами вятичей – Дедославль, Спашь, Мценск, Кромы, Домагошь, Девя-

горск; тогда как существующие и в наше время Козельск и Карачев выступали княжескими форпостами на подвластных территориях [28, с.214].

4. Результаты

Весьма близким к истине представляется тот факт, что к середине XII в. управленческие структуры новгород-северских князей в полной мере освоили Вернее Поочье. В связи с чем, едва ли соответствуют истине констатации об окончательной ликвидации «независимости вятичей» только после вторжения ратей Всеволода Большое Гнездо в 1197 г. Очевидно, что указанный поход проводился не против племенного союза, который к тому времени уже фактически ассимилирован, а был нацелен на одноименную волость «Вятичи», как одну из провинций черниговского и новгород-северского княжений.

Однако и в середине XII столетия помимо наличия автономных управленческих структур, обитатели Верхней Оки, сохраняли возможность распоряжаться и вооруженной силой. Так, на переговорах в Дедославле в 1147 г. Изяслав и Владимир Давидовичи призвали старейшин волости «Вятичи» не только покончить со своим соперником - двоюродным братом Святославом Ольговичем, но и «дружину его избиша» [19, с.129]. Из чего следует вывод, что князья Давидовичи были уверены в способности племенного ополчения при необходимости вступить в противоборство с отрядом профессиональных воинов своего соперника.

Согласно «лествичному праву» и Северщина и Черниговщина и вятичские волости пребывали в коллективном родовом владении сыновей и внуков Святослава Ярославича (1027-1076 гг.). Поэтому смена обладателя «стольного города» - Чернигова, который оспаривался двумя кланами потомков Святослава Ярославича – Ольговичами и Давидовичами, немедленно приводила в движение всех младших родственников нового черниговского князя. Помимо этого, названные ветви династии претендовали и на «великое княжение» в Киеве. Прослеживается закономерность: при восхождении на черниговский, новгород-северский или даже великокняжеский стол, при обязательном в таких случаях переделе территориальных владений, очередной верховный суверен стремился удержать верховья Оки непосредственно за собой. Очевидно, что «верховские земли» рассматривались как ценный ресурс в ситуации заметной ограниченности экономического потенциала вновь образуемых (и постоянно дробившихся) княжений по сравнению с возможностями правителей Древней Руси.

В 1139 г. княживший ранее в Черниговской земле Всеволод Ольгович был признан великим князем киевским, после чего возник прямой конфликт между ним и его родными братьями – Игорем и Святославом. Летописные источники прямо отмечают, что братья не соглашались на предоставление им раздробленных сеньорий в Туровском княжении и в окрестностях Киева, настаивая на выделении черниговских и северских областей, которые в летописях обобщенно именуется как «Вятич». Не достался бассейн Верхней Оки и князьям колена Давидовичей, которым Всеволод Ольгович передал Черниговскую землю в обход родных братьев [7, с. 23-49].

Справедливость с точки зрения Игоря и Святослава Ольговичей была восстановлена в 1146 г, когда первый после кончины Всеволода перешел на киевский, а второй - на новгород-северский «стола». Однако уже в том же году, после изгнания братьев – Ольговичей из Киева и пленения Игоря, началась продолжительная феодальная война, впервые за многие десятилетия затронувшая «верховские земли». Особенно отметим, что поводом для нарушения данных ранее клятв о союзе с Ольговичами их двоюродные братья Изяслав и Владимир Давидовичи объявили тот факт, что Святослав «зая волость мою, ...Вятич» [18, с. 137].

Юридически «верховские» волости вернулись группировке Ольговичей во главе со Святославом в июле - августе 1151 г. Согласно договоренностям с утвердившемся в Чернигове Изяславом Давидовичем, последний «отчину узвороти, а свою к собѣ прия» [19, с. 66]. В 1158 г. ставший в то время киевским князем Изяслав был разбит галицко-волыньским вой-

ском и в течение четырех лет укрывался в волости «Вятчи», делая набеги на стольные города из крепостей Выря и Вжищ. Его поражение и гибель в 1161 г. положили конец затяжной войне и вновь вернули «верховские земли» их прежним сюзеренам из династической ветви Ольговичей.

Главенствующую роль в период междоусобий 1140-1160-х гг. играл младший сын Олега «Гориславича» Святослав Ольгович (около 1106-1164 гг.). Его историческая судьба не нашла должной оценки в российской исторической науке. Имя Святослава обычно связывается с двумя фактами – его отцовством по отношению к Игорю Святославичу – герою литературного памятника, а также в связи с первым упоминанием Москвы, где северский князь вел переговоры с Юрием Долгоруким в 1147 г.

Обратим внимание, что Святослав Ольгович на протяжении двух десятилетий отстаивал свои владельческие права на область Верхней Оки. Именно по этой причине он пошел на открытый конфликт со старшим братом и главой всех Ольговичей, великим князем всей Руси Всеволодом в 1142 г. Далее эти же волости отстаивались им как на поле сражения, так и дипломатическим путем во время многолетнего противоборства с двоюродными братьями – черниговскими Давидовичами.

В связи с чем, имеет смысл указать, что Святослав Ольгович обладал в «верховских землях» какими-то владениями или усадьбами в первой половине XII столетия, еще не будучи самостоятельным князем.

Следует учесть аргументацию М.В.Свердлова, относительно рассредоточения княжеских доменов. Ко времени не позднее второй половины XI века, исследователем обосновывается распространение экстерриториальных владельческих волостей, в ряде случаев не зависящих от устоявшихся территориально-политических границ [21, с. 130].

В контексте чего необходимо осмыслить факт обнаружения княжеской печати во время археологических раскопок на месте слияния Оки и Орлика в границах нынешнего Орла в 2021 г. На печати имеется надпись и изображение святого Николая. Именно такое христианское имя было получено Святославом при крещении. Из современников князя подобное «крестильное» имя никто не носил и иные находки печатей с упоминанием св. Николая в регионе Верхней Оки к настоящему времени не фиксировались [15, с. 21].

В связи с чем, показательно сообщение о том, что на военном совете в Новгород-Северском в ноябре 1146 г. было принято решение об отступлении дружин Святослава Ольговича в «лесную землю». Очевидно, что речь в данном случае шла о перемещении в Лесную волость Новгород-Северского княжения. Административным центром ее был Карачев, а место находки археологами княжеской печати в 2021 г. также расположено в пределах именно бывшей Лесной волости. Таким образом, Святослав Ольгович, с большой степенью вероятности мог оставить в «предОрле» будущую находку российских археологов, находясь там во время борьбы со своими противниками во второй половине 1140-х гг. Однако упорное стремление удержать за собой «верховские земли», которое он проявлял с начала 1140-х гг., что может свидетельствовать и о более ранней связи новгород-северского князя с этим регионом.

5. Заключение

В период формирования «империи Рюриковичей» приокские территории интересовали русских князей прежде всего в геостратегическом контексте - для противостояния с Хазарским каганатом и для достижения контроля над транзитными торговыми путями. Изначально предводители русов склонялись к дипломатическим мерам, которые имели место перед первым походом Святослава Игоревича, а возможно еще и в 907 или 911 гг., когда контингент вятчей отмечается среди войска Вещего Олега, ходившего на Византию. Вероятно, путем переговоров, хотя и ведущихся с позиции силы, возвратил под свою опеку «верховские земли» и Мстислав Тмутараканский в 1026 г.

Однако в большинстве случаев владетельные князья уже в конце X в. не воспринимают этот племенной союз в качестве равного политического субъекта и действуют по отношению к нему исключительно военной силой. Несмотря на то что в эпоху расцвета Древнерусской государственности конфедерация вятичей сохраняла весьма широкую автономию, что доказывается наличием здесь автохонного «вождества» во главе с Ходотой еще в 1080-х гг. Таким образом, первый этап борьбы за Землю Вятичей следует относить к началу X-концу XI столетий: от разрушения Супрутского городища до походов Владимира Мономаха. В указанное время вятичи были связаны с верховной властью данническими отношениями, периодически проявляя намерения к сецессии.

Колебания местной знати в сторону отложения от Киева или Чернигова всегда происходили на фоне продолжительных междоусобий между различными группировками потомков Рюрика. Не случайно военные походы в Землю Вятичей фиксируются сразу после восстановления единовластия в княжествах-метрополиях. Такие эпизоды имеют место по окончании войны сыновей Святослава Игоревича в 980-х гг., после завершения противоборства внутри триумvirата Ярославичей 1079-1080-х гг. Есть основания полагать, что и противостояние потомков Владимира Святого в 1015-1026 гг. также могло вызвать сепаратистские действия этого племенного союза.

Реальный контроль над Верхней Окой – ядром территориально-племенного объединения вятичей, устанавливается в 1080-1090-е гг., в бытность Владимира Мономаха на черниговском престоле. Однако и после этого «верховские земли» сохраняют институты местного самоуправления и только начинают осваиваться княжеско-боярской колонизацией. По всей видимости последняя в большей степени затронула «Лесную волость», где появляются феодальные земельные пожалования и «кормления». Тогда как севернее по течению Оки учреждается сохранившая реликты былой самостоятельности волость, на которую теперь распространяется наименование утратившего независимость племенного союза.

Процесс «окняжения» Верхней Оки завершается в период их подчинения правителям Новгород-Северского в первой четверти XII столетия. Это время следует понимать как третий этап борьбы за бывшую Землю Вятичей, характеризующийся распространением здесь укрепленных пунктов во главе с княжескими наместниками. Несмотря на принципиальное сокращение территориального охвата племенной автономии, в источниках очень часто наименование «Вятичи» применяется ко всем «верховским землям», теперь ставшими объектом соперничества между мельчающими княжескими группировками. Отражением чего стало превращение территории Верхней Оки в эпицентр противоборства фамилий Давидовичей и Ольговичей, по итогам которого к началу 1160-х г. этот регион был окончательно интегрирован в систему феодальных отношений.

Список источников и литературы

1. Барсов, Н. П. (1885). *Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи*. Второе издание, исправленное и дополненное. Варшава: Типография К. Ковалевского. 374 с.
2. Винников, А. З. (1995). *Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII - начало XI века)*. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 168 с.
3. Григорьев, А. В. (2005). *Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I - начале II тыс. н. э.* Тула: Гос. музей-заповедник "Куликово поле". 207 с.
4. Зайцев, А. К. (1975). *Домагощ и границы «Вятичей» XII в.* // Историческая география России. XII - начало XX в. М.: Наука. С. 21-31.
5. Зайцев, А. К. (2009). *Черниговское княжество X—XIII в.: избранные труды*. М.: Квадрига. 226 с.

6. Изборник (сборник произведений литературы древней Руси). М.: Художественная литература. 1969. С. 146–171.
7. Инков, А. А. (2011). *Всеволод Ольгович – последний объединитель домонгольской Руси* // Историческое обозрение. № 12. С. 23–49.
8. Карамзин, Н. М. (1988). *История государства Российского*. Репринтное воспроизведение издания 1842-1844 гг. в трех книгах с приложением. Кн. 2. М. 620 с.
9. Ключевский, В. О. (1987). *Сочинения*. В 9-ти томах. Т.1. Курс русской истории. Ч.1. М.: Мысль. 432 с.
10. Краснощекова, С. Д., Красницкий, Л. Н. (2006). *Археология Орловской области*. Орел : Вешние воды. 320 с.
11. Любавский, М. К. (2000). *Историческая география России в связи с колонизацией*. СПб.: Лань. 304 с.
12. Майоров, А. А. (2015). *Верховская историко-географическая провинция и её включение в состав Московского государства* // Учёные записки Орловского государственного университета. № 6 (69). С. 56–60.
13. Майоров, А. А. (2015). *Древние вятичи и их особое место среди восточнославянских племен IX–XI вв.* // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. № 6. Т. 21. С. 8–12.
14. Майоров, А. А. (2023). *Верхнеокские вятичи*. Орел: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС. 164 с.
15. Михеев, С. М. (2017). *Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII вв.* // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 4. С. 17–41.
16. Москаленко, А. Н. (1996). *О возникновении древнерусских поселений на Дону* // Вопросы истории славян. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. Вып. 2. С. 114–144.
17. Никольская, Т. Н. (1981). *Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв.* М.: Наука. 296 с.
18. *Полное собрание русских летописей*. Том I. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб. : Типография Э. Праца, 1846. 298 с.
19. *Полное собрание русских летописей*. Том II. Ипатьевская летопись. СПб. : Типография Э. Праца, 1843. 400 с.
20. Рыбаков, Б. А. (1982). *Киевская Русь и русские княжества XII-XIII веков*. М.: Наука. 599 с.
21. Свердлов, М.В. (1983). *Генезис и структура феодального общества в Древней Руси*. Ленинград : Наука. 240 с.
22. Третьяков, П. Н. (1953). *Восточнославянские племена*. М.Издательство Академии наук СССР. 312 с.
23. Фроянов, И. Я. (1990). *Киевская Русь. Очерки социально-политической истории*. Ленинград : Изд-во ЛГУ. 256 с.
24. Чайко, И. В. (2024). *Северская земля и страна вятичей: Очерки этнополитической истории IV-XII вв.* М.: Русайнс. 206 с.
25. Шахматов, А. А. (1907). *Южные поселения вятичей* // Известия Академии Наук.серия 6. № 16. С. 715-729.
26. Шинаков, Е. А., Чубур, А. А. (2022). *О характере границ северянско-вятичско-радимичского предгосударственного образования с Русью в середине –второй половине X в.* // Электронный научно-образовательный журнал "История". Т. 13. № 2 (112). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (дата обращения: 03.02.2024).
27. Щавелев, А. С. (2012). *Черниговская Русь Мстислава Владимировича: несостоявшееся государство*. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 3. Выпуск 5(13). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (дата обращения: 03.02.2024).

28. Юшко, А. А. (2013). *К вопросу о городах земли Вятичей бассейна Верхней Оки*. // Краткие сообщения Института археологии. 2013. № 229. С. 207-217.

References

1. Barsov, N. P. (1884). *Ocherki russkoj istoricheskoy geografii. Geografiya Nachal'noj (Nestorovoj) letopisi. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe* [Essays on Russian historical geography. The geography of the Initial (Nestorian) chronicle. Second edition, revised and expanded]. Warsaw, Printing house of K. Kovalevsky. (in Russian).
2. Vinnikov, A. Z. (1995). *Slavyane lesostepnogo Dona v rannem srednevekov'e (VIII - nachalo XI veka)*. [Slavs of the forest-steppe Don in the early Middle Ages (VIII - early XI century)]. Voronezh, Voronezh University Press. (in Russian).
3. Grigoriev, A. V. (2005). *Slavyanskoe naselenie vodorazdela Oki i Dona v konce I - nachale II tys. n. e.* [The Slavic population of the Oka and Don watershed at the end of the I - beginning of the II millennium A.D]. Tula, State Museum-Reserve "Kulikovo Field". (in Russian).
4. Zaitsev, A. K. (1975). *Domagosch i granicy «Vyatichej» XII v.* [Domagoshch and the borders of the "Vyatichi" of the XII century in *Historical geography of Russia*. XII - the beginning of the XX century]. Moscow, Nauka, 1975, 21-31. (in Russian).
5. Zajcev, A. K. (2009). *CHernigovskoe knyazhestvo X—XIII v.: izbrannye trudy*. [Chernigov Principality of the X—XIII century: selected works] Moscow, Kvadriga. (in Russian).
6. Izbornik (1969). *sbornik proizvedenij literatury drevnej Rusi*. [Izbornik (collection of works of literature of ancient Russia)]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura. (in Russian).
7. Inkov, A. A. (2011). *Vsevolod Ol'govich –poslednij ob"edinitel' domongol'skoj Rusi* [Vsevolod Olgovich – the last unifier of pre-Mongol Russia] in *Istoricheskoe obozrenie*. 12, 23-49. (in Russian).
8. Karamzin, N. M. (1988). *Istoriya gosudarstva Rossijskogo* [The history of the Russian state. Reprint reproduction of the edition of 1842-1844 in three books with an appendix]. Moscow, 2. (in Russian).
9. Klyuchevsky, V. O. (1987). *Sochineniya. V 9-ti tomah. T.1. Kurs russkoj istorii*. [Essays. In 9 volumes. Vol. 1. Course of Russian history. Part 1.] Moscow, Pravda Publ. (in Russian).
10. Krasnoshchekova, S. D., Krasnickij, L. N. (2006). *Arheologiya Orlovskoj oblasti* [Archaeology of the Orel region]. Orel, Veshnie vody. (in Russian).
11. Lyubavsky, M. K. (2000). *Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizaciej* [Historical geography of Russia in connection with colonization]. St. Petersburg, Lan. (in Russian).
12. Majorov, A. A. (2015). *Verhovskaya istoriko-geograficheskaya provinciya i eyo vklyuchenie v sostav Moskovskogo gosudarstva* [Verkhovskaya Historical and geographical Province and its incorporation into the Moscow State] in *Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6 (69), 56–60. (in Russian).
13. Majorov, A. A. (2015). *Drevnie vyatichi i ih osoboe mesto sredi vostochnoslavyanskih plemen IX–XI vv.* [Ancient Vyatichi and their special place among the East Slavic tribes of the IX–XI centuries] in *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, 6, 8–12. (in Russian).
14. Majorov, A. A. (2023). *Verhneokskie vyatichi* [Verkhneokskie vyatichi]. Orel, Central Russian Institute of Management - branch of RANEPa. (in Russian).
15. Miheev, S. M. (2017). *Knyazheskie pečati s tamgami i atribuciya znakov Ryurikovičej X–XI v.* [Princely seals with tamgas and attribution of the signs of the Rurikovich X–XI centuries] in *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*, 4, 17–41. (in Russian).

16. Moskalenko, A. N. (1966). *O vozniknovenii drevnerusskikh poselenij na Donu* [On the emergence of ancient Russian settlements on the Don] in *Voprosy istorii drevnih slavyan Voronezh*: Voronezh Publishing House. Unita, 2, 114-144. (in Russian).
17. Nikolskaya, T. N. (1981). *Zemlya vyatichej: K istorii naseleniya bassejna verhnej i srednej Oki v IX–XIII vv.* [The Land of Vyatichi: On the history of the population of the Upper and Middle basin Oki in the IX–XIII centuries]. Moscow, Nauka (in Russian).
18. *Polnoe sobranie russkikh letopisej.* [The complete collection of Russian chronicles], 1. Lavrent'evskaya i Troickaya letopisi. Saint Petersburg, Tipografiya E. Praca, 1846. (in Russian).
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisej.* (1843). [The complete collection of Russian chronicles]. 2. Ipat'evskaya letopis'. Saint Petersburg, Tipografiya E. Praca, (in Russian).
20. Rybakov, B. A. (1982). *Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vekov.* [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII-XIII centuries]. Moscow, Nauka. (in Russian).
21. Sverdlov, M. V. (1983). *Genezis i struktura feodal'nogo obshchestva v Drevnej Rusi* [Genesis and structure of feudal society in Ancient Russia]. Leningrad, Nauka. (in Russian).
22. Tretyakov, P. N. (1953). *Vostochnoslavjanskije plemena.* [East Slavic tribes]. M. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1953. (in Russian).
23. Froyanov, I. YA. (1990.) *Kievskaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoj istorii* [Kievan Rus. Essays on socio-political history]. Leningrad, Izd-vo LGU. (in Russian).
24. Chaiko, I. V. (2024). *Severskaya zemlya i strana vyatichej: Ocherki etnopoliticheskoj istorii IV-XII vv.* [Severskaya zemlya and the Vyatichi country: Essays on ethno-political history of the IV-XII centuries]. Moscow, Rusains. (in Russian).
25. Shakhmatov, A. A. (1907). *Yuzhnye poseleniya vyatichej.* [Southern settlements of Vyatichi]. *Izvestiya Akademii Nauk. Proceedings of the Academy of Sciences*, 16, 715-729. (in Russian).
26. Shinakov, E. A., Chubur A. A. (2022). *O haraktere granic severjansko-vyatichsko-radimichskogo predgosudarstvennogo obrazovaniya s Rus'yu v seredine –vtoroj polovine X v.* [On the nature of the borders of the Severjansk-Vyatichsko-Radimichi pre-state formation with Russia in the middle-second half of the tenth century] in *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"*, 2 (112). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (data obrashcheniya: 03.02.2024). (in Russian).
27. Shchhavelev, A. S. (2012). *Chernigovskaya Rus' Mstislava Vladimirovicha: nesostoyavsheesya gosudarstvo* [Chernihiv Rus Mstislav Vladimirovich: failed state] in *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*, 5 (13). URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000420-1-1/> (data obrashcheniya: 03.08.2023). (in Russian).
28. Yushko, A.A. (2013). *K voprosu o gorodah zemli Vyatichej bassejna Verhnej Oki.* [On the question of the Cities of the Vyatichi Land of the Upper Oka Basin] in *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii*, 229, 207-217. (in Russian).

XVII ВЕК / XVII CENTURY

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-43-53>
УДК 93/94

**ОСВОЕНИЕ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.:
СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЕЛЕЦКОГО И ВОРОНЕЖСКОГО УЕЗДОВ В 1615 Г.**

К.Г. Гайтерова

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 28, Елец, 399770 Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена сельским поселениям Верхнего Подонья в первой четверти XVII в. Рассмотрены географические особенности основания первых сельских поселений Елецкого и Воронежского уезда, а также представлен их социальный состав. **Методы и материалы.** Методологическая основа исследования представлена основополагающими принципами исторического познания, которая используется в отечественной исторической науке при изучении социально-экономических процессов общества и его структурных составляющих: историзм, объективность и системность. Для рассмотрения вопросов, связанных с развитием сельских поселений рассматриваемых уездов и их социального состава, используются общенаучный, сравнительно-исторический, типологический, структурно-функциональный и вероятностно-статистический методы, а также принцип объективности. Основополагающим источником по нашему исследованию выступили Дозорные книги по Елецкому и Воронежскому уездам 1615 г. **Результаты.** Автор исследования приходит к выводу, что, несмотря на соседствующее расположение рассматриваемых территорий, нельзя сказать, что их развитие проходило идентично. Характерная особенность «кустового» принципа расселения, получившая распространение в Елецком уезде, была крайне слабо выражена в Воронежском. Однако необходимо отметить также и ряд общих черт, связанных, прежде всего, с преобладанием наиболее крупных административных единиц, таких как села и деревни, по сравнению с более мелкими починками и пустошами. Помимо этого, социальный состав первых поселений был примерно однороден по своему составу и включал основные категории населения, такие как помещики с крестьянами и без, священнослужители, служилые люди и вотчинники. **Заключение.** Главной отличительной особенностью социального состава первых сельских поселений являлась небольшая численность крестьян. Это было связано с тем, что первые поселенцы практически не имели собственных крестьян, так как были еще достаточно молоды и не имели во владении земли и поместья.

Ключевые слова: сельские поселения, Елецкий уезд, Воронежский уезд, социальная структура, починок, дозорные книги, община

Для цитирования: Гайтерова К.Г. (2024) Освоение Верхнего Подонья в первой четверти XVII в.: сельские поселения Елецкого и Воронежского уездов в 1615 г. // История: факты и символы. № 1 (38). С. 43-53 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-43-53>

Конфликт интересов. К.Г. Гайтерова является аспирантом учредителя журнала – ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина». Учредитель не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Автор также заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила: 12.02.2024

Статья принята в печать: 08.04.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Гайтерова К. 2024

DEVELOPMENT OF THE UPPER DON REGION IN THE FIRST QUARTER OF THE XVII CENTURY: RURAL SETTLEMENTS OF YELETS AND VORONEZH COUNTIES IN 1615

Kristina G. Gaiterova
Bunin Yelets State University,
st. Kommunarov, 28, Yelets, 399770 Russia

Annotation

Introduction. The article is devoted to rural settlements of the Upper Don region in the first quarter of the XVII century. The geographical features of the foundation of the first rural settlements of Yelets and Voronezh counties are considered, as well as their social composition is presented. **Methods and materials.** The methodological basis of the research is represented by the fundamental principles of historical cognition, which is used in Russian historical science in the study of socio-economic processes of society and its structural components: historicism, objectivity and consistency. General scientific, comparative-historical, typological, structural-functional and probabilistic-statistical methods, as well as the principle of objectivity, are used to consider issues related to the development of rural settlements of the counties under consideration and their social composition. The fundamental source for our research was the Watch Books on the Yelets and Voronezh counties of 1615. **Results.** The author of the study concludes that despite the adjacent location of the territories under consideration, it cannot be said that their development was identical. The characteristic feature of the "cluster" principle of settlement, which became widespread in the

Yelets district, was extremely poorly expressed in Voronezh. However, it is also necessary to note a number of common features, primarily related to the predominance of the largest administrative units, such as villages and villages, compared with smaller repairs and wastelands. In addition, the social composition of the first settlements was approximately homogeneous in its composition and included the main categories of the population, such as landowners with and without peasants, clergymen, service people and patrimony. **Conclusion.** The main distinguishing feature of the social composition of the first rural settlements was the small number of peasants. This was due to the fact that the first settlers practically did not have their own peasants, since they were still quite young and did not own land and estates.

Keywords: rural settlements, Yelets county, Voronezh county, social structure, repairs, watch books, community

For citation: Gaiterova K. (2024) Development of the Upper Don region in the first quarter of the XVII century: rural settlements of Yelets and Voronezh counties in 1615 *In History: Facts and Symbols*, 2 (39), 43-53 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-43-53>

Conflict of interest: Kristina Gaiterova is a graduate student of the founder of the journal – Bunin Yelets State University. The founder has nothing to do with the decision to publish this article. The

article passed the peer review procedure adopted in the journal. The author also declares no conflict of interest.

Received: 10.10.2023

Revised: 08.02.2024

Published: 14.03.2024

© Gayterova K. 2024

1. Введение

С присоединением новых территорий к Российскому государству в южном направлении в XVI в. вскоре возникла необходимость их активного заселения. Данный факт стал основным в политике руководителей страны, побудивший к решительным шагам в этой области. В результате была дана команда к строительству городов-крепостей. Начало освоения близлежащих к ним территорий постепенно складывающихся уездов двух из них, а именно Воронежа и Ельца, будет подробно рассмотрено нами в данной статье.

2. Материалы и методы

Методологическая основа исследования базируется на основополагающих принципах исторического познания, главными из которых являются историзм, объективность и системность. Для рассмотрения вопросов, связанных с историей колонизации южных окраин Российского государства в конце XVI – начале XVII вв. используются общенаучный, сравнительно-исторический, вероятностно-статистический, типологический и структурно-функциональный методы.

Основными источниками нашей работы стали дозорные книги Воронежского и Елецкого уездов 1615 г. Составление данных документов было обусловлено необходимостью быстрого уточнения количества налогоплательщиков на территориях, подвергавшихся разорениям. Повсеместная перепись 1614-1616 гг. проводилась в связи с опустошительными событиями Смутного времени, сильно сказавшихся и на южнорусских уездах.

Дозорные книги состояли из описания населения слобод и храмов города-крепости, а затем сельских поселений уезда, включая информацию о пашне. Елецкая дозорная книга 1615 г. хранится в РГАДА, она представляет собой рукопись XVII в. (вероятно копию) на 122 листах¹. Воронежская перепись хранится там же, но была опубликована еще в конце XIX в. на 141 листе².

Главным отличием дозорных от писцовых и переписных книг А.С. Лаппо-Данилевский считал их временный характер, эти документы решали текущие вопросы и не были рассчитаны на долгосрочную перспективу взимания налогов. Цель составления данных книг заключалась в устранении несоответствия между размером оклада и платежеспособностью местного населения, разоренного Смутой. Главным исследователем дозорных книг до сих пор остается С.Б. Веселовский. Он соглашался с А.С. Лаппо-Данилевским во мнении, что дозор проводился, главным образом, для определения запустевших территорий и сравнения их с «живущими». В XX в. наиболее заметным стало методологическое пособие А.Ц. Мерзона, где он показал еще одно отличие дозорных от писцовых книг, указывая на то, что они составлялись в связи с челобитными населения, в то время как переписные описания проводились по указанию правительства. Большим толчком к возрождению интереса к писцовым описаниям можно считать учебник Л.В. Милова, посвященный писцовому делопроизводству [14].

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 131.

² Воронежские писцовые книги / Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Издание Воронежского губернского статистического комитета. Том 2. Воронеж: Типо-литография губернского правления. 1891.

Дозорные книги имеют важное значение для изучения истории колонизации южнорусских окраин. Эта тема изучалась еще во второй половине XIX в. в трудах Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского [1; 13]. В советское время большое внимание уделялось влиянию военного фактора на развитие уездов, исследовались проблемы формирования крепостнического землевладения, а также указывалось на народную, вольную колонизацию степного Юга [2; 3].

В настоящее время дозорные книги рассматриваются в контексте изучения истории освоения Верхнего Подонья такими историками как В.Н. Глазьев, Е.В. Камараули, Д.А. Ляпин, Н.А. Жиров, Ю.А. Мизис, С.Г. Кащенко и А.И. Папков [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 15].

3. Результаты

Город-крепость Воронеж был заложен в 1585-1586 гг. на правом берегу одноименной реки недалеко от места ее впадения в р. Дон. Формирование уездной округи вокруг него началось только после 1597 г. согласно рязским десятиям, где впервые был упомянут вероятный основатель д. Остаповой, первого населенного пункта, зафиксированного в Дозорной книге 1615 г., исходя из данных которой становится очевидно, что Воронежский уезд окончательно сформировал свои границы именно к этому времени¹. Уезд занимал обширные владения, охватывавшие территорию устья р. Воронеж и Среднего Дона, а также множество их более мелких притоков. По правому берегу р. Дон в него входили места впадения таких речек как Трещевка, Ведуга, Девица. Севернее этой области район по правому берегу не был освоен поселенцами, вероятно, из-за постоянной опасности набегов крымских татар. Наиболее выгодное место для расселения оказалось по обоим берегам р. Воронеж. Ее левыми притоками являлись небольшие реки Усмань, Ивница, Излегоще и Кривка.

Таким образом, мы можем примерно очертить территорию сложившегося к 1615 г. Воронежского уезда. На севере его границы доходили до Елецкого уезда, северо-западной границей выступала р. Еманка, левый приток р. Воронеж, на северо-востоке – р. Дон, а на юге его граница простиралась вплоть до р. Хворостань, левого притока р. Дона.

Город-крепость Елец был основан несколькими годами позже, нежели Воронеж, а именно в 1591-1592 гг. По данным «Книги земель елецким служилым людям 1593-1594 гг.» мы уже можем очертить заселенную округу Ельца². На севере граница доходила до р. Красивая Меча, включая ее правые притоки – реки Гоголь и Семенек. На западе простирался обширный Радужинский лес, возле которого возникло целое скопление сельских поселений впоследствии, на востоке уезд захватывал оба берега р. Дон, а на юге граничил с Воронежским уездом. Данный источник зафиксировал количество земельных владений первых елецких помещиков и географические ориентиры, где ими была получена земля. Таким образом, мы можем понять картину расселения первопоселенцев в тех местах, где они получили землю, а в дальнейшем основали на ней же сельские поселения, оформив тем самым границы будущего Елецкого уезда. В книге земель елецким служилым людям 1593-1594 гг. были зафиксированы такие географические ориентиры, как р. Пажень и р. Воргол, где было роздано больше всего земель. Менее плотно были заселены места рек Елец, Пальна и Пажень³. Впоследствии эти группы оформили границы Воргольского и Елецкого станов соответственно.

Оба рассматриваемых уезда получили свое разделение по станам уже к началу XVII в. и насчитывали по четыре каждый. В Воронежском уезде в 1615 г. всего было зафиксировано 59 сельских поселений, в то время как Елецкий насчитывал 129, что больше чем в 2 раза.

¹ Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В. Н. Глазьева. Воронеж: Воронежский государственный университет. 1998. 208 с.

² Глазьев В. Н., Новосельцев А. В., Тропин Н. А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца и заселении окрестностей в 1592-1594 гг. Елец, 2001. 274 с.

³ Глазьев В. Н., Новосельцев А. В., Тропин Н. А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца и заселении окрестностей в 1592-1594 гг. С. 192-211.

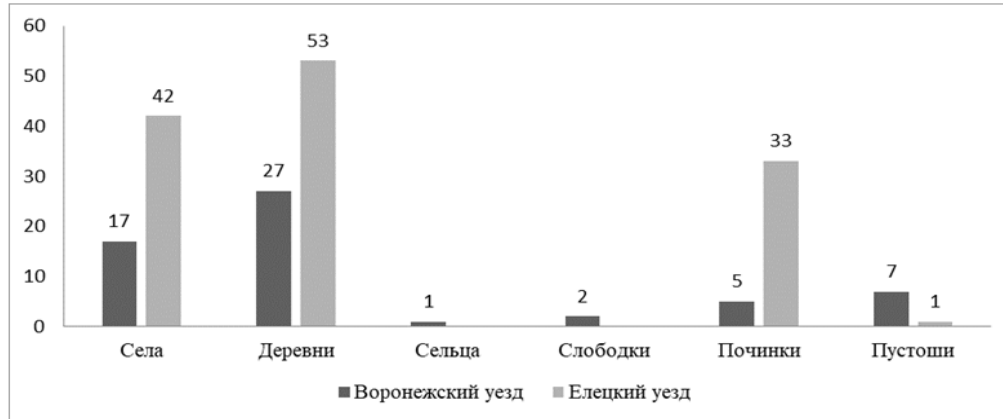

Диаграмма 1. Количество сельских поселений Воронежского и Елецкого уездов в 1615 г. по административному делению. Источник: Переписная книга Воронежского уезда 1615 года // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. Т.2. Подг. текста Л. Вейнберг, А. Полторацкая. Воронеж, 1891. 261 с.; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д.131.

Diagram 1. The number of rural settlements in Voronezh and Yelets counties in 1615 by administrative division. Source: The census book of the Voronezh District of 1615 // Materials for the history of Voronezh and neighboring provinces. Voronezh scribal books. Vol. 2. Subg. of text L. Weinberg, A. Poltoratskaya. Voronezh, 1891. 261 p.; Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 1209. Op. 1. d.131.

Исходя из данных диаграммы, мы видим, что села и деревни преобладали в обоих уездах, однако, если в Воронежском таких административных единиц как починки было совсем немного, то в Елецком, напротив, их количество достаточно весомо и было практически равно числу сел. Починки – это однодворное или малодворное вновь возникшее поселение. Со временем починки могли разрастаться и превращаться в деревни и даже села. Мы видим, что начальный этап заселения округа рассматриваемых нами городов-крепостей проходил по-разному на соседних, граничащих друг с другом территориях.

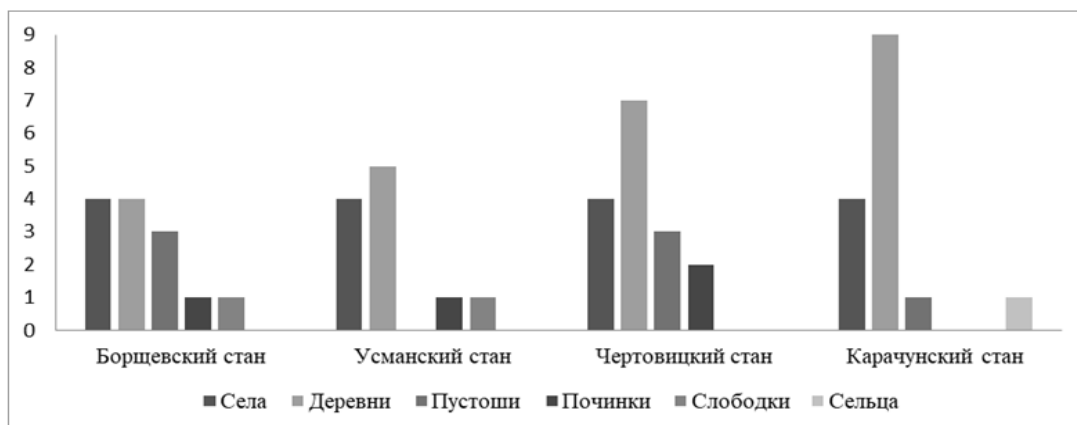

Диаграмма 2. Количество сельских поселений в Воронежском уезде в 1615 г. по станам. Источник: Переписная книга Воронежского уезда 1615 года // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. Т.2. Подг. текста Л. Вейнберг, А. Полторацкая. Воронеж, 1891. 261 с.

Diagram 2. The number of rural settlements in Voronezh county in 1615 by stan. Source: The census book of the Voronezh District of 1615 // Materials for the history of Voronezh and neighboring provinces. Voronezh scribal books. Vol. 2. Subg. of text L. Weinberg, A. Poltoratskaya. Voronezh, 1891. 261 p.

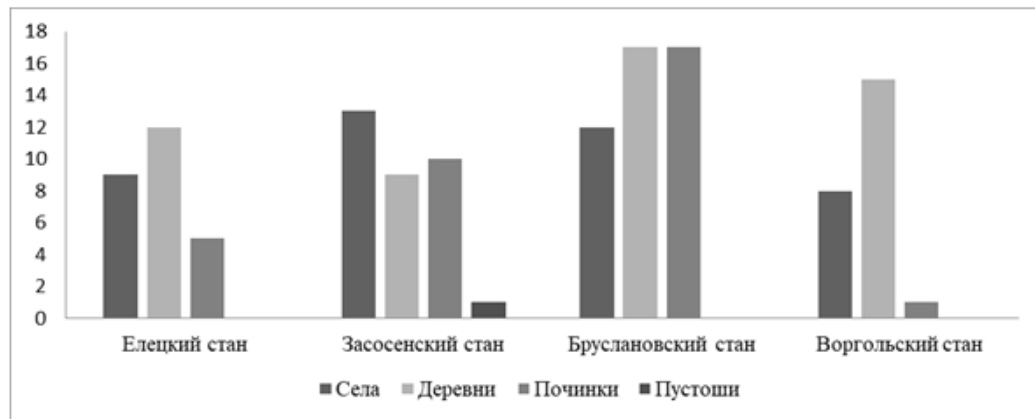

Диаграмма 3. Количество сельских поселений в Елецком уезде в 1615 г. по станам. Источник: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д.131.

Diagram 3. The number of rural settlements in Yelets county in 1615 by country. Source: Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 1209. Op. 1. d.131.

Сопоставив данные по станам, можно прийти к выводу, что наибольшее распространение получали деревни, затем села, далее следовали пустоши в Воронежском и починки в Елецком уездах. Важно также упомянуть наличие одного сельца (промежуточного этапа между деревней и селом) и двух слободок в Воронежском уезде.

В Борщевском стане основными географическими ориентирами, куда приходилось наибольшее скопление сельских поселений, служили небольшие речки Ведуга и Девица, а также место впадения р. Воронеж в Дон. В данном стане можно выделить в одну локальную группу девять сельских поселений: с. Губарево за Доном, с. Малое Терновое на р. Ведуге, с. Большое Терновое, д. Ендовище на р. Ведуге, с. Гвоздевка за Доном, д. Малая Гвоздевка, д. Семилуки, пустошь на Константиновском яру и пустошь Монастыршино на реке Дон. Это большое скопление расположилось в северной части стана на правом берегу р. Дона. Остальные селения располагались достаточно далеко друг от друга, поэтому объединить их в какую-либо группу не представляется возможным.

В Усманском стане очевидны две локальные группы по пять и три поселения соответственно. В первую вошли слободка Бобяковская, села Собакино и Боровое, а также деревни Репная и Пещанка. Во вторую – с. Ступино, починок Нелжинский на р. Излегоще и с. Излегощи на р. Воронеж. В этом стане наиболее густо заселенными можно считать район большого изгиба в южном направлении р. Усмани и западную границу стана по р. Воронеж.

В Чертовицком и Карачунском станах практически все сельские поселения были основаны на правом берегу р. Воронеж и протянулись строго с севера на юг. Такое расположение характерно только для Воронежского уезда, где нет очевидного «кустового» принципа расселения первопоселенцев. Подавляющее большинство населенных пунктов было основано по обоим берегам главной водной артерии уезда – р. Воронежу. Вследствие этого мы видим строго вытянутую линию основанных здесь сельских поселений, пришедшуюся как раз на центральный и северный станы уезда.

В Елецком уезде наблюдается четкий «кустовой» принцип расселения первых помещиков и большое количество локальных групп. В Елецком стане основным сосредоточением сельских поселений служила область между реками Ельчик, Полсень и Пажень, а также восточная окраина стана на правом берегу р. Пальны. Расселялись люди также рядом с совсем небольшими ручьями и колодезьями, такими как Тростный ручей и р. Гоголь. Большое хозяйственное значение для населения играли также обширные леса. В Елецком стане на тот момент существовали Хороший, Истобный и Отскочный.

Поселения Засосенского стана находились на значительном удалении от административного центра уезда, г. Ельца, и расположились в наиболее выгодном месте, там, где р. Дон делает большой изгиб, а также в месте впадения в него рек Сновы и Каменки. Отметим также леса этого стана, зафиксированные в источнике – Савский, Хмелинецкий, Рогожинский и Яковлевский. В Бруслановском стане наибольшее скопление наблюдается на р. Семенек, правом притоке р. Красивой Мечи, а также под Гушиным лесом. Также поселения располагались под такими лесами как Кленский, Рысин, Романцев, Прогорелый и Ильинский. Большую часть Воргольского стана занимал Радушкин лес, возле которого, а также рядом с основной водной артерией данного района р. Воргол, активно селились первые колонизаторы этого края.

Что касается социальной структуры рассматриваемых уездов, то она была весьма разнообразной. Дозорные книги фиксирует следующие категории жителей: помещики с крестьянами и без (однодворцы), крестьяне, бобыли, священнослужители, казаки, есаулы, вдовы и недоросли.

Как и все источники XVII в., дозорные книги фиксировали только мужское население, как главных налогоплательщиков. Женщины могли упоминаться, если они были главой хозяйства в связи со смертью их супруга. Семьи в XVII в. в среднем состояли из пяти человек. В южные уезды на начальном этапе освоения переселяли преимущественно молодых людей, например, вторых сыновей, кому не доставалось наследства, поэтому можно с уверенностью говорить, что практически все они были женаты и имели свои семьи. Исходя из всего вышеперечисленного, можно утверждать, что к практически каждому упомянутому в источнике мужчине можно смело прибавлять еще четыре-пять членов его семьи.

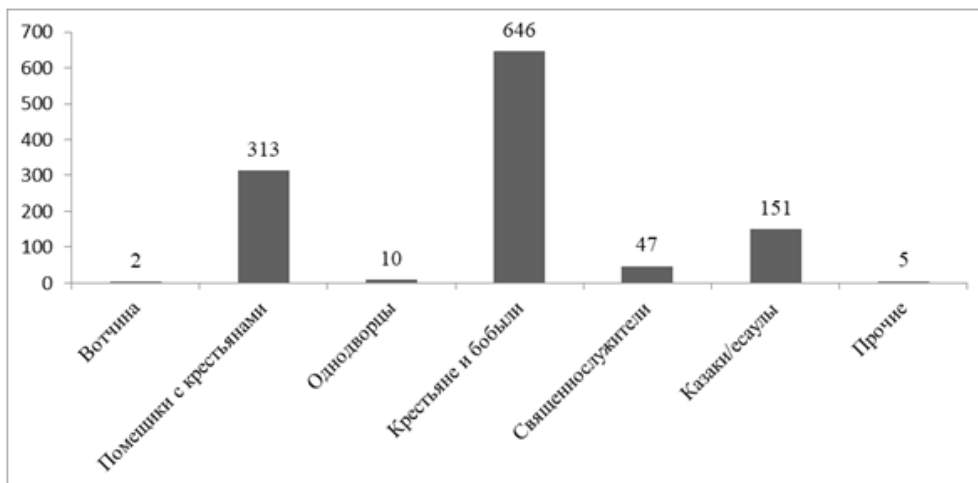

Диаграмма 4. Социальный состав Воронежского уезда в 1615 г. Источник: Переписная книга Воронежского уезда 1615 года // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. Т.2. Подг. текста Л. Вейнберг, А. Полторацкая. Воронеж, 1891. 261 с.

Diagram 4. The number of rural settlements in Voronezh county in 1615 by country. Source: The census book of the Voronezh District of 1615 // Materials for the history of Voronezh and neighboring provinces. Voronezh scribal books. Vol. 2. Subg. of text L. Weinberg, A. Poltoratskaya. Voronezh, 1891. 261 p.

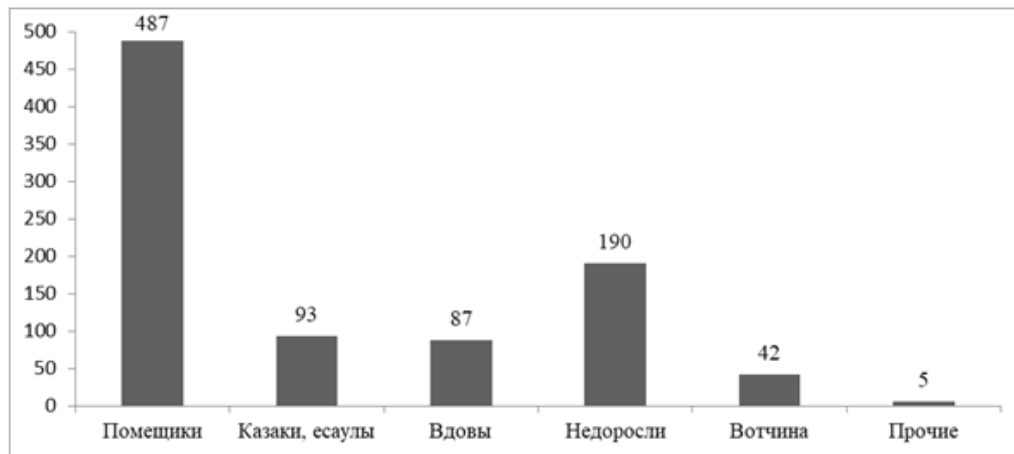

Диаграмма 5. Социальный состав Елецкого уезда в 1615 г. Источник: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д.131.

Diagram 5. The number of rural settlements in Yelets county in 1615 by country. Source: Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 1209. Op. 1. d.131.

Таким образом, всего в 1615 г. в Воронежском уезде было зафиксировано 1174 человека. Исходя из вышеуказанных критериев, можно сделать вывод, что примерно здесь проживало около 6 тыс. человек. В Елецком уезде, несмотря на большее количество сельских поселений, количество зафиксированных жителей было немного меньше, и равнялось 976, а общая численность составляла примерно 5 тыс. человек. Данный факт связан, скорее всего, с тем, что весомую часть сельских поселений здесь составляли починки – 25,4 % от общего количества всех населенных пунктов уезда. Так как починки – это молодые образования, то и жителей в них было совсем немного. Зачастую в них мог иметься всего лишь один двор. С другой стороны, Воронежский уезд, находясь южнее, чаще подвергался нападениям со стороны крымских татар, что толкало его жителей к более тесному соседству в пределах одного поселения.

4. Заключение

Таким образом, мы проанализировали основные сведения по сельским поселениям двух южнорусских уездов в начале XVII в. Сводные данные помогли понять, что даже две соседствующие друг с другом территории могли развиваться не равномерно, что выразилось, главным образом, в починковой распространенности в Елецком уезде и ее отсутствии в Воронежском. Однако по ряду устойчивых показателей прослеживается и общая закономерность при выборе поселенцами районов для своего проживания. Так, важнейшим критерием при выборе места для основания очередного населенного пункта являлось наличие поблизости небольшой речки или ручья. Развитие «кустового» принципа образования локальных групп получило свое распространение в Елецком уезде. Это было связано с географическими особенностями расположения сельских поселений, вследствие чего прослеживается закономерность в процессе образования локальных групп сельских поселений: наличие одного или двух-трех больших сел и несколько прилегающих к ним более мелких административных единиц, таких как деревни, починки и пустоши. Это было необходимо по многим причинам. Во-первых, это повышало оборонительные возможности поселений, поскольку давать отпор татарам в условиях большей сплоченности было намного проще. Во-вторых, данные условия способствовали развитию общинного землепользования. Община помогала в распашке земель тем, кто не мог заниматься этим самостоятельно. Это были в основном сироты и вдовы, официально владевшие помещьем, однако, не имевшие возможности полноценно заниматься своим хозяйством. Однако, данные локальные группы не везде получили распространение. Например, наибольшее количество таких скоплений в Елецком уезде

наблюдалось по берегам Дона в Засосенском стане. Но наряду с этим остальная часть самого обширного стана практически не была заселена. Это было обусловлено выгодным расположением вблизи небольших рек, которых на остальной части стана практически не наблюдалось.

Список источников и литературы

1. Багалеи, Д. И. (1887). *Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства*. М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. 614 с.
2. Важинский, В. М. (1974). *Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. (По материалам южнорусских уездов России)*. Воронеж: Воронеж. пед. ин-т. 237 с.
3. Водарский, Я. Е. (1989). *Дворянство и его крепостные крестьяне в XVII – XVIII вв.* М.: Наука. 181 с.
4. Глазьев, В. Н. (2019). *Города-крепости российского Черноземья в 1604–1618 гг.: гражданская война и ее преодоление* // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24. № 2. С. 105–106.
5. Жиров, Н. А. (2019). *Хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в первой трети XVII в. (Воронежский, Елецкий и Ливенский уезды)* // Русь, Россия. Средневековье и новое время. № 6. С. 470-473.
6. Камараули Е. В. (2018). *Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда)* // История: факты и символы. № 3 (16). С. 97–105.
7. Ляпин Д. А., Жиров Н. А. (2016). *Динамика численности населения Юга России в конце XVI – начале XVIII вв. (на примере Ельца)* // Гуманитарные и юридические исследования. №3. С. 93-96.
8. Ляпин, Д. А., Жиров, Н. А. *Сельское население исторического региона Белгородской черты в контексте хозяйственного освоения пространств «Дикого поля» в XVII-XVIII вв.* // Былые годы. 18 (2). С. 525-534. DOI: 10.13187/bg.2023.2.525
9. Ляпин, Д. А., Мизис, Ю. А. (2021). *Поведенческие модели населения крепостей Юга России в XVII в. (по материалам Воронежского, Козловского и Тамбовского уездов)* // Журнал фронтальных исследований. Т. 6. № 3 (23). С. 10–28.
10. Ляпин, Д. А., Жиров, Н.А., Логунова, Н. В. (2022). *Историко-демографическое изучение сельского населения Центрального Черноземья в XVII-начале XX вв.: новые методы и подходы* // История: факты и символы. № 3 (32). С. 111-113.
11. Мизис, Ю. А., Кащенко, С. Г. (2011). *Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI - первой половине XVIII в. в отечественной историографии* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. № 1. С. 9-16.
12. Мизис, Ю. А., Папков, А. И. (2016). *Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI – начале XVIII в.* // Российская история. № 3. С. 47–48.
13. Миклашевский, И. Н. (1894). *К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века*. М.: Тип. Д.И. Иноземцева. 310 с.
14. Тимохина, Е. А. (2004). *Изучение дозорных книг первой половины XVII века в отечественной историографии* // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сборник статей / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. П. Н. Зырянов. М. С. 307-335.

15. Lyapin, D. A. (2020). *Breaking the law: from the history of Russian colonization of the Steppe in the XVII century* // История: факты и символы. № 2 (23). С. 59-64.

References

1. Bagalej, D. I. (1887). *Ocherki iz istorii kolonizacii stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays from the history of colonization of the steppe outskirts of the Moscow State]. Moscow: Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete. (in Russian).

2. Vazhinskij, V. M. (1974). *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvorcev v XVII v. (Po materialam yuzhnorusskih uezdov Rossii)* [Agriculture and storage of household items in the XVII century. (Based on the materials of the South Russian counties of Russia)]. Voronezh: Voronezh. ped. in-t. (in Russian).

3. Vodarskij, YA. E. (1989). *Dvoryanstvo i ego krepostnye krest'yane v XVII – XVIII vv.* [The nobility and its serfs in the XVII – XVIII centuries]. Moscow: Nauka. (in Russian).

4. Glaz'ev, V. N. (2019). *Goroda-kreposti rossijskogo CHernozem'ya v 1604–1618 gg.: grazhdanskaya vojna i ee preodolenie* [Fortress cities of the Russian Black Earth region in 1604-1618: the Civil War and its overcoming] in *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, Т . 24, № 2, 105–106. (in Russian).

5. ZHIrov, N. A. (2019). *Hozyajstvennoe osvoenie territorii Verhnego Podon'ya v pervoj treti XVII v. (Voronezhskij, Eleckij i Livenskij uezdy)* [State knowledge of the Upper-level territory in the first third of the XVII century. (Voronezh, Yelets and Livensky counties)] in *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i novoe vremya*, 6, 470-473. (in Russian).

6. Kamarauli, E. V. (2018). *Formirovanie poselencheskoj struktury v yuzhnyh uezdah Rossii v pervoj polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda)* [Modeling of the settlement structure of the Southern District of Russia at the beginning of the XVII century. (on the example of Voronezh county)] in *Istorija: fakty i simvolj*, 3 (16), 97–105. (in Russian).

7. Lyapin, D. A., ZHIrov, N. A. (2016). *Dinamika chislennosti naseleniya YUga Rossii v konce XVI – nachale XVIII vv. (na primere El'ca)* [The dynamics of the Russian population in the late XVI – early XVIII centuries. (on the example of Yelets)] in *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*, 3. 93-96. (in Russian).

8. Lyapin, D. A., ZHIrov, N. A. (2023). *Sel'skoe naselenie istoricheskogo regiona Belgorodskoj cherty v kontekste hozyajstvennogo osvoeniya prostranstv «Dikogo polya» v XVII-XVIII vv* [The rural population of the historical region of the Belgorod region in the context of the economic development of the “Wild Field” spaces in the 17th-18th centuries] in *Bygone years*. 18 (2). 525-534 DOI: 10.13187/bg.2023.2.525 (in Russian).

9. Lyapin, D. A., Mizis, YU. A. (2021). *Povedencheskie modeli naseleniya krepostej YUga Rossii v XVII v. (po materialam Voronezhskogo, Kozlovskogo i Tambovskogo uezdov)* [Behavioral models of the population of fortresses in the South of Russia in the XVII century (based on the materials of Voronezh, Kozlovsky and Tambov counties)] in *ZHurnal frontirnyh issledovanij*, Т . 6, 3 (23), 10–28. (in Russian).

10. Lyapin, D. A., ZHIrov, N. A., Logunova, N. V. (2022). *Istoriko-demograficheskoe izuchenie sel'skogo naseleniya Central'nogo CHernozem'ya v XVII-nachale XX vv.: novye metody i podhody* [Historical and demographic study of the rural population of the Central Black Earth Region in the 17th – early 20th centuries: new methods and approaches] in *Istorija: fakty i simvolj*, 3 (32). 111-113. (in Russian).

11. Mizis YU. A., Kashchenko S. G. (2011). *Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI - pervoj polovine XVIII v. v otechestvennoj istoriografii* [The problem of the formation of the Russian frontier in the South of Russia in the XVI - first half of the XVIII cen-

ture. in Russian historiography] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istorija*, № 1, 9-16. (in Russian).

12. Mizis, YU. A., Papkov, A. I. (2016). *Vneshnie i vnutrennie granicy Rossii i estestvennye prirodnye zony na yuge v XVI – nachale XVIII v.* [The external and internal borders of Russia and natural natural zones in the south in the XVI – early XVIII centuries] in *Rossijskaya istoriya*, № 3, 47–48. (in Russian).

13. Miklashevskij, I. N. (1894). *K istorii hozyajstvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. CH. I. Zaselenie i sel'skoe hozyajstvo yuzhnoj okrainy XVII veka* [On the history of the Moscow state. Ch. I. Settlement and rural area of the XVII century]. Moscow: Tip. D.I. Inozemceva. (in Russian).

14. Timohina, E. A. (2004). *Izuchenie dozornyh knig pervoj poloviny XVII veka v otechestvennoj istoriografii* [The study of author's books of the first chapter of the XVII century in state historiography] in *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): sbornik statej / Rossijskaya akademiya nauk, Institut rossijskoj istorii; otv. red. P. N. Zyryanov*. Moscow, 307-335. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-54-69>
УДК 93/99 (4/9)

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ БОЛХОВЦА 1647 – 1687 ГГ.: ЧИНОВНАЯ СТРУКТУРА И СЛУЖЕБНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

В.М. Жигалов

*Белгородская Региональная Общественная Организация
«Историческое Общество «РАТНИК»,
ул. Сумская, д. 381, Белгород, 308025, Россия*

Аннотация.

Введение. На примере истории Болховца — одного из городов Белгородской черты, автор анализирует социально-демографические процессы развития городов-крепостей на юге России XVII в., рассматривает городскую службу как базовую структуру для формирования полковой службы, прослеживает эволюцию и архаизацию обязанностей служилых людей от момента заселения города до 1687 г. **Материалы и методы.** В основу работы легли архивные источники из Российского государственного архива древних актов. Основным методом исследования стал анализ источников, а также их классификация и систематизация. На основе материала были подготовлены таблицы, которые отражают ключевую информацию по структуре служебных обязанностей служилых людей Болховца. **Результаты.** В ходе исследования впервые описана чиновная структура и служебные обязанности служилых людей на примере конкретного города в ключевой период становления Российской государственности на юге страны. **Заключение.** Представленный вариант сложившейся чиновной структуры Болховца с 1647 по 1687 гг. можно охарактеризовать как типичный для большинства городов территории Белгородского разряда. Процессы эволюции служилых чинов этого города, их обязанностей и структурные изменения учетного состава города на прямую соотносятся с общегосударственными процессами, в основе которых лежит построение эффективного управления регионами. А формирование мобильных территориальных полков позволило решать вопросы безопасности за пределами региона что, стало новой формой принятой ранее стратегии обороны через наступление.

Ключевые слова: Белгородская черта, Болховец, сметная книга, военно-приказная администрация, полковая и городская службы, служилые чины.

Для цитирования: Жигалов В.М. (2024). Служилые люди болховца 1647–1687 гг.: чиновная структура и служебные обязанности // История: факты и символы. № 2 (39). С. 54-69 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-54-69>

Статья поступила: 10.03.2024

Статья принята в печать: 08.05.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Жигалов В., 2024

THE SERVING PEOPLE OF BOLKHOVETS 1647 – 1687: OFFICIAL STRUCTURE AND OFFICIAL DUTIES

Vladimir M. Zhigalov

Belgorod Regional Public Organization
"Historical Society "RATNIK",
381 Sumskaya str., Belgorod, 308025, Russia

Abstract

Introduction. Using the example of the history of Bolkhovets, one of the cities of the Belgorod region, the author analyzes the socio-demographic processes of the development of fortress cities in the south of Russia in the XVII century, considers the city service as the basic structure for the formation of the regimental service, traces the evolution and archaization of the duties of serving people from the moment of settlement of the city to 1687. **Materials and methods.** The work is based on archival sources from the Russian State Archive of Ancient Acts. The main method of research was the analysis of sources, as well as their classification and systematization. Based on the material, tables were prepared that reflect key information on the structure of official duties of Bolkhovets' employees. **Results.** The study describes for the first time the official structure and official duties of serving people on the example of a particular city during the key period of the formation of Russian statehood in the south of the country. **Conclusion.** The presented version of the established official structure of Bolkhovets from 1647 to 1687 can be described as typical for most cities of the Belgorod region. The processes of evolution of the civil servants of this city, their responsibilities and structural changes in the accounting structure of the city are directly correlated with national processes, which are based on the construction of effective regional management. And the formation of mobile territorial regiments made it possible to solve security issues outside the region, which became a new form of the previously adopted defense strategy through the offensive.

Keywords: Belgorod line, Bolkhovets, estimate book, military command administration, regimental and city services, military ranks.

For citation: Zhigalov V. (2024) The serving people of Bolkhovets 1647-1687: official structure and official duties In *History: Facts and Symbols*, 2 (39), 54-69 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-54-69>

Received: 10.03.2024

Revised: 02.05.2024

Published: 14.06.2024

© Zhigalov V., 2024

1. Введение

История города Болхового, известного также как Болховец¹, берет свое начало в 1646 г., когда в рамках работ по сооружению земляного вала от Северского Донца до Ворсклы было принято решение о строительстве новой крепости. Архивные источники сообщают, что именно воеводе Большого полка Н.И. Одоевскому принадлежит решение о его строительстве. Город был поставлен недалеко от Муравского шляха на высоком мысу правого берега речки Болховой колодезь при впадении ее в речку Везеницу [15]. Сторительство

¹ Двойное название Болховец и Болхлвой в источниках встречается с превых лет существования города. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 258. Л. 336 – 378, 393. В настоящее время употребляется термин Болховец его мы и будем использовать далее в своей работе.

земляного вала городов Болховца и Карпова в этом году позволило перекрыть основной путь татарских вторжений в Российские земли.

Строительство городов как укрепленных пунктов было первым этапом, вторым не менее важным было их заселение, формирование чиновной структуры от руководства до рядовых исполнителей. Нам представляется актуальным обращение к такой теме, как заселение новопостроенных городов Белгородской черты, история которых имеет свои предпосылки и особенности.

2. Материалы и методы

В сложившейся историографии рассматриваемый нами вопрос освещен довольно скудно, в немногочисленных работах XIX в. – первой половине XX в. данная тема затрагивается косвенно. В публикациях дореволюционного периода, в работах Д.И. Багалея [1] и И.Н. Миклашевского [9], Болховец упоминается номинально, лишь в связке с историей Слободской Украины, на которой акцентировались исследователи.

Среди работ советского периода стоит отметить монографию А.А. Новосельского, где рассматриваются вопросы организации обороны на юге России в XVII в. При этом определяя периодизацию строительства городов, автор ошибочно приводит дату основания Болхового (1647 г.), а строительство земляного вала по обе стороны от него датирует (1648 г.) [10]. В фундаментальной работе В.П. Загоровского «Белгородская черта» уточняется год основания города – 1646 г., приводится описание укреплений в начальный период, город характеризуется как земляной, приводится численный состав служилых людей на 1651 и 1677 гг. [5], что в целом дает довольно емкое представление об истории Болховца XVII в.

В ряде публикаций последних 20 лет прослеживается обращение к локальной истории региона городов Белгородской черты, что позволяет шире раскрыть идентичность отдельных территорий, особенности формирования их структурно-чинового состава в контексте общегосударственных процессов, где Болховец был неотъемлемой частью этого региона. В статье В.Н. Глазьева «Смена воеводы в Болховом в 1691 – 1692 гг.: к вопросу о роли населения города и уезда в местном управлении» на конкретном примере рассматривается сложившаяся ситуация со сменой городского воеводы в контексте устройства системы управления в регионе и ролью в этом процессе полковых воевод и Разрядного приказа [2]. В коллективной работе А.И. Папкина, Н.И. Петрухинцева и Д.А. Хитрова «Белгородская черта: История, фортификация, люди» сообщаются обстоятельства, при которых был построен город, в списке семи городов определенных в 1647 г. в новые «драгунские города» указывается и Болховец, приводится чертеж Болховца и его описание 1693 г. [11].

Достаточно подробно отражена история Болховца от его заселения до формирования уезда в работе автора статьи совместно с А.Г. Бобовым «Болховской рубеж» [4], где приводятся именные списки первопоселенцев, содержатся описания укреплений и другие исторические сюжеты, подготовленные на ранее неопубликованных архивных материалах. В то же время обращение к сметным книгам как к комплексному источнику информации имеет выборочный характер, отражая в основном тему оборонительных сооружений и лишь отчасти затрагивая эволюцию служилых чинов.

В опубликованной в 2023 г. статье Е.В. Шварева «Социальная стратификация служилого населения юго-западной России в первой четверти XVIII века (на примере социологического анализа переписи населения Болховецкого уезда 1718 года)» в пределах административной единицы анализируются особенности социальной структуры служилого населения Болховца, практически утратившего к этому году статус «служилого города». Автор выделяет основные признаки социальной стратификации служилого населения этого периода, указывая при этом на тенденции распада прежней чиновной структуры города-крепости Болховца и формирования нового социального слоя – однодворцев. Однако автор не рассматривает генезис этого процесса, имеющего более ранние исторические корни, а также влияющие на него факторы.

Приведенные примеры отражают лишь локальные участки в чиновной структуре служилых людей Болховца, его системе управления и не дают четкой картины социальной стратификации вертикальных и горизонтальных связей в то же время обращение к микротемам позволяет обозначить основные тематические блоки и выделить ключевые моменты в истории конкретной территории. Целью нашего исследования является проследить основные этапы эволюции чиновной структуры Болховца как служилого города с 1647 по 1687 гг.

3. Результаты

Основной базой при подготовке статьи стали сметная книга Белгородского стола [14], составленная на исходе государственных преобразований и реформ первой половины 80-х годов XVII в. и ряд архивных материалов РГАДА, ранее не публиковавшихся либо использовавшихся только в определенной их части. Обращение к этим материалам позволило проследить основные обязанности и функционал представителей местного самоуправления, формирование и виды службы основной массы служилых чинов города, а также функции выборных лиц, относящихся к торгово-фискальным учреждениям.

Параллельно со строительными работами по возведению земляного вала и строительством города в сентябре 1646 г. правительство организует мероприятия по заселению города. Болховец предполагалось заселить одними драгунами из числа подразделений, участвовавших в строительных работах, но этот вариант не был реализован. В своей отписке государю Н.И. Одоевский сообщал, что если бы он принял меры к заселению нового города драгунами, участвовавшими в строительстве укреплений, то они бы записавшись на вечное житье, «земляново валу делати» не стали.

Попытки заселить новый город теми же драгунами-строителями предпринимались также и на заключительном этапе строительных работ. Поселенцам на вечное житье обещали выдать жалование на дворовое строение, оставить за ними государево имущество: лошадей, седла, мушкеты и прочее находившееся у них на тот момент казенное имущество. Но и в этот раз желающих остаться не нашлось «на вечное житье никто не пишетца» [14]. Предложенные условия и несколько вариантов жалования не устроили служилых. Люди не пожелали заселяться в город располагавшийся в непосредственной близости к Муравскому шляху, да еще и в зиму без готового жилья.

Учитывая сложившуюся ситуацию, правительство Алексея Михайловича в октябре 1646 г. подготовило указ, согласно которому «велено в новые города взяти служилых людей на вечное житье з женами из детми и со всеми их животы» [21] из состава *замосковных, тульских, северских, украинских и полевых городов*. Правительство возвращается к более традиционному способу заселения новых городов, рассылая воеводам грамоты, обязывающие их выбрать «семьянистых и прожиточных» для отправки на вечное житье в новый город на Муравском шляху. В этот раз предполагалось набрать из среды служилых людей – как добровольцев, так и выбранных общинами и воеводами сведенцев, предложив им более выгодные условия. В счет годового жалования казакам предписывалось выдавать по 12 рублей, стрельцам по 10 рублей против прежних 7 и 8 рублей [4]. Таким образом, в связи с решением финансового вопроса и организационными мероприятиями на местах по сбору и высылке сведенцев процесс заселения города растянулся на 1647 – 1648 гг.

В общей сложности в заселении Болховца приняли участие представители 20 городов: Кашира, Коломна, Серпухов, Новосиль, Тула, Чернь, Алексин, Крапивна, Епифань, Лихвин, Белев, Болхов, Карачев, Кромы, Мещевск, Перемышль, Мосальск, Курск, Ливны, Елец [4].

Прибывшие со своими семьями сведенцы почти все являлись представителями служилого сословия и были указаны как стрельцы, казаки, в том числе беломестные и полковые, пушкари и только несколько драгун. Ко времени конца комплектования города в 1648 г. подавляющее большинство служилых чинов составили стрельцы и казаки. Из среды при-

бывших сведенцев воевода формировал необходимые городские службы.

В 1649 г. в Болховце насчитывался 541 человек служилых людей, определенных «по местам». Общее число потенциально годных к службе лиц мужского пола составляло 1019 человек [20]. К этому времени из состава сведенцев в драгунскую службу удалось набрать 66 человек, но этот проект уже был не актуален и стоял вопрос неимения в городе необходимых чинов – детей боярских. В итоге из числа уже определенных в драгунскую службу 44 человека бьют челом для определения их в дети боярские, в этом же году государевым указом их определяют в дети боярские. В источниках, имевшихся в нашем распоряжении, не сказано были ли верстанные дети боярские «драгунской службы» или нет, но в Разряде они продолжали числиться «верстанными драгунами». Тем не менее, к 1653 г. вопрос о статусе бывших драгун, определенных в дети боярские, больше не поднимался¹.

Параллельно с формированием структуры и определением основных функций подавляющей массы служилых людей с 1647 по 1652 гг. болховские воеводы подбирают одного сотника и двух подъячих. Таким образом, можно говорить, что процесс заселения Болховца и формирование структуры городской службы занял почти пять лет и к 1653 г. в основном был завершен. Структура управления и городская служба состояла из воеводы, подъячих, детей боярских, драгун, стрельцов, казаков и пушкарей. О каких-либо других представителях службы источники на эти годы нам не сообщают.

В 1650 г. Белгород уже определяется как ставка разрядных полковых воевод. В этом году кн. воевода Б.А. Репнин проводит смотр служилых людей в городах от Коротояка до Вольного. В том числе и «болховских казачьих, стрелецких и пушкарских детей, братьев, племянников, зятьев и внуков с пищалями» 179 человек и 215 человек, явившихся на смотр с рогатинами и топориками [17]. В следующем 1651 г. явившихся на смотр с рогатинами и топориками вооружили мушкетами, тем самым окончательно укомплектовав болховчан огнестрельным вооружением, что усилило обороноспособность города и уезда.

Существенные изменения в организации несения службы в городах Белгородской черты наступают к 1653 г. С этого времени из состава городской службы в полковую из каждого города набирается определенное количество лиц. Полковая служба носила до этого перманентный характер, зависящий от вестей о приходе татарских отрядов. Городовые воеводы должны были со своим войском или, объединившись в «сход» с другими воеводами, бороться с татарскими отрядами. Эта практика уходит в прошлое.

Ситуация, складывающаяся на внешнеполитической арене, как на южном направлении, так и на западном, ставит новые задачи перед правительством, готовится реформа армии [7]. С началом Русско-польской войны в 1653 г. на Белгородской черте решено было сформировать четыре новых полка «солдатского строя». В один из этих полков было определено более 200 человек болховчан. При этом основной костяк служилых людей оставили в городской службе, а в полки мобилизовали их сыновей, братьев и племянников.

С этого времени полковой службе отдается все больший приоритет, а численность болховчан – представителей этой службы – с каждым годом растет. На 1658 г. в составе солдатских полков, входивших в Белгородский разрядный полк, числилось уже 323 солдата из Болховца [19]. В 1660-е и 1670-е гг. представители Болховца участвуют в походах и боевых действиях на территории Малороссии и гетманщины².

Начиная с 80-х гг. XVII в. Белгородский полк чаще всего используется для ведения боевых действий вдали от мест дислокации [8]. Русская армия в это время вела преимущественно наступательные действия, поэтому значение полковой службы возросло. Что касается городской службы, то она все больше приобретала черты гарнизонной, в основном выполняя задачи безопасности в пределах своего уезда.

¹ Более детально о верстании болховских драгун в дети боярские См. [4, с. 147 – 150].

² Перечень походов см. [4, с. 265 – 266].

В истории городов Белгородской черты наступает новый период. Теперь большая часть служилых людей верстается в полковую службу. В Белгород получали назначения начальные люди разных городов, в том числе и иностранцы, принятые на царскую службу. Служилые люди Белгородской черты стали основной базой для комплектации полков. Кроме этого в Белгород прибывали отдельные группы и целые подразделения из других регионов. Окончательно полки формировались в Белгороде и оттуда уходили в походы для решения поставленных задач.

Молодые люди, достигшие возраста несения службы и поступавшие на родительские места в городской службе, как правило, находились в ней до очередного разбора. В службу по городу все чаще стали переводить старых и увечных людей, отставленных от полковой службы. При этом всех служивших полковую службу продолжали учитывать в тех городах, где они изначально были поверстаны. При составлении сметных росписей городские воеводы учитывали все категории служилых людей, относящихся к их городу.

Сами переписи чаще всего составлялись при смене воевод, при «передаче города» и реже по специальным приказам из Разрядного приказа. Поэтому основной массив сметных (переписных) книг воеводами составлялся в основном при сдаче и приеме города, эта процедура, как правило, проходила раз в два года. Воеводы обязаны были присылать учетные материалы – переписные книги, росписные и смотренные списки по личному составу своих городов в Белгород, откуда они отсылались в Москву, в Разрядный приказ.

В сметных книгах Белгородского стола содержится достаточно много информации, анализ которой позволяет проследить формирование структуры управления, как отдельными городами, так и регионом в целом. Книги дают возможность составить представление об изменении функционала и статуса служилых людей, населявших города, а описания зданий и укреплений городов позволяют подготовить их графические реконструкции.

В 1686-1687 гг. стал меняться порядок записи в сметных книгах. Вместо обычных списков служилых людей, находившихся в ведении воеводы (детей боярских, стрельцов, казаков, пушкарей и т. д.), на первое место выходят списки лиц полковой службы (начальных людей, копейщиков, рейтар, солдат и т. д.).

Одной из первых книг, составленных после серии реформ, стала годовая сметная книга 1687 г., собранная в единый документ из переписных книг 57 городов. Она состоит из 1496 листов¹. Мы обратились лишь к части документа к информации о Болховце и ряду ближайших городов региона. Такой подход позволил сделать сравнительный анализ в контексте общих процессов состояния городской и полковой службы в Болховце.

Переписные книги, вошедшие в состав единого документа, имеют однотипное для большинства рассматриваемых городов предисловие². В нем указывается вид составленного документа – переписные книги, город, в который они отсылались – Белгород (военно-административный центр того времени). Формуляр вступительной части достаточно устойчив, меняются только названия города и имя лица, руководившего городом – воеводы.

Далее в структуре росписи приводится информация о представителях приказной администрации (подъячих приказной избы), владельцах водяных мельниц (если таковые были), перечисляются фискальные органы (головы и целовальники), дается описание укреплений и др.

В основном блоке содержится информация о чинах, представляющих ту или иную службу. Так как полковая служба считалась более важной и значимой, чем городская, воеводы начинали роспись личного состава города с начальных чинов этой службы, а дальше перечислялись в порядке убывания: начальные люди, в основном поручики и прапорщики,

¹ ОДИБ МАМЮ. Кн. 10. С. 24.

² Более подробно с порядком формирования, структурой сметных книг и обстоятельствах, влиявших на эти процессы, можно ознакомиться: ОДИБ МАМЮ. СПб. 1869. Кн. 4. С. 176-187, 216-219, 221-228.

далее в переписи отражались: копейщики, рейтары (трубачи), солдаты, донские¹ и орешковские казаки. В ряде городов отдельно перечислены отставленные от полковой службы чины.

Роспись городской службы по городам в книге несколько неоднородна. В основном она начинается детьми боярскими, затем идут подьячие, станичники, драгуны, стрельцы, казаки, пушкари, воротники, крестьяне, посадские люди, ямщики, черкасы, казенные кузнецы, головы, целовальники и бобыли.

Помимо самих служилых людей переписные книги фиксируют имена и возраст их детей, братьев, отцов и свойственников – пасынков, шуринов и зятьев, записанных за каждым служилым человеком (при наличии). Родственники и свойственники служилых людей были резервом, из которого, в случае необходимости, можно было верстать новых служилых людей, поэтому в городах велся учет всего мужского населения. В списки попадали дети, начиная с 6-7 лет, реже – с 4-5 лет, еще реже – малолетние.

При подведении итоговых подсчетов в перечневых росписях ряда городов родственники служилых людей разделяются по возрасту на две группы и указываются со следующими определениями: «в возрасте» и «в малых летах, или с определением «в службу поспешили» и «недоросли». В первую группу попадали родственники, в возрасте начиная с 15 лет, во вторую – 14 лет и моложе. По ряду городов недоросли выделены в отдельную группу.

Непосредственно возраст родственников в зависимости от города указан разный – вплоть до 40 лет, о мужчинах старше 40 лет встречаются сведения в Болховом, Карпове, Хотмыжске, Верхососенске. Максимальный зафиксированный возраст 46 лет, что можно объяснить физическими возможностями, снижающимися после этого возраста.

Примечательно, что информация о составе семей начальных людей представлена весьма скудно. Вероятно, это связано с тем, что многие из них постоянно не проживали в городах, по которым числились, а на службу поступали на определенный срок и жили по месту службы без своих семей.

При составлении росписей городские воеводы указывали не только служилых людей, имеющих в их городах, но и отмечали категории служилых людей, которые отсутствовали в городе. Например, служилые люди драгунского чина были не во всех городах, также не во всех были крестьяне, черкасы, губные старосты и др. Вероятно, это было связано с существованием общих требований к отчетно-учетным документам. Так, нарушением считалась задержка с подачей или факт не предоставления росписи в Белгород, а соответственно, в Москву. Зачастую факт отсутствия той или иной росписи просто отмечался – воевода «сметных росписей не подал». Информации о наказании за это в архивных материалах нами обнаружено не было.

Анализ материалов сметной книги 1687 г. позволяет проследить структуру чиновного управления как в Болховце, так и других городах согласно иерархии должностей, чинов и статуса отдельных категорий людей.

Воеводы были главным должностным лицом, как в городах Белгородского полка, так и в целом в городах Белгородского разряда. Структуру воеводского управления в регионе можно подразделить на две категории: полковые разрядные воеводы и городские осадные, при этом представителей последней категории было более всего.

Практически все лица назначавшиеся на воеводскую должность в Болховце относились к категории городских воевод. Такие воеводы управляли делами и службой на территории одного конкретного вверенного им города (уезда). Главная функция городского воеводы – надлежащее содержание укреплений и поддержание *гарнизона* в боевой готовности. Назначение городских воевод после создания Белгородского полка зачастую производилось полковым воеводой, но в итоге оформлялось Разрядным приказом. В нашем случае С.

¹ В Болховце и Карпове указаны в разделе городской службы.

Чубаров, сменивший в марте 1686 г. предыдущего воеводу был родом из Новгород-Северского. За его плечами были годы полковой службы, участие в боях, плен и потери близких родственников, служивших вместе с ним [13].

В этот период назначение на воеводские должности таких категорий людей в городах Белгородской черты являлось сложившейся практикой. Городовой воевода при необходимости проводил смотры своего гарнизона, состоящего из служилых людей пригородных слобод, сел и деревень подведомственного ему уезда, занимался организацией текущего ремонта города и относящихся к его участку укреплений, наделением землей, сбором пошлин, ведением различных административно-хозяйственных вопросов на подведомственной территории.

Ниже в таблице приведены имена воевод с указанием их статуса. Среди них выделяется находящийся на воеводстве в Белгороде товарищ (заместитель) умершего в 1687 г. в Курске командующего городами Белгородского полка боярина князя М.А. Голицина окольничий, князь Ф.Л. Волконский. В довольно высоком статусе указаны трое воевод стольников, один просто воеводой и пятеро без указания какого-либо статуса. Наглядный пример характеризует лиц, находящихся на воеводских должностях, в том числе и болховского воеводу. Указание в сметных книгах воевод без каких-либо регалий характерно для большинства лиц, назначаемых на воеводские должности в городах Белгородского разряда практически за весь период его функционирования. Вероятно, это было связано с тем, что на эти должности назначались лица, не имевшие московского чина, но представляющие служилое сословие, особо не выдвигавшиеся своей родовитостью. За свою службу воеводы получали денежное жалование в оклад «по своей мере» что являлось сложившейся практикой практически для всех служилых людей Московского государства [6].

*Таблица 1. Воеводы городов Белгородской черты на 1687 г [Составлено автором].
Table 1. Voivodes of the cities of the Belgorod region in 1687.*

Город	Имя воеводы	Статус воеводы
Белгород	Ф.Л. Волконский	окольничий, воевода князь
Болховой (Болховец)	Сергей Чубаров	без указания
Карпов	Савелий Болобонов	без указания
Хотмыжск	Моисей Охлябинин	без указания
Нежегольск	Евстрат Озеров	без указания
Короча	Тимофей Панютин	воевода
Яблонов	Артемий Данилов	без указания
Новый Оскол	Иван Скрипицын	стольник и воевода
Верхососенск	Митрофан Данилов	стольник и воевода
Усерд	Матвей Коверин	без указания
Валуйки	Михаил Кафторев	стольник и воевода
Старый Оскол	Федор Лупандин	без указания

О болховском воеводе известно, что на должность он заступил весной 1686 г. На период его службы и приходится составление рассматриваемой нами сметы и проведение «разбору» болховчан полковой службы, связанное с подготовкой к Русско-Турецкой войне 1686-1700 гг. [24]. Примечательно, что болховская переписная книга, вошедшая в состав сметной книги, была составлена более чем через полгода после его появления в городе. Вероятно, это было связано с тем, что вступление в должность затянулось почти на год, и он принимал город без письменного приема – передачи, когда, как правило, составлялись росписи. Возможно, что составление поздней сметы было связано с предстоящей войной и подготовкой Белгородского полка к походу «многими силами на самую Крым» [12]. В январе 1687 г. после получения сметной книги из Разряда в города были отправлены указы о

высылке ратных людей в полки [3].

На втором месте по значимости в иерархии военно-административной власти находились представители местной приказной администрации. Размещались они в городе, как правило, в Приказной избе. В Болховце (Болховом) на 1687 г. в приказной избе числилось трое подьячих, находящихся на службе с 1684/85 г. (один) и с 1685/86 г. (двое). Это меньше, чем в соседних городах Белгороде и Карпове. В Карпове было шесть таких чинов, а в Белгородской приказной избе – 13 человек. Белгород был центром управления регионом и должен был иметь соответствующий административный аппарат¹. Карповский гарнизон изначально превосходил болховской численностью служилых людей, в городе был сформирован местный территориальный полк, что в совокупности требовало большего числа делопроизводителей – подьячих.

При сопоставлении материалов источника по десяти ближайшим городам можно сделать вывод, что в период с 1678 по 1687 гг. подьячие назначались воеводами Белгородского полка, находившимися в это время в Курске, что в свою очередь дает дополнительную информацию о системе управления в городах полка на тот период. Достаточно много подьячих в городах Белгородской черты в 1687 г. занимали служебные места своих отцов, что показывает складывающуюся наследственную преемственность среди приказной администрации городов Черты. В XVIII в. эта преемственность способствовала формированию такой социальной категории как дворянство.

Второй категорией после военно-приказной администрации были представители различных чинов полковой и городской службы. В большинстве переписных книг представители полковой службы приводятся в первых рядах. В записях мы видим, что представители полковой службы, указанные по ряду городов, занимали различные должности и были разных званий. Так в Болховце жили три человека начальных людей, служивших по Белгороду, то есть в Белгородском полку, в состав которого входили практически все представители полковой службы города на эти годы. За городом числились: один поручик и двое полковых обозных (чины службы обеспечения). С семьями проживали только обозные, у которых имелось трое сыновей в возрасте и один в малых летах.

В целом данные годовой сметной книги 1687 г. свидетельствуют о достаточно развитой системе управления и сложной полковой структуре чинов, неравномерно распределенных по городам Белгородской черты.

Учету подлежали почти все лица мужского пола, являвшиеся по сути постоянными военнообязанными: все родственники и свойственники. Поэтому они также как и основной состав служилых людей подлежали регулярному учету. Так, за болховскими копейщиками указаны 15 человек их родственников и свойственников, «в малых летах» – четыре человека. За рейтарами 36 человек и 23 недоросля. За трубачами – 7 человек и 6 недорослей. Самой многочисленной группой представителей полковой службы в Болховце были солдаты, за ними числились 110 человек их родственников и свойственников, а «в малых летах» – 24 человека.

Согласно итоговым сметам воевод², представителей полковой службы на 1687 г. более всего было в Старом Осколе – 889, в Новом Осколе – 752 и в Карпове – 562. В городах Болховец, Нежегольск и Усерд их численность колебалась в пределах 200 человек. По Короче воевода указал только 38 человек отставленных.

На этот год мы видим сложившуюся структуру должностей и чинов полковой службы, при этом чины предсталенных городов относятся как к Белгородскому, так и к Старо-

¹ Поскольку начало сметной книги за 1686/87 г. утрачено, персональный состав данной категории служилых людей Белгорода приводится по состоянию на предыдущий год. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Д. 132. Л. 102 – 105.

² Здесь и далее численность служилых людей приводится по итоговым перечневым росписям. Сплошные подсчеты по спискам служилых людей могут дать другие значения.

оскольскому, Хотмыжскому и другим полкам, объединенным в итоге территориально в Белгородский разрядный полк. Городовые воеводы без адресной принадлежности к конкретному полку учитывали в своих сметах все категории чинов полковой службы, по факту проживания относящихся к конкретному городу. Представители Болховца изначально были определены служить с белгородцами в одном полку, преимущественно в ротах, состоящих из земляков.

Представленный в таблице списочный состав должностей полковой службы можно считать штатным, но количество служивых представителей городов всегда разное. Это зависело от численности всего мужского населения в городе – от демографических обстоятельств и первичного неодинакового заселения городов.

Таблица 2. Численность и должности представителей полковой службы соседних с Болховцом городов на 1687 г. [Составлено автором]

Table 2. The number and positions of representatives of the regimental service of the neighboring towns of Bolkhovets in 1687.

	Начальные люди	Копейщики	Рейтары	Труба-чи	Солдаты	Барабанщики	Отставные ¹	Складчики ²
Белгород ³	-	-	-	-	-	-	- ⁴	-
Старый Оскол	6	173	220	24	466	-	?	-
Болховец	3⁵	9	34	12	116	-	18	-
Карпов	6	39	92	6	363	10	46	-
Хотмыжск	4	13	93	-	274	-	14	27
Нежегольск	2	-	18	2	63	-	7 ⁶	-
Короча	6	-	-	-	- ⁷	-	60 ⁸	-
Яблонов	1	37	91	-	383	-	109 ⁹	10
Новый Оскол	-	8	48	-	479 ¹⁰	-	158 ¹¹	22
Усерд	-	-	12	-	186	-	19	-

Отдельную категорию составляли «Отставные ис полковые службы», вернувшиеся в места своего постоянного проживания. Информация по людям, отставленным от полковой или городской службы, приводимая воеводами, как правило, имеет единый формат. Воеводы объединяли списки отставных, как городской, так и полковой службы в один блок. Приоритет при этом отдавался полковой службе. Указывались годы, когда состоялись разборы, а иногда имена и фамилии разборщиков. Разбор служивым людям в городах, как правило,

¹ Некоторыми воеводами в поданных списках не выделяются отдельно отставные от полковой и городской службы, поэтому все отставные отражены в данной таблице в полковой службе.

² «Складчики служат салдацкую и городовую службу погодно». Данная категория полностью показана в таблице полковой службы.

³ По категориям полковой службы Белгорода информация в деле отсутствует.

⁴ 120 детей боярских, отставленных от полковой службы («велено быть в городской службе») учтены в таблице Городовая служба.

⁵ В том числе двое обозных, по сути, начальники тыловой службы полков.

⁶ Отставлены от полковые и от городовые службы в прошлом во 188 г.

⁷ Числятся только отставленные от службы вовсе в 188 г. рейтары и солдаты.

⁸ От полковой и городской службы.

⁹ Из дворовых, копейщиков, рейтар, солдат, детей боярских городской службы, драгун, стрельцов и казаков (сплошной подсчет).

¹⁰ Подсчет сделан поименно в том числе солдат прежних выборов из бобылей.

¹¹ От полковой и городской службы.

проводили представители полковой службы: стольники и воеводы. По итогам их смотров принимались решения, кого надо оставить или отправить в отставку, а кого принять в полк. Городовые воеводы проводили смотры служилых людей своего города и уезда. Эти смотры носили предварительный характер, на них отбирались подходящие в полковую службу.

На 1687 г. отставленных от полковой службы по старости и за увечья болховчан указано 18 человек. Болховской воевода не приводит информацию, из каких категорий полковой службы они отставлены. Только у пяти отставных он указывает сыновей в возрасте от 13 до 20 лет. Остальные перечисляются по имени, отчеству и фамилиям без указания детей, из чего можно предположить, что они служили много лет и не успели обзавестись семьями. Существовала практика, когда при выходе в отставку служилые били челом о прибавке или наделении их земель, что, по сути, являлось выходным пособием или своего рода наградой за многолетнюю службу.

Многие из вышедших в отставку и еще не слишком старых могли быть определены в городовую службу. В представленной ранее таблице мы видим преобладание действующих чинов над отставными, что объясняется не регламентированным сроком службы, а физическим состоянием человека.

В отличие от полковой службы сведения о представителях городской службы в смете 1687 г. представлены гораздо шире. Эта служба подразделялась на три категории: 1) непосредственно служба по городу в его оборонительном периметре (она была дневной, ночной или суточной); 2) служба на оборонительных рубежах, относящихся к городу (на земляном валу, острожках и городках), по срокам такая служба была от одного дня до недели; 3) служба, связанная с выездом отдельных групп, как в соседние города, так и далеко за пределы уездов – отезжую, ее временные рамки могли устанавливаться изначально либо по факту выполнения поставленной задачи.

Служба «по городу» контролировалась городскими воеводами и приказными людьми. В наказах воеводам предписывалось «смотреть в день и в ночь почаству» [16] караулы и сторожи своего уезда.

В городской службе состояли различные чины, численность их была обусловлена потребностями службы. Ориентировочный состав необходимого количества людей для заселения города определялся воеводами-горододельцами на этапе досмотра территории с учетом местности, где будет город. От местности, по сути, зависела конфигурация города и площадь вместимости дворов и строений. Важным была зона ответственности по валу или на сторожах и, конечно же, природные условия, от которых непосредственно зависела жизнь людей в уезде.

В представленной ниже таблице, *подготовленной на основе сметных росписей ряда городов*, состав городской службы можно подразделить на три категории: 1) военно-приказная администрация: воеводы, приказные люди, городничие, подьячие приказной избы и площадные дьячки; 2) служилые люди: головы, дети боярские, казаки, пушкари, воротники, кузнецы, плотники, посадские люди, ямщики и черкасы; 3) фискальная служба: на таможне и кружечном дворе, у торговых бань, житниц, пороховой казны и тюрем: выборные головы, ларечные, целовальники и дьячки. В Болховце основными чинами служилых людей были дети боярские, стрельцы, казаки, пушкари и воротники. Такая же картина прослеживается по большинству других городов, что можно отнести к наиболее эффективной структуре в организации городской службы.

Таблица 3. Численность и вибы службы в городах Белгородской черты на 1687 г. [Составлено автором]

Table 3. The number and size of services in the cities of the Belgorod region in 1687.

Должности	Белгород	Болховец	Карпов	Хотмыжск	Нежегольск	Короча	Яблонов	Новый Оскол	Верхосенск	Усерд
1.										
Воеводы и приказные	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Подьячие приказной избы	13	3	6	3	1	4	5	5	3	3
Площадные дьячки	?	2	?		2	-			-	-
2.										
Дети боярские	709 ¹	130	236	273	143	382	408	340	221	220
Донские и Орешковские казаки	-	9	7	2	1	н	н	7	-	н
Драгуны	н	-	н	н	-	н	-	37	-	-
Стрельцы таничной службы ²	204	-	-	-	-	12	141	58	99	116
Казаки	50	88	165 ³	83		70	93	15	66	57
Пушкари	49 ⁴	19	45	18	18	21	14	29	19	6
Воротники	6	3	3	4	н		-	-	н	-
Затинщики				н	н				н	
Ямщики	20		-	н	н			-	н	-
Черкасы	28	?	?	н	26 ⁵	?	?		н	-
3.										
Казенные кузнецы	4	?	1	1				н	-	-
Казенные плотники	1	-	-					н	-	-
Посадские	58		-		н			-	н	-

¹ В т.ч. отставленным 120 ч. от полковой службы, которым велено быть в городской.

² В том числе: головы, станичники, дети боярские, вожи.

³ Казаки, пушкари и воротники по результатам персонального подсчета. В итоговых перечнях не указаны.

⁴ Из них 7 пушкарей фитильного дела.

⁵ Служили в Харьковском полку.

Одной из старейших и значимых служб в истории России была служба стрелецкая. В рассматриваемый период эта категория служилых относилась также к городской службе. Просуществовали стрельцы до реформ вооруженных сил начала XVIII в. В Болховце в стрелецкой службе на этот год числилось 132 человека. Это была самая многочисленная категория среди всех видов городской службы.

Основную массу служилых людей, несших службу по городу, составляли дети боярские, часть из них были отставленными от полковой службы. В городе служили стрельцы, казаки и пушкарки, а численность воротников, затинщиков, кузнецов, плотников колебалась от одного до десяти человек, в некоторых городах представители той или иной службы могли и вовсе отсутствовать.

В каждом городе воеводами составлялись росписи служилых людей на случай осады, а также для несения ежедневной службы, как правило, суточной. Караульную службу несли на важных объектах. Количество служилых людей, выставляемых в караулы напрямую зависело от наличия и количества объектов – мест, где необходимо было нести дежурство: башни с караульными клетками, проезжие ворота, административные здания, погреба и склады и т.д. Соответственно, от их количества и определялось необходимое число выставляемых людей.

Пушкарей – артиллеристов в городах крепостях было гораздо меньше, чем детей боярских, стрельцов и казаков которые, по сути, являлись мобильной частью городского войска. Люди пушкарского чина – артиллеристы, наоборот были привязаны к своим точкам местам размещения орудий вгородских башнях. Колличество башен в каждом городе было разное, оно практически всегда определялось в начале строительства города. Поэтому от количества башни и пушечных орудий в них зависело и количество людей этого чина в городах.

Кроме ведения пушечной стрельбы в случае получения вестей или осады города пушкари несли караульную службу в самом городе. Так в Болховце у казенного (порохового) погреба на караул выставлялось по два человека пушкарей, которые менялись следующей парой пушкарей через сутки. В Болховце на 1687 г. было 19 человек пушкарей, детей их и братьев, и свойственников «в возрасте» – четыре человека, «в малых летах» – пять.

В городах Белгородской черты встречается еще один не многочисленный вид служилых людей как воротники. Основная их задача заключалась в контроле въезда и выезда из города, а также передвижения товаров и грузов проход и проезд в крепость всегда находился под контролем. Больше всего воротников было в Белгороде (шесть человек). В Болховце было три проезжие башни с воротами, на которых дежурили трое воротников.

Служба на оборонительных рубежах организовывалась воеводой города, к которому относился соответствующий участок Белгородской черты. Детям боярским вменялось регулярно досматривать различные участки, окашивать с крымской стороны траву для предотвращения пожаров и поджогов, осуществлять небольшой ремонт и информировать воеводу о состоянии укреплений, проблемах службы и ситуации по обе стороны вала. Основными служилыми, кто нес службу по валу, городкам и стоялым острожкам, были казаки. Число городков и острожков, относящихся к городам, было различным, от этого зависело и количество служилых людей на местах. Службу они несли круглый год, сменяясь по неделям. На точке их могло быть от четырех до десяти человек. В случае поступления вестей о приближении вражеского отряда, воевода увеличивал количество служилых людей на сторожах в несколько раз.

На Болховском рубеже по земляному валу в трех городках в сторону Белгорода и в пяти – в сторону Карпова, стояло по три человека казаков, переменяясь, раз в сутки. Кроме того, дети боярские регулярно досматривали караулы, сторожи по обе стороны болховского рубежа до границ ответственности Белгородских и Карповских служилых людей.

Отезжая служба, связанная с дальними поездками на десятки а иногда и сотни кило-

метров осуществлялась с ведома воеводы, контролировалась сотниками и, как правило, согласовывалась или инициировалась Разрядным приказом. Основной силой для выполнения задач этого вида службы были ездоки и вожи, хорошо знавшие местность, но таких чинов в Болховце не было.

В случае с Болховцом единственной службой такого характера была сторожевая служба, выдвигавшаяся на Муравский шлях «от Болхового верст с пять» [18]. В ее задачи входил контроль за передвижением или приближающимся неприятелем к фронтальной зоне Старой Хотмыжской дороге располагавшейся перпендикулярно Муравскрму шляху с запада на восток Болховского уезда.

Если до конца 1670-х гг. сюда выставлялись сторожи из четырех болховских казаков, несших недельную службу, то на середину 1680-х гг. на их месте мы видим детей боярских. Возможно, решение о перемене чинов сторожевой службы было связано с большим татарским набегом 1680 г. когда татары прошли, разорив села и уезды нескольких городов располагавшихся за Чертой.

Еще одним видом службы, относящейся к городской, была вестовая, которая претерпела некоторые изменения после 1647 г. Ранее вестовщики из Болховца доставляли вести в Белгород и Карпов. На 1687 г. сообщается, что вестовщики коммуницировали только с Золочевым, городом, выдвинутым за черту, куда еженедельно посылались по два казака.

Несмотря на то, что приоритет во второй половине XVII в. в городах Белгородской черты все больше отдавался полковой службе, городская – носила фундаментальный смысл. От правильной ее организации зависела безопасность не только города как объекта, но и жизни семей служилых людей, как городской, так и полковой службы. Правильная организация городской службы совместно с соседними городами обеспечивала безопасность уже целого региона, являвшегося, по сути, единым рубежом на пути вражеских вторжений.

Еще один вид службы – службы донских казаков еще предстоит идентифицировать, была ли это городская или полковая служба. Эта тема является мало изученной в истории городов Белгородской черты. Сметные книги, составляемые воеводами, почти ничего не говорят о роли этой категории служилых людей, которые, в отличие от городских казаков, круглый год несли службу в стоялых острожках, городках и башнях по земляному валу. Скучная информация содержится и в других архивных источниках. Тем не менее эта категория служилых людей являлась важным элементом функционирования и обороны практически каждого города, они, по сути, являлись мобильным подразделением, готовым выдвинуться в указанное место для выполнения того или иного поручения. Количественный состав этой категории служилых людей, как правило, был не очень значительным. В Болховце на 1687 г. донских казаков отмечено девять человек. Шестеро не имели сыновей, а, возможно, и семей. У двоих показаны сыновья в возрасте 10 лет и 21 год, у одного пасынок 21 года.

Эта категория служилых людей, хотя и имеет в своем наименовании определение «донские», тем не менее, не может быть однозначно соотнесена с казаками Войска Донского. К такому выводу приводит анализ фамилий и отчеств донских казаков, приводимых болховским воеводой (а также воеводами других городов). По крайней мере, пятеро из них являются детьми болховских сведенцев, прибывших на вечное жительство из городов Карачева, Алексина, Ливен и Новосиля [4]. При этом достоверно известно, что их отцы были представителями казаков и стрельцов этих городов. Возможно, что эта не многочисленная категория так же связана с полковой службой, но окончательно сделать вывод можно только после тщательного изучения этой темы.

К третьему блоку, выделенному нами, относится экономический, являвшийся важной составляющей функционирования любого города. Основным ответственным лицом по организации, но не по результатам работы объектов довавших поступления в казну были воеводы. Воевода вел общий контроль поступления и расходования денежных средств. Со-

бираемые средства отправлялись в Москву, какую-то часть могли направить на необходимые нужды города, что обязательно согласовывалось с Разрядом или полковым воеводой. Основными и даже обязательными учреждениями, дававшими поступление в казну были таможенные и кружечные дворы. В сметных росписях, составляемых воеводами, хорошо прослеживается круг лиц, отвечавших за сборы денежных средств: голова кружечного и таможенного двора, ларечный, то есть кассир, и целовальники¹, занимавшиеся реализацией спиртных напитков. Необходимо отметить, что должности головы и целовальников были выборными.

В Болховце на таможне и на кружечном дворе² служили выборные: голова представитель полковой рейтарской службы, ларечный из солдат, дьячок из площадных, три целовальника: по одному из детей боярских, казаков и стрельцов. У «житниц» (житенных амбаров) было два целовальника: голова из детей боярских и целовальник из казаков³.

Правительство старалось исключать возможность хищений и недоборов. Для этого был выработан весьма эффективный механизм. Его основой были выборность и поручительство. Жители городов на Белгородской черте не только сами выбирали людей, которым доверяли, но еще и поручались за них, неся при этом коллективную ответственность. Целовальники выбирались на определенное время. Распространенной практикой было, когда целовальники одного города выполняли свои обязанности в близлежащих городах. Эта мера также позволяла предотвращать какие-либо сговоры и хищения, предполагалась коллективная ответственность перед государством, но в первую очередь перед самим «миром» служилых людей всего города.

4. Заключение

Таким образом, представленный вариант сложившейся чиновной структуры в Болховце в 1647 - 1687 гг. можно охарактеризовать как типичный для большинства городов Белгородского разряда. В то же время формирование такой структуры, проходившее в единой связи с общегосударственными процессами, являлось наиболее удачным вариантом в системе управления городами и организации их защиты, а формирование мобильных территориальных полков позволило решать вопросы безопасности за пределами региона что, стало новой формой принятой ранее стратегии обороны через наступление.

Список источников и литературы

1. Багалея, Д. И. (1980). *Материалы по истории колонизации и быта Харьковской и от части Курской и Воронежских губерний*. Харьков. Т. II/XV. 222 с.
2. Глазьев, В. Н. (2022). *Смена воеводы в Болховом в 1691 – 1692 гг.: к вопросу о роли населения города и уезда в местном управлении // Белгородская черта*. Белгород. Вып. 7. С. 41 - 44.
3. Гусаков, А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. (2022). *Русско-Турецкая война 1686 – 1700 годов*. М.: Русское слово. С. 52.
4. Жигалов, В. М., Бобов А. Г. (2017). *Болховской рубеж*. Белгород: Константа. 336 с.
5. Загоровский, В. П. (1969). *Белгородская черта*. Воронеж: Издательство Воронежского ун-та. 304 с.
6. Козляков, В. Н. (2019). *Служилые люди России XVI – XVII веков*. М.: Квадрига. 544 с.

¹ Избранный на данную должность клялся «верно» (честно) исполнять свои обязанности и в подтверждение клятвы целовал крест, откуда и происходит название - целовальник.

² Во второй половине XVII в. это был единый объект с общим штатом работников.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Д. 147. Л. 422.

7. Курбатов, О. А. (2013). *Западноевропейские военно-теоретические модели XVII в. и их место в реформировании русской армии // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.): Сборник статей.* СПб., С. 231 – 249.

8. Малов, А. В. (2022). *Основные проблемы строительства Вооруженных сил России. 1613-1689 гг.* М.: Квадрига. 324 с.

9. Миклашевский, И. Н. (1894). *К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в.* М.: Тип. Д. И. Иноземцева. 310 с.

10. Новосельский, А. А. (1948). *Борьба Московского государства с татарами в XVII веке.* – М.: Изд-во Академии наук СССР. 448 с.

11. Папков, А. И., Петрухинцев, Н. И., Хитров, Д. А. (2020). *Белгородская черта: История, фортификация, люди.* Рыбинск: МедиаРост. 264 с.

References

1. Bagaley, D. I. (1980). *Materialy po istorii kolonizatsii i byta Har'kovskoj i ot chasti Kurskoj i Voronezhskih gubernij.* [Materials on the history of colonization and everyday life in Kharkov and from part of Kursk and Voronezh provinces]. Kharkov. Vol. II/XV. (in Russian).

2. Glazyev, V. N. (2022). *Smena voevody v Bolhovom v 1691 – 1692 gg.: k voprosu o roli naseleniya goroda i uezda v mestnom upravlenii* [The change of governor in Bolkhov in 1691 – 1692: on the role of the population of the city and county in local government] in *Belgorod line.* Belgorod. 7. 41-44. (in Russian).

3. Gusakov, A. G., Kochegarov, K. A., Shamin, S. M. (2022). *Russko-Tureckaya vojna 1686 – 1700 godov.* [Russian-Turkish War of 1686-1700]. Moscow: Russkoe slovo. (in Russian).

4. Zhigalov, V. M., Bobov, A. G. (2017). *Bolhovskoj rubezh.* [Bolkhov frontier]. Belgorod: Constant. (in Russian).

5. Zagorovsky, V. P. (1969). *Belgorodskaya cherta.* [Belgorod line]. Voronezh: Publishing House of the Voronezh University. (in Russian).

6. Kozlyakov, V. N. (2019). *Sluzhilye lyudi Rossii XVI – XVII vekov.* [Serving people of Russia of the XVI – XVII centuries]. Moscow: Quadriga. (in Russian).

7. Kurbatov, O. A. (2013). *Zapadnoevropejskie voenno-teoreticheskie modeli XVII v. i ih mesto v reformirovanii russkoj armii* [Western European military theoretical models of the XVII century and their place in the reformation of the Russian army] in *The phenomenon of reforms in the West and East of Europe at the beginning of Modern times (XVI–XVIII centuries): Collection of articles.* St. Petersburg, 231-249. (in Russian).

8. Malov, A. V. (2022). *Osnovnye problemy stroitel'stva Vooruzhennyh sil Rossii. 1613-1689 gg.* [The main problems of the construction of the Russian Armed Forces. 1613-1689]. М.: Quadriga. (in Russian).

9. Miklashevsky, I. N. (1894). *K istorii hozyajstvennogo byta Moskovskogo gosudarstva, ch. 1. Zaselenie i sel'skoe hozyajstvo yuzhnoj okrainy XVII v.* [On the history of the economic life of the Moscow state, part 1. Settlement and agriculture of the southern outskirts of the XVII century]. М.: Type. D. I. Inozemtsev. (in Russian).

10. Novoselsky, A. A. (1948). *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v XVII veke.* [The struggle of the Moscow state against the Tatars in the XVII century]. М.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (in Russian).

11. Papkov, A. I., Petrukhintsev, N. I., Khitrov, D. A. (2020). *Belgorodskaya cherta: Istoriya, fortifikatsiya, lyudi.* [Belgorod feature: History, fortification, people]. Rybinsk: Mediarost. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-70-88>
УДК 94(47) 470.56

КРЕСТЬЯНЕ ПРОТИВ ВОЕВОДЫ. ИСТОРИЯ ОДНОГО КОНФЛИКТА ИЛИ СЫСКНОЕ ДЕЛО XVII В.

Ю.А. Мизис,

*Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина, ул. Интернациональная
д. 33. Тамбов, Российская Федерация*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается крупное следственное дело по челобитной дворцовых крестьян Верхоценской волости, Тамбовского уезда против первого тамбовского воеводы Р.Ф. Боборыкина. **Материалы и методы.** В статье используется большой документ, около 800 страниц следственного дела. Его сохранность объясняется ведением следственного дела казанским и Сибирским приказами, которыми в рассматриваемый период ведал, как правило, один и тот же человек. В частности, им был, боярин, князь Борис Михайлович Лыков (Казанским - 1635-1640 гг.) и Сибирским - 1639-1642 гг. приказами). Отсутствие документов Приказа Большого дворца, сгоревшего в начале XVIII в., делает этот источник уникальным. В архивах сохранилось крайне мало документов по начальному периоду строительства Тамбова и освоения Тамбовского уезда во второй половине XVII в. В работе были использованы сравнительно-исторический, микро исторический, картографический и др. методы научного исследования. **Результаты.** Спор дворцовых крестьян с воеводой явился уникальным событием XVII в., как протест дворцовых крестьян против своего бывшего воеводы, вовлекший в свой оборот три государственных приказа: Дворцовый, Казанский и Сибирский, а также лично царя Михаила Федоровича. Поражает и длительность ведения этого следственного дела, потребовавшего значительных финансовых расходов на его реализацию, связанного с постоянной посылкой своих представителей в Москву, отправкой сыщиков. **Заключение.** Само следственное дело отражает технологию ведения судопроизводства XVII в., взаимоотношения центральной, местной власти и крестьянского мира, настойчивость последних отстаивать свои имущественные интересы, вера крестьян в царя, как их владельца и защитника. Такая активная позиция была больше характерна для служилых людей, чем крестьян.

Ключевые слова: волость, крестьяне, воевода, князь, челобитчик

Для цитирования: Мизис Ю.А. (2024). Крестьяне против воеводы. История одного конфликта или сыскное дело XVII в. // История: факты и символы. № 2 (39). С. 70-88 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-70-88>

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Статья поступила: 12.02.2024

Статья принята в печать: 08.04.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Мизис Ю., 2024

**PEASANTS AGAINST THE GOVERNOR.
THE HISTORY OF ONE CONFLICT OF THE XVII CENTURY**

*Yuri A. Mizis,
Derzhavin Tambov State University,
st. International, 33. Tambov, Russia*

Abstract

Introduction. The article examines a major investigative case on the petition of the palace peasants of the Verkhotsensky volost, Tambov district against the first Tambov governor R.F. Boborykina. **Materials and methods.** The article uses a large document, about 800 pages of the investigative file. Its preservation is explained by the conduct of the investigative case by the Kazan and Siberian orders, which during the period under review were, as a rule, in charge of the same person. In particular, he was the boyar, Prince Boris Mikhailovich Lykov (Kazan - 1635-1640) and Siberian - 1639-1642 orders). The absence of documents from the Order of the Grand Palace, which burned down at the beginning of the 18th century, makes this source unique. The archives have preserved very few documents on the initial period of the construction of Tambov and the development of the Tambov district in the second half of the 17th century. The work used comparative historical, micro historical, cartographic and other methods of scientific research. **Results.** The dispute between the palace peasants and the governor was a unique event of the 17th century, as a protest of the palace peasants against their former governor, which involved three state orders: Palace, Kazan and Siberian, as well as Tsar Mikhail Fedorovich personally. The duration of this investigative case is also striking, which required significant financial expenses for its implementation, associated with the constant sending of its representatives to Moscow and the dispatch of detectives. **Conclusion.** The investigative case itself reflects the technology of legal proceedings of the 17th century, the relationship between the central and local authorities and the peasant world, the persistence of the latter to defend their property interests, the faith of the peasants in the tsar as their owner and protector. Such an active position was more typical of service people than peasants.

Key words: volost, peasants, governor, prince, petitioner

For citation: Mizis Yu. (2024). Peasants against the governor. The story of a conflict or a detective case of the 17th century In *History: facts and symbols*, 39 (2), 70-88 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-70-88>

Funding: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 21-18-00024) on the basis of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bunin Yelets State University"

Received: 12.02.2024

Revised: 08.04.2024

Published: 14.06.2024

© Mizis Yu., 2024

1. Введение

Случаи противостояния воевод и корпорации служилых людей в России XVII в. встречались достаточно часто и нашли свое отражение в исторической литературе. Иногда они выливались в форму коллективных челобитий от имени всего города и уезда в московские приказы, в других случаях – в жалобы отдельных лиц или групп. Они отражали реакцию государевых служилых людей на воеводские действия, нарушавшие сложившиеся традиции взаимодействия местной власти и корпорации служилых людей. Чаще всего такие

конфликты возникали на границах государства, где контроль центральной власти оставался меньшим, чем в центральных уездах, и у воевод появлялся соблазн попользоваться властью для личного обогащения [10, с. 21 – 24; 11].

2. Методы и материалы. Основу исследования составили материалы фондов Государственного архива Древних актов, прежде всего, Сибирского приказа. Большое следственное дело по этому вопросу, получившее неофициальное название «Тамбовское сыскное дело», было начато в 1638 г. и закончено в 1640 г. [17]. Оно составило более 800 страниц рукописного текста. Ретроспективный анализ документа позволил проследить процесс проведения сыска по коллективной челобитной в XVII в., уточнить многие детали жизни первых лет существования г. Тамбова и уезда. Сыскное дело многослойное, в состав которого входила информация не только о самом следствии, но и включало немало примеров о различных аспектах жизни Тамбовского уезда в начальный период его формирования. В ходе исследования был применен микро исторический подход к комплексному изучению темы, использован сравнительно-исторический метод.

3. Результаты

Жалобы дворцовых крестьян на деятельность воевод имели место, однако конфликт между дворцовыми крестьянами и воеводой, закончившийся подачей нескольких коллективных челобитных, рассматриваемых на уровне царя с подключением аппарата нескольких приказов, факт абсолютно редкий, можно сказать, уникальный. Это связано с системой управления дворцовыми землями, которыми руководил управляющий волостью или, если большая часть уезда составляла дворцовые владения, специальный воевода [4, с. 314 – 322; 7, с. 164 – 173; 8, с. 279 – 289, 19, с. 57-58]. В этих случаях уездный воевода практически не вмешивался в хозяйственную жизнь дворцовых земель. Поэтому конфликт между первым тамбовским воеводой Р.Ф. Боборыкиным и крестьянами Верхоценской волости выходил за рамки обычных традиционных взаимоотношений региональной власти и крестьянского мира¹ [1]. За Р. Ф. Боборыкиным накопилась масса дел, которые вызвали серьезный конфликт с дворцовыми крестьянами Верхоценской волости. Знакомство Р. Ф. Боборыкина с дворцовой Верхоценской волостью состоялось во время его воеводства в Шацке в 1631 – 32 гг. [13, с. 36 – 54]. Именно здесь лежали семена будущего раздора.

Это был период активного освоения новых южных пространств России [15, с. 380 – 384; 20, с. 187-271]. Возглавив работы по строительству нового города, находясь на воеводстве в Тамбове с 1636 – 38 гг., он занимался возведением, как городских укреплений, так и полевых сооружений Тамбовской черты, разъединением Шацкого и Тамбовского уездов, разделением дворцовой волости на две части. Одна осталась в Шацком уезде в виде Ценской волости, другая отошла в Тамбовский как Верхоценская волость. Это искусственное разделение бывшей единой волости на две части вряд ли вызывало положительные эмоции у местных жителей, имевшие старинные общежитейские традиции и налаженные хозяйственные связи.

Направленный воеводой в Шацк в 1631 г. молодой Р.Ф. Боборыкин получил от владелицы Верхоценской волости Марфы Иоанновны право на сбор налогов и суд, что закреплялось особой грамотой, которая сохранилась в судебном деле [17, л. 640 – 649]. Мать царя велела воеводе ведать с. Конобеево (административный центр волости), весь Конобеевский присуд и Верхоценскую волость: собирать и беречь столовые припасы, а также править суд, собирать судебные пошлины. Так с судебных дел полагалось брать с суда по 2 алтына, а с рублевой пошлины с рубля по гривне, межевого 2 алтына. Воеводе поручался контроль за

¹ Потеря документов Приказов Большого дворца и Казанского во время пожаров Москвы резко ограничивает возможность проследить многие детали заселения и освоения Тамбовского уезда, особенно в первые годы его существования. Поэтому каждый новый документ позволяет по новому осветить некоторые вопросы колонизации Почежья.

торговыми оборотами: с бортников за продажу лошади собирали 3 деньги, а с приезжих людей – по алтыну. За поимку нарушителя бортного или рыбного владения требовалось изымать половину полтины, с душегуба – по 4 руб. с одного убитого. Воеводе вменялось в обязанности следить за порядком в волости, чтобы никто не обижал без вины крестьян и бортников, а сами они не крали, не воровали, не играли в зернь, не держали продажного вина, не содержали публичных притонов. Крестьян за воровство приказывали бить батогами и передавать на поруки.

Так за держание продажного питья штраф составлял полтину, а при повторной поимке увеличивался вдвое. Если попадался третий раз, то штраф составлял 2 руб., 4 алтына, 1,5 деньги. Собранные деньги требовалось высылать государыне в Москву. К праздникам, свадьбам и родительским дням крестьянам и бортникам разрешалось изготавливать пиво и мед, заплатив приказным людям по 2 деньги. Пить разрешалось смирно по 2 или 3 дня, «а больше того пить им не велеть» [17, л. 640 – 649]. Воеводе разрешалось выбирать старост и целовальников из «лутчих» людей. А в Конобеевском присуде выбрать двух целовальников, которые должны были стоять, переменяясь каждую неделю, летом и осенью на р. Цне для контроля за рыбными ловцами с продажной рыбой. С них собиралась пошлина: со свежей рыбы – каждая десятая, а с соленой – 1 бочка из десяти. Таким образом, на обиход царицы шла десятая часть от пойманной рыбы. В зимнее время целовальников переводили в острог на ворота казачьей слободы около Шацка, где они собирали пошлину с возов.

Воевода должен был собирать вытные, куничные деньги и столовые припасы: мед, вино, полтевое мясо (в тушах), масло коровье и хмель. Причем подчеркивалось, чтобы продукты поступали добрые, мед держать в липовых кадях, а масло в глиняных горшках, вино без пригара, а хмель сухой. А если крестьяне привезут продукты худые, то с них воеводе приказывали брать пеню. В наказе подчеркивалась норма сбора с выти по 4 алтына денег, хлеба по четверти ржи и овса в московскую меру, хлеб печеный, окорок свинины, 2 курицы, овчину, 2 поярка и 120 копен сена. Всего дохода планировалось собрать только с Конобеевского присуда по 30 четвертей ржи и овса, 10 четвертей солода, 5 четвертей пшеницы, 15 полтей мяса, 10 баранов, 50 кур, 5 пуд. солода, 120 копен сена. Такой же объем накладывался и на Верхоценскую волость. С Черной слободы с выти собирали по 4 алтына денег, ржи и овса по четверти, хлеб печеный, окорок, 2 курицы, овчину и 2 поярка¹. Для поездки на Дон крестьянам и мордве требовалось обратиться к приказным людям, но без воеводской памяти с печатью никого пропускать на заставах не разрешалось. Воевода следил за работой кабаков и доходов с них. Таким образом, этот указ давал воеводе широкие полномочия по управлению вотчиной царицы и создавал массу возможностей для коррупции [2, с. 5 – 11].

Позднее, занимаясь строительством Тамбова в 1636 г., Р. Ф Боборыкин широко использовал дворцовых крестьян [12, с. 418, 422]. В челобитной царю крестьяне Верхоценской волости жаловались, что в 1636 г. их привлекали не только к строительству крепости и полевых укреплений, но половину строителей «неволею» принуждали к поездкам в степь для охраны рубежей от возможных татарских набегов [15, л. 327 – 333; 17, л. 640 – 649]. По жалобе крестьян воевода, якобы, потребовал с них 400 руб., освобождая от таких выездов в степь. Его обвиняли в сборе лишних денег. В 1637 г. он доправил на них 600 руб., а на Богоявление (6 января) – еще 1000 руб. [17, л. 783 – 784]. В 1638 г. дворцовые крестьяне привезли в Тамбов оброчные деньги и припасы: 1,5 тысяч денег, 10 руб. с выти, 2 пуда меду, 2 пуда свиного мяса, 0,5 пуд. коровьего масла и 0,5 пуд. хмеля. Однако, по челобитной крестьян, воевода заставил на «себя» заплатить 2 пуда меда, 2 пуда свиного мяса с выти, 300 четвертей овса. Он ежемесячно посылал своих людей в волость за сбором пошлин, где его люди по ночам «имают» попов, крестьян и мордву, что привело к бегству их в свои вотчи-

¹ Шерсть получаемая с первой стрижки молодых овец.

ны. Под наказание попадали жены и дети местного населения, от церкви отстраняли священников. С мордвы и крестьян собирали деньги с каждого двора от 5 до 100 и более рублей. При отсутствии денег люди Р. Ф. Бобрыкина отбирали лошадей, коров, платье и опечатывали дворы, а за прогоны брали от 1 до 5 руб.

Р. Ф. Боборыкин поставил на Моршенских воротах, около с. Морша, через которые крестьяне и мордва ездили в свои бортные вотчины, караулы. Возвращающихся со своих вотчин бортников караульные грабили, отбирая мед, рыбу и зверей, что причиняло местному населению убытки. Попытка пожаловаться тамбовскому воеводе приводила к наказанию челобитчиков тюрьмой и батогами. За то, что крестьяне не отказались от желания подавать челобитья на тамбовского воеводу, с них доправили «правежом» еще 300 руб., 7 мерин, пятинных 50 руб. Все эти претензии крестьяне и бортники Верхоценской волости изложили в своей челобитной. Поэтому дворцовые крестьяне просили вернуться к практике использования для сбора налогов приказных людей, а не воевод.

Дело поступило в Сибирский приказ, куда Р.Ф. Боборыкина вызвали для очной ставки. Он заявил, что никаких денег и лошадей не брал, в тюрьму никого не сажал, а его люди выезжали в волость для государева дела. При личном допросе в Сибирском приказе Р. Ф. Боборыкин отметил постоянные проезды на Волгу, Яик и Дон через Моршенские ворота беглых людей, в том числе московских стрельцов и боярских холопов. При этом привел пример с местным крестьянином И. Дураковым, который пропускал беглых и сам «выбежал». Воевода посылал туда только целовальников и стрельцов, а своих людей на ворота не ставил. В ответ челобитчики Н. Хрычов и Н. Зерщик называли Романовых людей А. Филимонова и Н. Обросимова, которые с проезжих людей здесь собирали вяленую рыбу, мед и совершали насильственные действия. Однако А. Филимонов на очной ставке в приказе отрицал свою поездку к Моршенским воротам.

Вообще начало дела было связано со ссылкой в сибирский Туруханск бывшего священника с. Черленово, Никольского попа Григория, который, по мнению крестьян, «одабривал» тамбовского воеводу без мирского челобитья. До принятия сана Григорий участвовал в военных столкновениях с татарами, ловил противника и «ссек» саблех 6 татар. Его обвинили в составлении ложной челобитной от имени крестьян Верхоценской волости, многие из которых ко времени ее написания умерли, находились на своих промыслах или в отъезде. Сам Григорий еще в 1638 г. подготовил письмо в Москву на «ложных» челобитчиков Н. Зерщикова, Н. Хрычова и их товарищей. Он обвинил их в плутовстве, душегубстве и татьбе в Шацком и Тамбовском уездах [17, л. 112]. По решению суда попа Григория отправили в 1641 г. вместе с женой и детьми на вечное поселение в Сибирь, в Туруханск, в церковь Преображения Спасова, которая стояла без церковного обслуживания [17, л. 3 – 6, 112 – 117]. По ссудному делу он оказался единственным участником процесса, получившим наказание.

Поскольку дело было начато в Сибирском приказе, то и в дальнейшем рассматривалось там. Кроме того, Шацкий уезд одно время управлялся Казанским приказом. Руководство обоими приказами длительное время осуществлял, как правило, один и тот же человек. Руководил Казанским и Сибирским приказами в это время боярин, князь Б. М. Лыков, а в помощниках у него состоял дьяк Н. Шипулин. Возможно, Михаил Федорович передал дело в Сибирский приказ ради объективного рассмотрения, так как дворцовые земли управлялись Приказом Большого дворца [3, с. 26 – 33; 17, л. 542].

Особняком в сыском деле стояла жалоба дворянина С. И. Лутковского на Р.Ф. Боборыкина о краже у него мерина. С. И. Лутковский купил лошадь у князя М. М. Шаховского. Тогда мерину было 5 лет, и стоил он 30 руб. С. И. Лутковский оставил коня у бывшего владельца, у которого на Успенье сбежали два человека и увели лошадь. В 1640 г. М. И. Шаховской увидел этого коня у Р.Ф. Боборыкина. Последний сказал, что купил его у донского казака Ф. Козакова. А по государеву указу лошадь, приобретенная у донского казака,

не подлежала суду. Взамен бывший тамбовский воевода пообещал С. И. Лутковскому замену и прислал коня стоимостью 3 руб. Был допрошен человек Р. Ф. Боборыкина К. Кириллов, который на пытке признался, что взял мерина у верхоценского крестьянина И. Яковлева. Р.Ф. Боборыкин того мерина отдал своему брату М. О. Оничкову, который находился на службе в Туле. В Тулу местному воеводе А. Н. Трубецкому отправили грамоту с требованием изъятия лошади и отправки ее в Москву в Сибирский приказ, что и было выполнено. Дело о краже лошади лично заинтересовался государь. Трудно сказать, почему этот эпизод попал в следственное дело крестьян, скорее всего, на Р. Ф. Боборыкина собирали весь имеющийся компромат.

Верхоценские челобитчики К. Орзянинов с товарищами первоначально подали челобитную в Приказ Большого дворца, затем уехали из Москвы обратно в волость, а в Сибирский приказ ничего не отнесли. Всего челобитчиков насчитывалось 16 человек. После их отъезда, крестьяне Н. Зерщик и Н. Хрычов с товарищами подали в Сибирский приказ, боярину Б. М. Лыкову, челобитную на Р.Ф. Боборыкина от имени всей Верхоценской волости. Они обвиняли людей Р. Ф. Боборыкина в налогах, «продажах» и убытках, взятии посулов, грабежах. У них с руководителем приказа состоялась очная ставка «с очи на очи» и допрос. Они говорили, что государь пожаловал за «городовое» дело по строительству Тамбова снять с них половину оброка.

Сами первые челобитчики с Р. Ф. Боборыкиным во всех своих исках помирились «по приказу и по совету всей Верхоценской волости», мировую челобитную подали в Сибирский приказ за неделю до «Великого поста» в 1639 г., а затем съехали с Москвы. На очной ставке они подчеркнули, что становые старосты, выборные целовальники и «лутчие» люди при договоре с Р. Ф. Боборыкиным присутствовали у мировых записей. Они подали свою мировую челобитную на имя государя в Сибирский приказ за «поповыми руками и за своими знаменами».

В ответ на челобитную крестьян Верхоценской волости воевода, стольник Р.Ф. Боборыкин подал свою. Он два раза высказывал свою точку зрения на этот конфликт в 1638 и 1639 гг., отрицая нанесение обид и насильственных действий по отношению к дворцовым крестьянам [17, л. 126]. В 1639 г. 12 марта старосты Верхоценской волости д. Шаморги В. Пороватов, С. Трепелев, выборные целовальники и «лутчие люди» из крестьян и мордвы целовальники П. Шуетин, Б. Шинкин, Т. Федотов и другие приехали в Москву по совету и приказу якобы всей Верхоценской волости. 7 мая 1639 г. они подали князю Б. М. Лыкову челобитную на Р. Ф. Боборыкина [17, л. 159 – 171, 474 – 490]. Однако им не давали полномочий мириться с Р. Ф. Боборыкиным, что сделали они самовольно. Р. Ф. Боборыкин ссылался на тамбовского воеводу В. Янова, который жаловался, что челобитчики, съехав в Верхоценскую волость «...завели там круги, и твоего государева указу не послушали, и его пресыльщиком учинились сильны» [17, л. 590]. Бывший тамбовский воевода просил вызвать в Москву на очную ставку жалобщиков и устроить суд.

В день Благовещения 6 июня 1639 г. на паперти боярина, князя Б. М. Лыкова крестьяне с. Кулеватова П. Шуетин с товарищами, которые помирились с Р. Ф. Боборыкиным, подали челобитную. В ней они писали, что они помирились с воеводой Р. Ф. Боборыкиным по совету и приказу всей Верхоценской волости [17, л. 376 – 377]. В то же время их «наймиты», в это время проживающие в Москве, Н. Зерщик, М. Созыкин и Н. Хрычов подали челобитную, якобы, ложно. У них не имелось грамот от старост, выборных целовальников и «лутчих» людей, так как все они в это время были сами в Москве с челобитной. Ответная челобитная обвиняла Н. Зерщика, Н. Хрычова, что они «новоприходцы» и не представляли всей Верхоценской волости, так как Н. Зерщик крестьянин из нового с. Благовещенского, а Н. Хрычов из Чернеевой слободы шацкого монастыря, которая находилась в Шацком уезде. Напомнили, что Н. Хрычов в период строительства Тамбова «лаял, матерны» на засечного голову Григория Свищева, пытался завести «великую смуту» и грозился его убить. Он же

подговаривал всем разойтись от засечных дел в период строительства тамбовских укреплений. За это был бит по приказу воеводы в Тамбове кнутом.

Новые челобитчики, якобы, представляли интересы только одного десятка, а не всей Верхоценской волости [17, л. 588]. Именно в этом десятке служил сборщиком податей И. Дураков, который «воровством» провожал через заповедный лес на Волгу беглых людей, за что был наказан воеводой Р. Ф. Боборыкиным. Воевода доказывал, что в волости не знали, кто сборы «поклепные» деньги собирал. Эти «ложные» челобитчики дважды уезжали из Москвы в Верхоценскую волость, подговаривая друзей потакать их речам.

Челобитчики жили в Москве, задолжали полторы тысячи руб., занимая каждый месяц по 4 руб., а отчет о деньгах никому не давали. Мирских челобитчиков первоначально было 35 человек. Им выдали по 2 руб. на месяц человеку на «харчи ли, конского, и перевозного, и постоялого», плюс печатные пошлины 1,5 руб. [17, л. 581] В это же время пришли еще 16 челобитчиков и им корм стал в 2 руб. человеку. Жили они в Москве более трех недель, затем большая часть уехала обратно, и осталось только 6 человек для получения грамоты. Корм им встал в 1,5 руб. на человека, да за три грамоты они заплатили печатных 4,5 руб. За письмо трех грамот подьячему Василию Федорову заплатили 8 руб. Одного мирского челобитчика Д. Иванова посадили в Москве в тюрьму «в железо» на четыре недели и его содержание также легло на мир. Челобитчик М. Сазыкин остался за мирским волостным делом и взял заемные 6 руб., да за поруки в Казанском дворце заплатил 3 алтына 2 деньги поручных записей, а за другую поручную записку – 5 алт. Таким образом, расходы на содержание челобитчиков тяжелым бременем легли на всех крестьян волости.

Государь, рассмотрев челобитные крестьян Верхоценской волости, приказал послать 6 апреля 1639 г. в Тамбов сыщика Переяславль-Рязанского губного старосту Ф. Чеботаева для проведения сыска [17, л. 578 – 580]. 19 августа 1639 г. князь Б. М. Лыков подписал грамоту о посылке дворянина «добраго», губного старосту Ф. Чеботаева в Тамбов. Для этого ему полагалось выдать подводы из расчета расстояния в 380 верст от Переяславля-Залесского до Тамбова. На прогоны полагалось 19 алтын туда и столько же обратно. Ему поручили вслух прочесть государеву грамоту крестьянам, проверить правильность фактов приведенных в челобитной Н. Хрычова и Н. Зерщика, опросить старост, крестьян и мордву Верхоценской волости о поведении Р.Ф. Боборыкина и его людей во время воеводства в Тамбовском уезде. Опросные речи предлагалось скрепить руками отцов их духовных, то есть, священникам, а бортникам и мордве – своими знаменами [15, с. 186 – 223; 16, с. 370 – 373; 17, л. 481; 18, с. 430 – 438]. Все собранные допросы требовали прислать в Москву в Сибирский приказ.

В 1639 г. после Великого дня, то есть Пасхи, в Верхоценскую волость приехал губной староста Ф. Чеботаев. Собрав всех старост, крестьян, целовальников, бортников, он провел их опрос, принял расспросные речи, но подписать их не успел, так как его настиг «суд божий и болезнь смертельная» [17, л. 369]. Он вместе с подьячими пили вино вечером, а затем у него отнялся язык, слег в кровать, а через день скончался. Скорее всего, его настиг инсульт. После смерти сыщика, его сын Федор и губной целовальник Яков все расспросные речи раздали обратно представителям Верхоценской волости, а сами уехали в Переяславль-Рязанский, отвозя тело покойного. Челобитчики планировали эти речи привезти в Переяславль-Рязанский, а сам Ф. Чеботаев младший и целовальник Яков предлагали отвезти их в Москву.

Челобитчики поехали в Переяславль-Рязанский, но младшего Ф. Чеботаева не нашли, а целовальник Яков с ними ехать отказался. Тогда они сами поехали в Москву и подали допросные речи в Сибирский приказ. В них были записаны 10 старост крестьянских, 827 крестьян, 5 мордовских старост, 352 человека мордвы [17, л. 372]. Обнаружились нарушения в оформлении первых челобитий. Например, в допросных речах староста Верхоценской волости К. Назарьев сказал, что он во время ее составления находился в своем бортном

ухожае на Хопре, ничего о замирении с Р. Ф. Боборыкиным не знал и это произошло без его ведома [17, л. 374 – 375]. Таких примеров обнаружилось несколько. Тамбовский воевода В. Ф. Янов приказал привести ему челобитчиков Н. Зерщика с товарищами. В расспросе они сказали, что бить челом на Р. Боборыкина их посылали крестьяне и мордва всей Верхоценовской волости. Попытка привести в воеводскую избу старост, крестьян и мордву Верхоценовской волости закончилась провалом, они в Тамбов не поехали. Казаки вернулись с крестьянского круга в Тамбове, на котором челобитчиков не выдали и в государеву тамбовскую съезжую избу не пошли. В смуте объявили зачинщиками «мелких людишек» д. Морши.

Царь Михаил Федорович отправил в Тамбов нового сыщика, князя П. Р. Борятинского, и указал тамбовскому воеводе В. Ф. Янову предоставить для сыска «рассыльщиков» или пушкарей «сколько человек пригоже» [17, л. 438]. Ему выдали 8 подвод и половину его годового жалования. Он приехал в Тамбов на Филиппово Заговенье, то есть 27 ноября 1639 г. Сыщик П. Р. Борятинский по приезде в Тамбов потребовал выслать на опрос крестьян из сел и деревень Верхоценовской волости. Однако к 15 декабря 1639 г. прибыли немногие, в основном молодые люди, а старших возрастов приехало около 300 человек [17, л. 456 – 457]. Они потребовали показать государеву грамоту и прочесть ее на площади, только после этого были готовы «давать розыск». Сыщик отказался это сделать, ссылаясь, что государь ее писал лично ему. Тогда П. Р. Борятинский послал во все 4 пятины пушкарей и казаков и потребовал силой привести местное население к опросу. Силой удалось собрать всего 200 человек.

Сама поездка князя П. Р. Борятинского в Тамбовский уезд связывалась с двумя обстоятельствами. Первым – стала смерть прежнего сыщика Ф. Чоботова и рассмотрение его документации с обыскными речами. Другим обстоятельством являлась проверка «встречной» челобитной от имени крестьян Верхоценовской волости, поданной челобитчиками П. Шуетиным и И. Кистановым [17, л. 315 – 316]. Оба челобитчика уехали из Москвы обратно к себя в волость, и к указанному сроку ни 20 декабря, ни 23 января в Москве в Сибирском приказе не стали. Поэтому П. Р. Борятинскому указали выслать их обоих вновь в Москву.

П. Р. Борятинский 4 января 1640 г. отправил своего сына Ивана для подачи челобитной, которую через Сибирский приказ и думного дьяка М. Данилова донесли государю с просьбой о написании специального царского указа для всего мира Верхоценовской волости, чтобы они слушали требования нового сыщика [17, л. 445 – 448]. 18 января 1640 г. государь велел челобитную взять и приложить к делу, а боярину князю Б. М. Лыкову и дьяку Н. Шипулину допросить священников по поводу ее составления, а записанные речи предоставить царю лично.

Неудовлетворенные решением дел дворцовые крестьяне собрали группу вторых челобитчиков вместе со своими духовными отцами в лице священников, от имени всей волости приехали в Москву и подали в Сибирский приказ новую челобитную. Священников отпустили домой, а челобитчиков задержали в Москве. Челобитчиками выступили Н. Никифоров, Д. Иванов, Т. Прокопьев с товарищами [17, л. 460 – 465]. Они жаловались на «проести и волокиты» в приказе, из-за чего остались без средств существования. Крестьяне подали челобитную на Р.Ф. Боборыкина и его людей в «насильстве и раззорении», обвинили тамбовского воеводу В. Янова в поддержке бывшего воеводы, который провел обыски у населения волости. Челобитную передали государю во время его посещения собора Михаила Архангела, ссылаясь, что прежние челобитные до государя не доходили. Они жаловались, что могут помереть голодной смертью, если не покинут Москву. Крестьяне называли челобитную Н. Зерщикова и Н. Хрычова «воровской и ложной», а самих челобитчиков «новоприходцами» не «старожильцами», желающими их «мир» порушить.

Следствие П. Р. Борятинского интересовало поведение Ф. Чеботаева в Тамбове. То есть, брал ли он взятки деньгами и продуктами. Князь П. Р. Борятинский допрашивал в

феврале 1640 г. соборного попа г. Тамбова Макея. Тот подтвердил, что губной староста Ф. Чеботаев обвинялся в вымогательстве «посулов» от местных жителей в размере 300 руб., его сын Федор и подьячий получили по 20 руб., мирские дьячки А. Клеников и Г. Дунаев – по 16 руб. каждый. Однако опрошенные П. Р. Борятинским казачьи головы и крестьяне Покровской слободы г. Тамбова отказались подтвердить передачу денег прежнему допрощику, его сыну и подьячему, 50 пудов меда не «суливали» и никаких речей после смерти Ф. Чеботаева не вписывали.

20 декабря 1639 г. тамбовский полковой казак П. Бризга приехал в с. Томниково с целью взять поручные записи на крестьян для их вызова в Тамбов. Однако поруки крестьяне давать не стали и бранили казака. Попытка встретиться с попом села Матвеем не удалась. Староста сказал, что его нет, он уехал в Шацк. По требованию П. Р. Борятинского 2 февраля 1640 г. тамбовский пушкарь Я. Афонасьев и полковой казак С. Хрюпин выезжали в Верхоценскую волость для опроса крестьян. Они же должны были привезти в Тамбов попов из сел Серп, Питерского, Сыровели, Святого, Томниково, так как эти священники к 1 февраля в Тамбов для сыска не приехали. Якобы, некоторые из них находились в это время в Москве, а другие в Тамбове. То есть, местное население продолжало игнорировать требования руководства уезда. П. Р. Борятинский по приезде в Тамбов приказал привести к нему в Тамбов для проведения сыска старост крестьян, десятников пушкарей и казаков. Однако выполнить это поручение оказалось крайне сложно. Явно прослеживалась тенденция отказа от поездки в Тамбов к сыщику.

П. Р. Борятинский добился приезда только некоторых жителей Тамбовского уезда для повторного допроса: крестьян Верхоценской волости, пушкарей, казаков, в том числе и бывших донских. На большинство вопросов они давали однообразный ответ «мы то не ведаем». Некоторые жители Тамбовского уезда отказывались подтвердить их опрос сыщиком Ф. Чеботаевым, другие отмечали, что такой опрос состоялся. В частности, мирские челобитчики от Верхоценской волости крестьяне Т. Митянин, Н. Хрычов с товарищами подтвердили, что Ф. Чеботаев опрашивал старост, целовальников, крестьян и мордву Верхоценской волости [17, л. 234 – 248].

П. Р. Борятинский 4 января 1640 г. отправил своего сына Ивана для подачи челобитной, которую через Сибирский приказ и думного дьяка М. Данилова донесли государю с просьбой о написании специального царского указа для всего мира Верхоценской волости, чтобы они слушали требования нового сыщика [17, л. 445 – 448]. 18 января 1640 г. государь велел челобитную взять и приложить к делу, а боярину князю Б. М. Лыкову и дьяку Н. Шипулину допросить священников по поводу составления челобитной, а записанные речи представить царю лично. Поэтому 20 января 1640 г. руководители Сибирского приказа взяли к делу крестьян Нижней и Верхней пятины, которые подтвердили подлинность подписей крестьян и знамен. Многие челобитчики вместе с отцами своими духовными пришли в Москву со своей «нужой», разорением и бедностью. Челобитчик П. Григорьев с товарищами отметили написание челобитной в Москве, так как в Верхоценской волости отсутствовали площадные дьячки. Они пришли в Москву от мира, но писать было некому. Священники сказали, что руки прикладывали они, челобитную не писали, так как «письмишко их худо», а написал ту челобитную в Москве площадной подьячий Прокопий у церкви Троицы на рву. Челобитчики послали из Москвы в Верхоценскую волость М. Сазыкина, М. Мягкова и Е. Мордвина, которые по замыслам расследования учинили там «смуту» и опять возвратились в Москву.

Другие опрошенные крестьяне и мордовцы подтвердили допрос Ф. Чеботаевым старост, целовальников, крестьян и мордву, а также посылку челобитчиков в Москву во главе с С. Трепилиным, В. Пороватьевым, П. Шуетиным и 17 товарищей [17, л. 234 – 248]. Они подали челобитную в Сибирский приказ 23 августа 1639 г. После чего помирились с Р. Ф. Боборыкиным, якобы, без ведома мирских людей Верхоценской волости. Челобитчики жили

на Москве и занимали деньги в кабалы и рост. По слухам заняли 1,5 тысячи руб., хотя крестьяне им велели занимать не более 5 руб. в месяц, которые могли компенсировать. Многие крестьяне при опросе подчеркнули отсутствие полномочий замирился с Р. Ф. Боборыкиным у этих челобитчиков. Всего требовалось опросить русских и мордву с 4 пятин, 1080 дворов Верхоценской волости. Успел ли это сделать первый сыщик, неизвестно. При опросе священники давали показания по святцам, крестьяне «по крестному целованию», а мордва по своей шерти. Некоторые крестьяне и казаки сел Томниково и Алакужи подчеркнули, что на допросе не были, показания не давали, никаких обид от Романа и его людей не терпели. Опрос полковых казаков, всего их насчитывалось 540 человек, показал, что их прежний «допрощик» не опрашивал и они никаких речей ему не давали.

Опрос крестьян П. Р. Борятинским показал, что первая группа верхоценских челобитчиков 17 человек во главе с С. Трепилиным, П. Шуетиным, якобы, приехала в Москву без «мирского» челобитья, то есть, не согласовав его со всем крестьянским миром, без государева указа, выступая самозвано от имени всей Верхоценской волости [17, л. 90 – 92]. В деле фигурировало две челобитные. Одна, подписанная группой священников от имени их паствы, а другая, от имени мирских людей. Правда, вторую челобитную также скрепили их духовные отцы. Челобитчики помирились с Р.Ф. Боборыкиным и составили мировую запись на шесть тысяч рублей, закрепив ее своими подписями и «знаменами»¹. По мировой записи значилось, если бывший тамбовский воевода или его люди на старост, целовальников и мордву начнут бить государю челом, тогда с него предлагалось взять 6 тысяч рублей. И наоборот, жалоба на Р. Ф. Боборыкина оценивались в ту же сумму. Крестьяне отметили, что от Р. Ф. Боборыкина никаких обид не чинилось, и от его людей никакого «насильства и продаж, и обид» не бывало [17, л. 93, 126 – 127]. Документ датировался мартом 1639 г. Людей бывшего тамбовского воеводы в срок в Казанский приказ не поставили, так воевода ссылался на их отсутствие. На требование вызвать их обратно в Москв, у установив срок прибытия по 100 верст проезда в неделю, ответа не последовало. Из опроса выяснилось, что Р.Ф. Боборыкин приехал на воеводство в Тамбов, взяв с собою своих людей А. Филимонова, Ф. Закурдаева, К. Кириллова и других. В частности, обвинения в «боях», «насильствах» и грабежах получил его человек А. Филимонов.

Для ведения судебного дела Р.Ф. Боборыкин должен был представить роспись поручиков за него и его людей. Эта роспись упоминала 431 человека, включая многих представителей дворянской элиты [17, л. 84 – 87]. Они должны были составить «правежную выпись» для дачи романовых людей на поруки, за «поруками» привести их в Сибирский приказ и поставить для допроса перед боярином и князем Б. М. Лыковым и дьяком Н. Шипулиным.

Р.Ф. Боборыкин вновь подал челобитную на государево имя. Он перечислил все работы, которые провел при строительстве нового города за Шацком на р. Цне. Для этого использовали жителей Шацка, Мурома, Кадома и дворцовых крестьян и мордву Верхоценской волости. Они поставили город, острог, соборную церковь, раскаты, заселили слободы, «учинили» крепости, засеки и надолбы [17, л. 282 – 289]. В остроге построили гостинный двор и кабак, с которых воевода стал собирать прибыль в государеву казну². Р. Ф. Боборыкин напомнил, что при строительстве укреплений многие крестьяне и мордва «бегали», о чем он неоднократно писал на имя государя. За что им «было учинено» наказание. Поэтому причины жалоб со стороны крестьян и мордвы Верхоценской волости воевода видел именно в этих своих действиях, что некоторые крепости он строил только дворцовыми крестья-

¹ Знамена – знак собственности на бортные владения. Мордовское населения использовала знамена для скрепления документа вместо подписи.

² Ссылки на наличие гостиного двора больше в сохранившихся описаниях города Тамбова отсутствуют. Возможно, воевода считал строительство таможенной избы заменой гостиного двора.

нами. При этом подчеркнул свои заслуги: государеву казну не «поиздержал», многие прибыли принес, побили татар и отправили в Москву пленных языков, отбили русский полон, после татарских погромов защитили «пришлые» места. Он так же гордился наделением поместьями служилых людей, а старые села Верхоценской волости наполнил крестьянами [13, с. 60 – 105]. Подчеркнул, что после его отъезда, якобы, ни одного человека не прибыло.

Р. Ф. Боборыкин отмечал, что жалобу подали «воровские, ложные» челобитчики, на которых в свою очередь представили челобитную «лутчие» волостные люди [17, л. 311, 318]. Он просил «ложных» челобитчиков Н. Зерншикову, Н. Хрычову с товарищами за их воровское «безделье» запретить посылать сметные грамоты в волость и устраивать там смуту. Р. Ф. Боборыкин получил информацию, что к новому сыщику П. Р. Борятинскому крестьяне на опрос не пошли, что давало ему дополнительные аргументы в споре, подчеркивая возможность сеять смуту среди крестьян и мордвы, вернувшимися из Москвы челобитчиками. Р. Ф. Боборыкин отмечал ложные опросные речи, привезенные в Москву после смерти Ф. Чеботаева, которые якобы правили. Поэтому он предлагал сопровождающих документы людей расспросить и государю доложить о результатах. Он напомнил, что ложные челобитчики заняли в Москве две тысячи руб. (сумма несколько преувеличенная), а многие волостные люди об этих челобитях ничего не знали, чем создали угрозу разорения местного населения. Именно воевода обвинил челобитчиков в выдаче «допрощику» Ф. Чеботаеву 300 руб. денег, его сыну 20 руб. и подьячему 20 руб., мяса, крупы и масла.

Р. Ф. Боборыкин просил во время расспросов в Москве присутствовать ему и его людям, так как князь Б. М. Лыков эту просьбу не поддержал, воеводу из приказа выслал, а его людей расспрашивал порознь в присутствии челобитчиков. Недоумение вызвало наличие допросных речей старост нижней пятины, так как села эти располагались на расстоянии от 100 до 200 верст от Тамбова и, по мнению воеводы, вряд ли могли приехать в Тамбов. Упрек в оформлении бумаг после смерти допрощика был направлен в сторону тамбовского воеводы В. Янова. Допросные речи записывали питерского десятка подьячие А. Клепиков и Г. Дунаев, за что получили 16 руб. жалования [17, л. 395]. Воевода еще раз высказал подозрение, что руки прикладывали священники уже после смерти Ф. Чеботаева на второй и третий дни.

7 января 1639 г. боярину, князю А. М. Львову и приказным дьякам был послан государев указ о передаче сыского дела крестьян и мордвы Верхоценской волости на воеводу Р. Ф. Боборыкина из Приказа Большого двorca в Сибирский приказ. Указ требовал послать в Тамбов государеву грамоту для крестьян, чтобы им Р. Ф. Боборыкина ни в чем не слушать и ничего не давать, а его людей из сел и деревень «выслать вон точас» [17, л. 755]. Воеводе В. Янову приказывали выяснить, поехали ли челобитчики в Москву от имени всей волости или самовольно, а также расспросить попов, старост, целовальников, крестьян и мордву и расспросные речи выслать в Москву.

10 февраля 1639 г. в Сибирском приказе перед князем Б. М. Лыковым на очередную очную ставку были поставлены Р. Ф. Боборыкин и челобитчики Н. Зерншиков и Н. Хрычов. На ней воевода отметил, что на него бьют челом не становой староста К. Назарьев, а «покупные» челобитчики. В ответ челобитчики отметили, что они представляют всю Верхоценскую волость. Напомнили о выдаче Р.Ф. Боборыкину «в почесть» деньги и хлеб. На что воевода отметил, что он получил от государевых дел 138 руб., да 189 руб. с выти, 3 четверти ржи, 1 четверть с осминой гречневой крупы. Однако все деньги отослал в съезжую избу, а зерно велел держать у себя до государева указа. Полученные деньги раздал в качестве жалования приборным казакам. Из присланных в Москву приходных книг 1636, 1637 и 1638 годов видно, что собрано пенных пошлинных денег, приказчий доход, у старост явочных сборных пошлин 1125 руб. 3 алтына, 4,5 деньги [17, л. 738].

Тамбовский воевода В. Янов послал 14 сентября 1639 г. из Тамбова в д. Моршу пушкарей К. Золотухина и Г. Четвертакова, которые должны были найти челобитчиков и вы-

слать их в Тамбов для расспроса. Однако крестьяне во главе с Н. Зершиковым отказались подчиняться, ссылаясь на государеву грамоту, запрещавшую им выезжать в Тамбов [17, л. 771 – 777]. Воеводе пришлось посылать вторую группу, которая привезла челобитчиков к воеводе для допроса. Н. Зерщик сказал, что они в Тамбов не поехали, так как у них нет такой государевой грамоты. Другой челобитчик Т. Скоморохов в расспросе настаивал на посылки их в Москву от всей Верхоценской волости. Попытка воеводы привести в Тамбов попов и других крестьян Верхоценской волости не увенчалась успехом, они просто не приехали. Другая часть старост и крестьян прибыли и стали станом около города, не пуская в него представителей других сел. На это пожаловался староста Кулеватовского десятка Т. Потапов, когда явился в съезжую избу. Посланный проверить информацию десятник полковых казаков С. Забродин вернулся в Тамбов и рассказал о круге крестьян около с. Татаново и крестьянах, с ослопьем его охраняющих. Тогда воевода послал туда десятника Ф. Широва и 10 полковых казаков для привоза челобитчиков. Казаки попытались арестовать 2 мордовцев, однако круг им этого не дал сделать, а все крестьяне разбежались по Верхоценской волости. Ф. Широв доложил воеводе, что вся смута в волости происходит от крестьян д. Морши.

В это время из Приказа Большого двorca в Сибирский приказ была послана челобитная 16 крестьян с. Татаново, д. Корелей и Алкужи, в которой они отрицали обиды и утеснения от Р.Ф. Боборыкина. Челобитную подписали священники ряда сел Верхоценской волости, крестьяне и мордва. Дело принимало запутанный оборот, оказалось, что многие крестьяне не знали о подаче челобитных и претензий к прежнему воеводе. Доказать факт взятки первым сыщикам не удавалось, как и выдачу 4 ведер вина, 50 середок ветчины, трех осмин круп и масла. Большинство опрашиваемых не могли подтвердить внесения поправок в опросные листы после смерти сыщика Ф. Чеботаева, тем более, факта приезда крестьян для сыска из дальних сел и деревень, отстоящих от Тамбова более 100 верст. Прибывшие в Тамбов крестьяне собрались на казачьем дворе в остроге и начали писать свои речи. Дьячки А. Клепиков и Г. Дунаев вели эти записи и составили новую челобитную в Москву для Т. Митянина с товарищами. Сыщику удалось собрать немногие «речи» прибывших 50 человек.

Однако верхоценские крестьяне написали в январе 1640 г. челобитную в Сибирский приказ и на П. Р. Борятинского с жалобой на его действия в Тамбове. Грамоту от 7 января 1640 г., подписанную дьяком Сибирского приказа Н. Шипулиным, повез пристав Б. Глазов, получивший на прогоны до Тамбова и обратно 22 алтына 4 деньги. Н. Шипулин сослался на челобитную жалобщиков, поданную в Тамбове за две недели от «Николина дня», то есть, от 6 декабря 1639 г. Однако приехавший сыщик их не принял и челобитные не взял. За что Н. Шипулин упрекал князя «И ты то учинил не гораздо, что у них речей не емлешь» [17, л. 333]. Сибирский приказ опять потребовал взять у съехавшихся в Тамбов попов и остальных жителей обыскные речи по статьям из наказа за их или их духовных отцов руками. Сыщика предупреждали, чтобы он никому «не наровил», не брал посулов и поминок, и собранные обыски отвез в Москву.

Одновременно прошла жалоба на поведение нового тамбовского воеводы В. Янова, который «дружа» своему предшественнику Р.Ф. Боборыкину не давал вести повсеместный обыск [17, л. 337 – 339]. Он «лутчих» мирских людей хватал и сажал в тюрьму, бил «смертным правожом», правил государевы подати, что фактически способствовало замирению челобитчиков с Р. Ф. Боборыкиным. Допрошенные на очной ставке местные жители отвергали выдачу прежнему допрощику Федору Чоботову какие-то посулы деньгами, подчеркивая, что все допросные речи записывались при самом подьячем, а не после его смерти.

Крестьянин с. Томниково В. Смагин подал челобитную на крестьянина с. Алакужи М. А. Пекушева, вспомнив, что в 1637 г. Р. Ф. Боборыкин послал своего человека М. Крыпова в с. Томниково, когда тот крестьянин с сыном был в своем бортном ухожье. М. Кры-

пов взял его жену и другого сына в Тамбов, двор опечатал, жену заковал в железо, пытал без государевой грамоты, «мукой мучили», требовали 100 руб. Подобную челобитную представил крестьянин Верхоценской волости П. Шуетин, за что его посадили в железо в Сибирском приказе. А приехал он в Москву с мордвином И. Кистановым. Челобитную он оформил у неизвестного дьячка на Ивановской площади. Он подчеркнул, что зарядная записка с Р. Ф. Боборыкиным о примирении на 6000 руб. осталась у И. Кистанова. Когда они приехали в Верхоценскую волость, то передали ее попу, имя которого не помнит. И ту мировую запись поп на площади в Тамбове «во весь мир прочел» [17, л. 308]. За это П. Шуетина и его товарища мордвина Б. Шинкина хотели убить ослопьем, так как им не давали права подписывать мировую. А воеводе В. Янову и тамбовским пушкарям и казакам, по их словам, текст мировой был известен. Челобитчики, Т. Митянин с товарищами, которые подали челобитную против челобитной П. Шуетина, отметили, что они Ф. Чеботаеву и его сыну никаких денег, круп, ветчину и 50 пуд. меда не давали, допросных речей после смерти допрощика не вписывали [17, л. 516 – 527]. Т. Митянин рассказал, что он с Р.Ф. Боборыкиным не стоял, так как тот взял у него 120 руб., а у его товарищей Пятины Васильева – 50 руб., у Ивана Леонтьева – 20 руб. и черно-бурую лисицу. Они подтвердили получение разрешения на челобитную от всей Верхоценской волости, всех четырех пятин 1080 дворов.

П. Шуетин отметил в расспросе, что он подал челобитную боярину Б. М. Лыкову на паперти за своею печатью, которую затем потерял. «Черную» челобитную с ним послали старосты С. Трепилин, В. Пороватов с товарищами от имени всей Верхоценской волости. Писал черную грамоту прихожий дьячок от имени старост Верхоценской волости, крестьян и мордвы. На миру с Р.Ф. Боборыкиным присутствовали всего 17 человек во главе с С. Трепилиным и В. Пороватовым. Они помирились с бывшим тамбовским воеводой. В Москве с черной челобитной писал белую челобитную у Покрова на рву дьячок, а черную он оставил у себя. П. Шуетин пытался затем два дня безуспешно найти этого дьячка, но так его и не обнаружил.

П. Шуетин напомнил наличие в Москве прежних 14 челобитчиков, которые взяли заем в Москве по 5 руб. за один месяц у трех заемщиков. Прежние челобитчики заняли у кузнеца по прозвищу Подхолюза 700 руб., которые должна была выплатить вся волость перед Рождеством. За остатком долга кузнец поехал в Верхоценскую волость сам. Еще П. Шуетин настаивал, что допрощику выдавали деньги, вино, крупы и ветчину, а также обещали три подводы до Переславля-Рязанского и 50 пудов меда. В ответ Н. Хрычов и Т. Митянин с товарищами при допросе отметили, что они ни у кого денег не брали, а от всей волости челобитчикам выдали не по 4 руб. человеку, а по 2, 2,5 и 3 руб. Т. Митянин поехал с допросными речами четыре дня спустя со своей Верхней пятины на низ по всем пятнам. А с нижней пятины с ним послали «посыльщиков». Они приехали в Москву, где, якобы, склеили допросные речи воедино.

Челобитчики, становые старосты, выборные целовальники С. П. Трепилин, В. Пароватов, Т. Федотов, П. Шуетин все крестьяне и мордва помирились с Р. Боборыкиным по приказу и совету всей Верхоценской волости. Мировую подали на имя государя за своими руками и знаменами. После этого их наймиты, которые жили на Москве, Н. Зерщик, Н. Хрычов и М. Сазыкин били государю ложно, будто мировая подписывалась без ведома всей Верхоценской волости. Однако грамоты у них не было, жили они на Москве ложно и назанимали 1,5 тысячи рублей. Они хотели по-прежнему «корыстываться», а отчет о расходе денег не давать, им не предоставляли право о мирских делах бить челом и занимать денежные кабалы. «И они, государь воруют ныне после миру в ту тяжбу деньги в кабалы здесь на Москве в наши головы взимают» [17, л. 533]. Они сами были не из Верхоценской волости, а только наймиты, исков их на Р.Ф. Боборыкина и его людей нет и не было. «Ложные» челобитчики, якобы, послали из Москвы своего товарища М. Созыкина к своим товарищам в Верхоценскую волость к Н. Мельситову, Н. Федорову, К. Арсенинову с товарищами, кото-

рые съехали из Москвы без государева указа и отпуска. А в допросных речах руки попы за свою паству прикладывали «к тем бездельным речам», якобы, опасаясь «от тех воров смертоубийства» [17, л. 532].

Первые челобитчики называли себя крестьянами волости старинными и «искони вечные», что на них лежит тягло «большое» на каждом по 5, 6 и по 10 четей, да большой верховой налог, а на тех «ложных» челобитчиков такого налога нет, так как они новоприходцы, а на всякой чети у них живут всего по два три человека. Они опасались, что «ложные челобитчики» хотят «нас, твоих сирот погубить». Те составные челобитные писали их товарищи А. Клепиков и Г. Дунаев, которые получили за это 16 руб. Они просили дать в Тамбов государеву грамоту, чтобы не было в Верхоценской волости смуты, и требовали государю запретить новым челобитчикам брать деньги взаймы в кабалу и не переключивать на них «заемные» и «кабальные» деньги. В результате в допросных речах всех четырех пятин Верхоценской волости были опрошены 1194 русских и мордовских старост, крестьян и мордвы [17, л. 540].

При очной ставке в Сибирском приказе у боярина и князя Б. М. Лыкова челобитчики подали поручную запись с перечислением собранных людьми Р. Ф. Боборыкина со старост, целовальников и крестьян доправочных и вымученных денег за 1647 и 1648 гг. Суммы от каждого двора встречались разные: от 2 до 32 руб. Так, в с. Томникова у Архангельского попа взяли 6 руб. и грабежом 2 лука и ковер [17, л. 596 – 597]. В челобитной людей Р. Ф. Боборыкина обвинили в том, что они крестьян, не выплативших пени, задерживали, ломом ломали подклети и туда сажали мирских людей, затем вытаскивали их обратно, мучили и «на смерть» били. От этого, якобы, многие разбрелись по своим бортным вотчинам, побросав свои дворы.

А. Филимонов в допросе сказал, что он не знает, кто писал эту память, сам он не судил и пошлин не собирал. Он вспомнил, что еще в 1632 г., когда Р.Ф. Боборыкин служил шацким воеводой, его отправили в нижние пять деревень, и в д. Агломазове мирские люди его ограбили, взяли «грабежом» воеводских денег шестьсот с лишним руб. и чуть не убили. Он не смог ни на кого сослаться, так все происходило без свидетелей. Возможно, то давнее происшествие послужило поводом агрессивного поведения А. Филимонова по прибытию в Тамбовский уезд.

Крестьяне с. Томникова пожаловались на посылку в 1638 г. почти ежемесячно в волость людей Р. Ф. Боборыкина Ф. Закурдаева и М. Кирилова, которые мучили крестьян, занимались правожом [9, с. 118 - 136]. М. Кирилов вымучил с них 5 руб. и, якобы, выколол глаз М. Сазыкину. Последний просил очной ставки с Р.Ф. Боборыкиным и Ф. Закурдаевым в Казанском приказе. В. Закурдаева обвинили в правеже с крестьян Питерского десятка денег, сборе с деревень Алакужи, Борков, Карелей, Новоселок, Устья, сел Сокольниково, Томниково 2905 руб. Например, с крестьянина А. Шигеманова, якобы, «вымучил разными пытками» 40 руб., с нескольких крестьян по 20 – 23 руб., что отражало достаточно высокую доходность бортных ухажав местного населения [17, л. 601 – 602]. В. Закурдаев отказался от обвинений, отмечая, что никаких денег правожом не собирал, никого не мучил, не пытал и глаз у М. Сазыкина не вышибал. После расспроса в приказе выяснилось, что глаз М. Сазыкину выбил М. Крылов. Крестьяне и мордва Верхоценской волости просили государя собирать пошлины с них по-прежнему приказным людям, а не воеводам. Чтобы от Романова разорения «вконец не погибнуть» [6, с. 995 – 104; 17, л. 785].

Подобные челобитные писали многие старосты, крестьяне и мордва Верхоценской волости. Они подтверждали, что воевода привлекал их к строительству города, для засечного дела, никаких налогов лишних на них не накладывал и челобитная в Сибирский приказ была написана без их ведома. С низовых пяти деревень и Ининой слободы человек Р.Ф. Боборыкина К. Кириллов собрал 215,5 руб. 20 алт. [17, л. 605 – 606] Сам К. Кириллов сказал, что только отвозил старостам в волость память от воеводы, жил в избе пять дней, ника-

ких денег, лошадей и мед не брал. Такая же жалоба поступила на другого человека Р.Ф. Боборыкина о сборе в 1647 – 1648 гг. в с. Носино 17,5 руб. Однако, Я. Насонов вообще в этот период только на три дня приезжал в Тамбов, а остальное время находился в подмосковном селе Саватове. Обвинения в правеже денег, в том числе и ссудных, в разные годы предъявили людям Р. Ф. Боборыкина: попу Кириллу и Б. Провоторову. Но они отказались от показаний, что вершили суд в Верхоценской волости, поскольку это делали старосты, сами были только «послухами», проживали в селах по три, четыре и даже по шесть недель, а денег не собирали.

При опросе вспомнили еще один случай, происшедший в Верхоценской волости. В 1638 г. Т. Федотов подговорил К. Филиппова, братьев Еданиных убить А. Попова. Р. Ф. Боборыкин всех участников убийства посадил в тюрьму. Другой тюремный сиделец Б. Смагин убил крестьянина В. Бирюкова и на допросе перед воеводой повинился. Местный священник Максим без государева указа, осмотра и похоронной памяти убитого похоронил. В ответ на это крестьяне с. Березова Д. Хохлов с друзьями, узнав о переводе Р.Ф. Боборыкина из Тамбова, приехали в город и угрожали убить воеводу, что заставило его отпустить на волю четырех тюремных сидельцев вместе с Т. Федотовым, оставив только одного крестьянина К. Филиппова. Именно эти «душегубцы», по мнению Р.Ф. Боборыкина, завели на тамбовского воеводу «ложное» челобитье, затаив обиду за пытки.

При очной явке с челобитчиками Р. Ф. Боборыкин сказал, что ему до старосты Ю. Беляева дела нет. Он человек их мирской и что он с них собирал налоги он не знает, пусть они сами с ним разбираются. Ю. Беляев в расспросе отметил, что Р.Ф. Боборыкин заставлял их в 1636 г. строить город Тамбов, возить лес и мерзлую землю. И чтобы их распустить по домам они дали ему 1000 руб., другую тысячу собрали, для отпуска в бортные ухажья, а третью тысячу ему собрали, когда он находился в Москве [17, л. 785]. Однако доказать это так же не удалось. А люди воеводы, когда приезжали к нему в десяток, то он их поил и кормил.

После завершения опросов сыщик П. Р. Борятинский поехал на Масленичной неделе из Тамбова и приехал в Москву 26 февраля. Уже 28 февраля 1640 г. он представил боярину Б.М. Лыкову и дьяку Н. Шифулину собранные расспросные речи крестьян и мордвы, подал челобитную на имя государя, в которой просил не верить прежним челобитчикам, называя их челобитную «воровской», которые в Москве хотели подать ложные обыскные речи [17, л. 308].

Боярин Б. М. Лыков еще 8 февраля 1640 г. лично доложил расспросные речи крестьян Верхоценской волости и челобитные Р. Ф. Боборыкина государю [17, л. 337 – 339]. Было принято решение оставить 5-6 челобитчиков из второй группы в Москве, а остальных отправить по домам. А первых челобитчиков приказали доставить к Москве, чтобы они сами выбрали из своей среды представителей для допроса.

В разгар судебного дела произошло небольшое, но весьма примечательное событие. 16 октября 1640 г. на имя государя подал челобитную мордвин И. Кистанов, который среди других челобитчиков приехал в Москву и был задержан приставом [17, л. 807 – 815]. Он находился при смерти и просил разрешения у государя принять христианство. Его челобитную приняли, государь велел отправить его крестить в православную христианскую веру на Патриарший двор к боярину С. В. Колтовскому и доложить об этом патриарху Иоасафу. На Патриаршем дворе 20 октября И. Кистанова крестили с именем Иван, а 22 числа он там же скончался.

Пример оказался заразительным и подобные челобитные на имя государя поступили 14 ноября 1640 г. и 5 января 1641 г. от других «мировщиков», взятых в Сибирский приказ для сыска: мордвинов д. Морши Б. Шиняева и Ю. Беляева. После их крещения на Патриаршем дворе Б. Шиняева отпустили обратно в Верхоценскую волость. То есть, акт крещения давал возможность прощения участия в подаче челобитной и отправки к себе домой. Власть

придала этому делу серьезное значение как пример перехода от язычества к православию для всей мордвы Верхоценской волости. Ю. Беляева разрешили крестить на Патриаршем дворе, с условием затем вернуть в Сибирский приказ, но не отпускать его домой.

12 августа 1640 г. в Тамбов воеводе В. Янову пришла государева грамота о присылке нового пристава М. Дробышева. По приезде пристава, воевода передал ему тамбовских пушкарей и «разсылщиков» для сыска крестьян Верхоценской волости. Спустя некоторое время руководство Сибирского приказа получило информацию, что сыщик М. Дробышев в указанный срок к 14 сентября 1640 г. в Москву не вернулся, никого не привез, а находится в Верхоценской волости, пьет, бражничает и на местных крестьян «чинит» налоги. Тамбовского воеводу обязали отыскать пристава и вместе с крестьянами отправить в Москву для отчета.

Чем закончилось это длительное и большое дело документы не указывают. Однако, дальнейшая судьба воеводы, стольника Р. Ф. Боборыкина показывает сохранение доверия к нему со стороны царя. Он после Тамбова продолжил пребывать при государевом дворе, затем в 1642 г. стал воеводой в Яблнове, а в 1647 – 48 годах воеводой в Козлове. Скорее всего, пострадали челобитчики, оказавшиеся в Москве, которых вскоре вернули на прежнее место жительство в Верхоценскую волость. Возможно, их наказали батогами и отдали на поруки. Значительные расходы на ведение суда испугали дворцовых крестьян, они могли потерять значительно больше денег, чем получить от бывшего воеводы Р. Ф. Боборыкина. Да и обвинения в смуте являлось серьезным проступком. Акт примирения был принят и конфликт оказался исчерпан.

4. Заключение

Следственное дело показало работу механизма проверки коллективных челобитных. Для этого в уезд посылались сыщик, полномочия которого позволяли опрашивать всех жителей уезда и получать помощь от местного воеводы. Следственное дело отразило высокую заинтересованность лично царя в рассмотрении результатов работы своих воевод, особенно это касалось личных доходов с государевой дворцовой волости. Оно же отразило активную роль священников в защите интересов дворцовых крестьян. Будучи единственно грамотными людьми в селах, они скрепляли своими подписями челобитные, вставляли на защиту интересов крестьянского мира против произвола воевод. Сами челобитные писались профессиональными площадными подьячими и стоили достаточно дорого. Сбор материалов по следственному делу предусматривал наличие информации о компромате на обвиняемых, высокую активность дворцовых крестьян в отстаивании своих интересов, желанием вернуться к традиционной форме сбора налогов дворцовыми приказчиками.

Список источников и литературы

1. Аракчеев, В. А. (2014). *Власть и «земля»: Правительственная политика в отношении тяжлых сословий в России второй половины XVI – начала XVII в.* М.: Древлехранилище. 356 с.
2. Варенцова, Л. Ю. (2015). *Государева десятинная пашня в XVII в.* // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 2 (34). С. 5 –11.
3. Варенцова, Л. Ю. (2015). *Из истории приказа Большого дворца в XVII в.* // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3 (35). С. 26 – 33.
4. Варенцова, Л. Ю. (2016). *К вопросу о воеводском правлении в дворцовых городах и селах России XVII века* // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: науч. ежегод. факультета права НИУ «Высшая школа экономики» / отв. ред. И. В. Михеева. Нижний Новгород: Растр, НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. Вып. 3. С. 314-322.

5. Варенцова, Л. Ю. (2017). *Ратная повинность дворцовых уездных и посадских людей в России XVII в.* // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ. Вып. 4. С. 327 – 333.
6. Варенцова, Л. Ю. (2018). *Характерные черты повинностей дворцовых бортников и мордвы в Нижегородском крае в конце XVI–XVII в.* // Прикладные исследования в поле регионального стратегического дискурса современной России. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2017 г.: сб. науч. ст. науч.-практ. конф., посвящ. Дню рос. науки. Нижний Новгород. С. 95-104.
7. Варенцова, Л. Ю. (2018). *Институт приказчиков в системе управления дворцовыми землями Российского государства XVII в.* // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 4. № 1. С. 164 – 173.
8. Варенцова, Л. Ю. (2018). *Институт воевод в системе управления дворцовыми землями Российского государства XVII в.* // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: научная ежегодная конференция / ответственный редактор: И. В. Михеева, М. Е. Лошкарева. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. Вып. 5. С. 279 – 289.
9. Варенцова, Л. Ю. (2020). *Дворцовое сельское хозяйство в России в XVII в.* // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Т. 6. № 3 (23). С. 118-136.
10. Вершинин, Е. В. (1991). *Воеводская власть и урало-сибирское население в XVII в.* // Власть, право и народ в эпоху феодализма. Свердловск: Институт истории и археологии УрО РАН. С. 21-24.
11. Глазьев, В. Н. (2007). *Воронежские воеводы и их окружение в XVI – XVII веках.* Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края. 168 с.
12. Дубасов, И. И. (2006). *Очерки из истории Тамбовского края.* Тамбов: Тип. Губернского правления. 189 с.
13. Мизис, Ю. А. (2012). *Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государевой службе).* Тамбов: Мичуринск. 362 с.
14. Мизис, Ю. А., Напольникова, П. К. (2022). *На южных рубежах Московского государства: в 3 кн.* Тамбов: Изд. дом «Державинский». Кн. 1. 327 с.
15. Напольникова, П. К. (2014). *Адаптационно-деятельностная модель освоения южнорусского пространства в XVI – начале XVII в.* // Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д. С. 380-384.
16. Напольникова, П. К. (2014). *Бортные знамена цининской мордвы XVII в.* // Финно-угорские языки и культура в социокультурном ландшафте России: материалы 5 Всерос. конф. финно-угроведов. Петрозаводск. С. 370-373.
17. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 3. № 106.
18. Соколова, Н.В. (2019). *«Бортники служилые». Государевы или государственные? (К изучению изменений в социальной стратификации российского общества в XV – первой четверти XVII в.)* // Вызов времени: становление централизованного государства на Востоке и Западе Европы в конце XV – XVII в. Калуга: Калужский государственный институт развития образования. С. 430-438.
19. Сушкова, Ю. Н. (2017). *Специфика государственно-правового управления мордвой (XVI-XVII вв.)* // Вестник Московского университета. Сер.11. № 1. С.57-58
20. Черменский, П. Н. (1991). *Очерки по истории колонизации Тамбовского края* // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. № 54. С. 187-271.

References

1. Arakcheev, V. A. (2014). *Vlast' i «zemlya»: Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglykh soslovii v Rossii vtoroi poloviny XVI – nachala XVII v.* [Power and “land”: Government policy regarding the tax classes in Russia in the second half of the 16th – early 17th centuries] Moscow, Drevlekhranilishche. (in Russian).
2. Varentsova, L. Yu. (2015). *Gosudareva desyatinnaya pashnya v XVII v.* [The sovereign's tithe arable land in the 17th century] in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki.* 2 (34), 5–11. (in Russian).
3. Varentsova, L. Yu. (2015). *Iz istorii prikaza Bol'shogo dvortsa v XVII v.* [From the history of the order of the Grand Palace in the 17th century] in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki.* 3 (35), 26-33. (in Russian).
4. Varentsova, L. Yu. (2016). *K voprosu o voevodskom pravlenii v dvortsovykh gorodakh i selakh Rossii XVII veka* [On the issue of voivodship rule in the palace cities and villages of Russia in the 17th century] in *Narod i vlast': vzaimodeistvie v istorii i sovremennosti: nauch. ezhegod. fakul'teta prava NIU «Vysshaya shkola ekonomiki» / otv. red. I. V. Mikheeva.* Nizhnii Novgorod: Rastr, NIU VShE – Nizhnii Novgorod. 3, 314-322. (in Russian).
5. Varentsova, L. Yu. (2017). *Ratnaya povinnost' dvortsovykh uezdnykh i posadskikh lyudei v Rossii XVII v.* [Military conscription of palace district and townspeople in Russia in the 17th century] in *Narod i vlast': vzaimodeistvie v istorii i sovremennosti.* Nizhnii Novgorod, NIU VShE, 4, 327-333. (in Russian).
6. Varentsova, L. Yu. (2018). *Kharakternye cherty povinnosti dvortsovykh bortnikov i mordvy v Nizhegorodskom krae v kontse XVI–XVII v.* [Characteristic features of the duties of palace beekeepers and Mordovians in the Nizhny Novgorod region at the end of the 16th–17th centuries] in *Prikladnye issledovaniya v pole regional'nogo strategicheskogo diskursa sovremennoi Rossii. Osnovnye itogi nauchnoi raboty v Nizhegorodskom institute upravleniya v 2017 g.: sb. nauch. st. nauch.-prakt. konf., posvyashch. Dnyu ros. nauki.* Nizhnii Novgorod, 95-104. (in Russian).
7. Varentsova, L. Yu. (2018). *Institut prikazchikov v sisteme upravleniya dvortsovymi zemlyami Rossiiskogo gosudarstva XVII v.* [The Institute of Clerks in the Management System of Palace Lands of the Russian State in the 17th Century] in *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates.* 4, 1, 164-173. (in Russian).
8. Varentsova, L. Yu. (2018). *Institut voevod v sisteme upravleniya dvortsovymi zemlyami Rossiiskogo gosudarstva XVII v.* [The institution of governors in the system of managing the palace lands of the Russian state in the 17th century] in *Narod i vlast': vzaimodeistvie v istorii i sovremennosti: nauchnaya ezhegodnaya konferentsiya / otvetstvennyi redaktor: I. V. Mikheeva, M. E. Loshkareva.* Nizhnii Novgorod, NIU VShE – Nizhnii Novgorod, 5, 279-289. (in Russian).
9. Varentsova, L. Yu. (2020). *Dvortsovoe sel'skoe khozyaistvo v Rossii v XVII v.* [Palace agriculture in Russia in the 17th century] in *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates.* 6, 3 (23), 118-136. (in Russian).
10. Vershinin, E. V. (1991). *Voievodskaya vlast' i uralo-sibirskoe naselenie v XVII v.* [Voivodship power and the Ural-Siberian population in the 17th century] in *Vlast', pravo i narod v epokhu feodalizma.* Sverdlovsk, Institut istorii i arkhologii UrO RAN, 21-24. (in Russian).
11. Glaz'ev, V. N. (2007). *Voronezhskie voevody i ikh okruzhenie v XVI – XVII vekakh* [Voivodship power and the Ural-Siberian population in the 17th century]. Voronezh, Tsentr dukhovnogo vrozhdeniya Chernozemnogo kraja. (in Russian).
12. Dubasov, I. I. (2006). *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja* [Essays from the history of the Tambov region]. Tambov, Tip. Gubernskogo pravleniya. (in Russian).

13. Mizis, Yu. A. (2012). *Voevoda Moskovskogo tsarstva (R.F. Boborykin na gosudarevoi sluzhbe)* [Voivode of the Moscow Kingdom (R.F. Boborykin in the sovereign service)]. Tambov, Michurinsk. (in Russian).
14. Mizis, Yu. A., Napol'nikova, P. K. (2022). *Na yuzhnykh rubezhakh Moskovskogo gosudarstva* [On the southern borders of the Moscow state]. Tambov, Izd. dom «Derzhavinskii», 1. (in Russian).
15. Napol'nikova, P. K. (2014). *Adaptatsionno-deyatel'nostnaya model' osvoeniya yuzhno-russkogo prostranstva v XVI – nachale XVII v.* [Adaptation-activity model of development of the southern Russian space in the 16th – early 17th centuries] in *Granitsy i pogranichie v yuzhnorossiiskoi istorii: materialy Vseros. nauch. konf.* Rostov n/D, 380-384. (in Russian).
16. Napol'nikova, P. K. (2014). *Bortnye znamena tsninskoi mordvy XVII v.* [Side banners of the Tsna Mordovians of the 17th century] in *Finno-ugorskie yazyki i kul'tura v sotsiokul'turnom landshafte Rossii: materialy 5 Vseros. konf. finno-ugrovedov.* Petrozavodsk, 370-373. (in Russian).
17. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 214, op. 3, 106. (in Russian).
18. Sokolova, N. V. (2019). «Bortniki sluzhilye». *Gosudarevy ili gosudarstvennyye? (K izucheniyu izmenenii v sotsial'noi stratifikatsii rossiiskogo obshchestva v XV – pervoi chetverti XVII v.)* in *Vyzov vremeni: stanovlenie tsentralizovannogo gosudarstva na Vostoke i Zapade Evropy v kontse XV – XVII v.* ["Service beekeepers." Sovereigns or state ones? (Towards the study of changes in the social stratification of Russian society in the XV - first quarter of the XVII century)]. Kaluga, Kaluzhskii gosudarstvennyi institut razvitiya obrazovaniya, 430-438. (in Russian).
19. Sushkova, Yu. N. (2017). Spetsifika gosudarstvenno-pravovogo upravleniya mordvoi (XVI-XVII vv.) [Specifics of state and legal management of the Mordovians (XVI-XVII centuries)] in *Vestnik Moskovskogo universitet*, 11 (1), 57-58. (in Russian).
20. Chermenskii, P. N. (1991). *Ocherki po istorii kolonizatsii Tambovskogo kraya* [Essays on the history of colonization of the Tambov region] in *Izvestiya Tambovskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 54, 187-271. (in Russian).

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ /
TOPICAL QUESTIONS OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE**DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-89-101>

УДК 94(47) 470.56

**ОФИЦЕРЫ ПЕТРОВСКОЙ АРМИИ ПО СКАЗКАМ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
И ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРЫ СЕНАТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
СВИДЕТЕЛЬСТВ НАЧАЛА И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1720-Х ГГ.***Г.К. Всеволожский**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Российская Федерация***Аннотация**

Введение. Изучение российского дворянства петровской эпохи часто осложняется отсутствием источников, созданных непосредственно дворянами. Поэтому исследователям приходится изучать дворянские идентичности и стремления через интерпретации их действий. Тем не менее, существует комплекс документов, созданный со слов дворян – сказки. Сказки отражают различные стороны жизни служилых дворян и могут использоваться для комплексного исследования. Вместе с этим важно выяснить, насколько мы можем доверять этим свидетельствам. **Материалы и методы.** Основой исследования являются сказки Военной коллегии, собранные в 1720–1721 гг., а также собранные в 1726–1728 гг. сказки Герольдмейстерской конторы Сената. Изучаются сказки одних и тех же людей, что даёт возможность проследить изменения, происходившие в жизни офицеров, а также увидеть трансформации в описании реальности, которые также произошли в течение 1720-х гг. Важной задачей является также и проверка сведений, оценка соответствия информации из более ранних сказок тем данным, которые присутствуют в более поздних сказках. **Результаты.** Большинство данных сказок, в частности связанных с началом службы, полках службы, грамотностью и социальным происхождением, в обоих вариантах совпадают. Несмотря на это присутствуют и менее надёжные показатели. К таким можно отнести сведения о годах повышения и вельможах, утвердивших повышение. Показатели имущественного положения и уездов, где дворяне были испомещены, отражают динамику. В нашем случае, основным трендом является улучшение имущественного положения офицеров. Установлено, что офицеры в разных сказках могли называть причастными к одному и тому же повышению разных вельмож, а в некоторых случаях не упоминать никого из них. Показаны изменения в самоидентификации офицеров, по крайней мере, в публичной сфере. Показана достаточно высокая грамотность офицеров. **Заключение.** Автор приходит к выводам о том, что сказки офицеров являются сложным источником, разные показатели которого имеют разную достоверность. Тем не менее, для некоторых показателей, сказки можно считать отражающими реальность, и активно использовать в исследованиях. В случае, если сведения, приведённые офицером в сказках за разные годы, отличаются, необходимо искать причину такого разли-

чия. Причём, причиной может быть не только забывчивость. Исходя из расхождения данных о причастности вельмож в разных сказках к одному назначению офицера, делается предположение о целенаправленном появлении таких различий. Кроме того, на основе данных исследования и дополнительных материалов показана динамичность понятия «шляхетство» для 1720-х гг. Всё это свидетельствует о том, что офицеры были активными действующими лицами в процессе создания сказок.

Ключевые слова: русское дворянство, «сказки», офицеры Петровской армии, социальная история, «шляхетство»

Для цитирования: Всеволожский, Г.К. (2024) Офицеры петровской армии по сказкам военной коллегии и герольдмейстерской конторы сената: сравнительный анализ свидетельств начала и второй половины 1720-х гг. // История: Факты и символы. № 2 (39). С. 89-101 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-89-101>

Статья поступила: 01.02.2024

Статья принята в печать: 08.02.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Всеволожский Г., 2024

OFFICERS OF PETER THE GREAT'S ARMY ACCORDING TO THE SKAZKI'S OF THE MILITARY COLLEGE AND THE HERALDMASTER'S OFFICE OF THE SENATE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF EVIDENCE FROM THE EARLY AND SECOND HALF OF THE 1720s.

Georgii K. Vsevolzhskii

*First President Yeltsin Ural Federal University,
st. Mira, 19, Ekaterinburg, 620002, Russia*

Abstract

Introduction. The study of the Russian nobility of the Peter the Great era is often complicated by the lack of sources created directly by the nobles. Therefore, researchers have to study noble identities and aspirations through interpretations of their actions. Nevertheless, there is a set of documents created from the words of the nobles – skazki. Skazki's reflect various aspects of the life of serving nobles and can be used for a comprehensive study. At the same time, it is important to find out how much we can trust these testimonies. **Materials and methods.** The basis of the research is the skazki's of the Military College, collected in 1720-1721, as well as the skazki's of the Senate Heraldmaster's Office collected in 1726-1728. The skazki's of the same people are studied, which makes it possible to trace the changes that took place in the lives of officers, as well as to see the transformations in the description of reality that also occurred during the 1720s. An important task is also to verify information, to assess the correspondence of information from earlier skazki's to the data that are present in later skazki's. **Results.** Most of skazki's, in particular those related to the beginning of service, service regiments, literacy and social origin, coincide in both tales. Despite this, there are also less reliable indicators. These include information about the years of promotion and the nobles who approved the promotion. Indicators of the property status and counties where nobles were own estates reflect the dynamics. In our case, the main trend is to improve the property status of officers. It has been established that officers in different skazki's could call different nobles involved in the same promotion, and in some cases do not mention any of them. Changes in the self-identification of officers are shown, at least in the public sphere. The high literacy of the officers is shown. **Conclusion.** The author concludes that the skazki's of officers are a complex source, different indicators of which have different reliability. Nevertheless, for some in-

dicators, skazki's can be considered to reflect reality, and actively used in research. If the information given by the officer in the skazki for different years differs, it is necessary to look for the reason for such a difference. Moreover, the reason may be not only forgetfulness. Based on the discrepancy between the data on the involvement of nobles in different skazki's to the same appointment of an officer, it is assumed that such differences purposefully appear. In addition, based on the research data and additional materials, the dynamism of the concept of "gentry" for the 1720s is shown. All this indicates that the officers were active actors in the process of creating skazki's.

Keywords: Russian nobility, "skazki", officers of Peter the Great's army, social history, "gentry"
For Citation: Vsevolozhskii, G. (2024). Officers of Peter the Great's army according to the skazki's of the military college and the heraldmaster's office of the senate: a comparative analysis of evidence from the early and second half of the 1720s. In *History: Facts and Symbols*, 2 (39), 89-101 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-89-101>

Received: 08.02.2024

Revised: 02.08.2024

Published: 14.06.2024

© Vsevolozhskii G., 2024

1. Введение

Российское дворянство первой трети XVIII века изучается уже более двухсот лет. Со времён Г. Ф. Миллера, показавшего связь консолидации российского дворянства с реформаторской деятельностью Петра I [6], тема изучалась с разных сторон и под разными ракурсами. Хорошо изучены основные указы и реформы Петра I, оказавшие влияние на становление российского дворянства [1; 9; 14]. Тем не менее, когда речь заходит о таких важных вещах как самосознание дворян, а также об их представлениях о происходивших в обществе переменах, то нужно признать, что по этим вопросам нам известно далеко не всё. Данную ситуацию можно объяснить спецификой источников о российском дворянстве указанного периода.

Если для последующих эпох мы можем найти широкую палитру эпистолярного наследия, созданного дворянами, то для первой трети XVIII века таких текстов почти нет. Ситуация усложняется, если мы интересуемся дворянством не столичным, а провинциальным. Делать же это необходимо, так как в провинции жило большее число дворян, чем в столице. И именно жители провинций представляли государственные интересы в бесчисленном количестве уездов, обеспечивали само существование империи.

Несмотря на небольшое количество записей дворян о себе, нельзя сказать, что у нас вообще нет источников по данной теме. До нас дошло много документов, в которых так или иначе присутствовали наши герои. Это и записи судебных разбирательств, и актовые материалы по различным сделкам, и изучаемые в данной работе сказки Военной коллегии и Герольдмейстерской конторы Сената.

Основной отличительной особенностью вышеупомянутых источников являлось то, что их создание было связано с нуждами государства, в первую очередь, с нуждами учёта и мобилизации населения. Фиксировали эти источники, главным образом, присутствие дворян в публичной сфере. В связи с этим мы можем сказать многое о внешних проявлениях дворянского быта, о служебных инструкциях и положенном окладе, но далеко не всегда способны разглядеть за ними человека. Человека со своими представлениями и стремлениями.

В данный момент вышеуказанные источники активно привлекаются для антропологически-ориентированных исследований по русскому дворянству. Изучаются показатели грамотности [4], вопросы воспитания [3], карьерные траектории [12], небоевые потери в регулярной армии [2]. Тем не менее в силу нахождения источников в различных архивах и

фондах, исследователи часто останавливаются на каком-либо одном аспекте дворянской жизни.

Вместе с тем, полезным может быть комплексное исследование, основанное на документах одних и тех же людей за разные годы первой трети XVIII века. Это даст возможность увидеть динамику, безусловно присутствующую в эпоху преобразований, а также более точно оценить характер свидетельств той эпохи. Данная статья представляет попытку такого исследования.

Объектом нашего сравнения станут дворяне, служившие в регулярной армии, причём именно в офицерском звании. Данный выбор обусловлен тем, что офицеры были связующим звеном между генералитетом и солдатами, обеспечивали непосредственное руководство подразделениями на полях сражений. Также важно то, что большую часть офицерства составляли потомки служилых по отечеству; причём именно самая массовая их часть, представленная царедворцами и городовыми дворянами.

Исследовательской целью будет рассмотрение в динамике основных социально-экономических и служебных аспектов жизни офицеров петровской армии. Кроме того, внимание будет заострено на самих свидетельствах: на том, как и почему офицеры проявляли себя в государственных документах. Наконец, важной задачей любого сопоставления информации из разных источников, несомненно, будет являться верификация этой информации.

2. Материалы и методы

Основными источниками являются сказки Военной коллегии, собранные в 1720–1721 гг. и сказки Герольдмейстерской конторы, собранные в 1726–1728 гг. Сказки мы определим как документы учёта служилого населения, представляющие собой описание семьи, службы и имущества подателя, и написанные с его слов канцеляристом-подьячим. В данном исследовании используются сказки одних и тех же людей. В 1720–1721 гг. эти люди давали показания как действующие офицеры, а в 1726–1728 гг. как отставники.

Сказки, созданные в разных институтах, разумеется, имели разную структуру и, как следствие, содержали разные сведения. В сказках Военной коллегии более подробно освещался боевой путь офицеров, в то время как в сказках Герольдии имелось больше свидетельств о семье и имуществе подателей. После сопоставления содержания сказок Военной коллегии и Герольдии, были выделены следующие рубрики, присутствующие в обоих видах сказок: *год начала службы, года повышений вместе с информацией о вельможе, который утвердил данное повышение, полки службы, социальное происхождение, ранения и болезни, уезды землевладения, имущественное положение (владение крестьянами), элементарная грамотность.*

Работа с этими сведениями осуществлялась следующим образом. В случае если в обоих видах сказок информация совпадёт, будем считать её «непротиворечивой». В случае каких-либо расхождений назовём информацию «противоречивой». В случае отсутствия в одной из сказок информации по пункту сравнения зафиксируем, что «нет информации». Исходя из этих оценок, мы сможем проверить достоверность показаний офицеров, по крайней мере относительно их прошлых слов.

Случаи с «противоречивой» информацией представляют особый интерес, так как они дают сведения о реальных изменениях в жизни офицеров за период между написанием этих сказок. Также, работая с «противоречивой» информацией, мы можем столкнуться с искажениями действительности. Эти искажения могут быть связаны с банальной человеческой забывчивостью, а могут являться специальным изменением реальной картины в угоду каких-либо целей. Последнее также представляет особый интерес, так как позволяет увидеть подателей сказок не непредвзятыми рассказчиками, а заинтересованными лицами со своими стремлениями. В любом случае основным исследовательским принципом будет являться индивидуальный разбор каждого случая расхождений.

3. Результаты

Обратимся, однако, к статистике. Всего рассмотрены сказки 26 человек. На основе показателей сравнения была создана таблица 1.

Таблица 1. Соответствие информации из сказок Военной коллегии 1720–1721 гг. и сказок Герольдмейстерской конторы 1726–1728 гг.

Table 1. Correspondence of information from the «skazki» of the Military College of 1720-1721 and the «skazki» of the Headmaster's Office of 1726-1728.

Источник: [7; 8; 13]

Оценка соответствия информации сказок обоих видов	Год начала службы	Года повышений	Полки службы	Социальное происхождение	Ранения и болезни	Уезды землевладения	Имущественное положение	Грамотность
Непротиворечивая информация (в %.)	92	62	96	81	19	54	35	81
Противоречивая информация (в %.)	8	30	4	7,5	4	19	42	0
Нет информации (в %.)	0	8	0	11,5	77	27	23	19
Всего (в %.):	100	100	100	100	100	100	100	100

Как мы видим, некоторые показатели имеют высокую непротиворечивость (более 80%). Из этого следует, что информация о *годе начала службы, полках службы, социальном происхождении и грамотности* офицеров является по большей части соответствующей действительности. Обратим внимание на то, что сказки Военной коллегии были написаны минимум за 5 лет до сказок Герольдмейстерской конторы и были недоступны офицерам при составлении сказок в Герольдии [7, с. 4]. Стало быть, высокий процент непротиворечивой информации свидетельствует не о переписывании сведений из одного документа в другой, а о их достоверности, по крайней мере в той мере, в которой так считали сами податели. Тем более, что наряду с непротиворечивыми свидетельствами по данным показателям, существуют и разногласия сведения по другим пунктам сравнения. Это показывает, что сказки действительно писались заново, и офицеры вполне могли изменять свои показания. Тем не менее для указанных выше показателей их слова весьма правдоподобны.

Высокое количество несоответствий (30%) встречается в сведениях о *годах повышений*. Всего установлено 8 случаев расхождений. В пяти из них дело касается дат повышений, ещё в трёх – вельмож, утвердивших повышение. Ошибки в датах отчасти можно объяснить свойствами памяти и давностью происшедших событий. Об ошибках, связанных с вельможами, будет сказано ниже.

Отметим, что, называя *год начала службы*, офицеры более точны, чем когда называют года своих повышений. На наш взгляд эту ситуацию можно объяснить значимостью даты начала регулярной службы для офицера. К тому же одну дату запомнить проще, чем несколько.

Анализ показателей *имущественного положения и уездов землевладения* показывает значительное количество случаев, когда в одной из сравниваемых сказок попросту нет информации по данным вопросам. Тем не менее, когда у нас есть возможность сравнения, мы

фиксируем большое количество случаев расхождения сведений и об уездах землевладения, и об имущественном положении офицеров в 1720–1721 и 1726–1728 гг. Эти данные могут свидетельствовать о реальных изменениях в социально-экономическом положении. О причинах и выражении этих изменений поговорим ниже.

Что касается *ранений и болезней*, то стоит отметить, что эта информация содержится в обоих видах сказок у достаточно небольшого числа офицеров. Тем не менее, из 23% случаев, когда такая информация имеется, непротиворечивая информация составляет 19%. То есть, когда нам доступна возможность сравнения, сведения оказываются достаточно точными.

Рассмотрим теперь конкретные случаи. Начнём с *года начала службы*. Этот показатель присутствует во всех сравниваемых сказках, что объясняется важностью года начала службы для всех собирающих сказки ведомств: и для Герольдии, и для Военной коллегии. Из 26 офицеров только двое привели в разных сказках отличающиеся друг от друга даты. Оба – майоры, Гаврила Ерофеев сын Чернышев и Иван Семёнов сын Дурново. Остановимся подробнее на первом из них.

Майор Гаврила Ерофеев сын Чернышев, сын московского дворянина, в сказке Военной коллегии указал годом начала службы 1704 год [8, с. 1805], а в сказке Герольдии – 1703 год [13, л. 63]. В обоих случаях он свидетельствовал, что был из недорослей написан в лейб-гвардии Семёновский полк и участвовал в штурме Нарвы. Вообще, стоит отметить, что в его сказке за исключением года начала службы нет противоречивых сведений. Наоборот, сказка Герольдии дополняет информацию сказки Военной коллегии. И если в 1720 году Чернышев просто указывал на какие-то ранения, полученные при упомянутом выше штурме Нарвы 1704 года, то в сказке Герольдии он пояснил, что «ранен в левую ногу шпагою при штурме Нарвы».

Сделав попытку узнать, когда в действительности Гаврила Чернышев начал службу, мы сталкиваемся со следующей ситуацией. С начала 1703 года по 8 июля 1704 года (дата взятия Нарвы) прошло всего два смотра недорослей из царедворцев, к которым Гаврила как сын московского дворянина, разумеется, относился. Оба этих смотра имели место уже в 1704 году – в январе и апреле [5, с. 222–224]. В таком случае логичными видятся участие и последующая запись в Семёновский полк Чернышева на смотре января 1704 года. Подготовка к этому смотру могла начаться ещё в 1703 году, что возможно и привело к путанице в годах.

У майора Ивана Семёнова сына Дурново расхождение в дате начала службы также составляет один год. В сказке Военной коллегии он писал, что начал службу в 1704 году [8, с. 1691], а в сказке Герольдии – что в 1705 году [13, л. 22]. Как мы видим, неточность в дате так же, как и в первом случае не превышает года. Нам кажется, что подобные ошибки, при всей их важности, тем не менее, не искажают наше восприятие кардинально, и могут быть уточнены при статистическом исследовании путём группировки данных.

Перейдём к следующему показателю – *полкам службы*. Эта информация также встречается во всех сказках, при этом офицеры верны в своих показаниях, называя одни и те же полки и в сказках Военной коллегии, и в сказках Герольдии. Делают это они достаточно точно, особенно учитывая то, что в одном полку всю службу провели единицы. Почти каждое повышение офицера было связано с переводом в другой полк.

Стоит отметить, что периодически в офицерских рассказах встречаются анахронизмы, к примеру, применительно к началу Северной войны они называют полки названиями, данными этим полкам после 1708 года. Данный факт, однако, не искажает наше восприятие: мы хорошо понимаем, о каком конкретно полке идёт речь.

Из 26 случаев встретилась всего лишь одна ситуация несоответствия данных о полках службы. Капитан Григорий Селиванов сын Арцыбашев в сказке Военной коллегии указывает, что «в 1713 году пожалован от Его светлости [речь идёт о А. Д. Меншикове] в Пиршанский полк в подпоручики» [8, с. 1627–1628.]. В сказке Герольдмейстерской конторы

он же пишет, что «в 1713 году от князя Меншикова произведён в подпоручики в Ингерманландский пехотный полк» [13, л. 64]. В какой же полк всё-таки был пожалован Григорий Арцыбашев в 1713 году?

Решить эту загадку помогает продолжение сказки Военной коллегии. Сразу после упоминания о назначении в Питершанский полк мы читаем, что Григорий «в 1716 году... бил челом Его светлости, чтобы быть в напольных полках, и по приказу Его светлости определён в Ингерманландский пехотный полк...». Логично предположить, что с 1713 по 1716 год Арцыбашев всё-таки служил в Питершанском полку, который, кстати, стал так называться в 1721 году. До этого, в период службы в нём Григория, полк назывался Казанским *гарнизонным* солдатским полком [10, с. 68]. Это объясняет, почему Арцыбашев в своём челобитье к Меншикову пишет о своём желании быть в «в напольных полках», то есть, в полевой армии, а не в гарнизоне. Вполне возможно, что эти 3 года, проведённые вдали от сражений Северной войны, не являлись предметом гордости капитана Арцыбашева, поэтому составляя свою сказку в Герольдии в 1728 году он их не упомянул вовсе.

Перейдём теперь к показателю *социального происхождения*. Время петровских преобразований традиционна считается временем начала создания единого российского дворянства. Называлось оно тогда термином «шляхетство» и комплектовалось по большей части из потомков служилых людей XVII века. В то же время в единое российское дворянство проникали новые элементы, наиболее талантливые потомки других социальных групп XVII века, например, посадские люди, светские служители, находившиеся в подчинение церкви, боевые холопы. Потомки этих групп могли стать частью «шляхетства», достигнув звания прапорщика в регулярной армии.

К началу 1720-х гг. большинство офицеров в сказках Военной коллегии называли себя представителями «шляхетства» [11, с. 141], однако можно ли считать, что процесс консолидации российского дворянства был на этом закончен? Сопоставление сведений сказок Военной коллегии и Герольдии показывает, что однозначно утверждать это мы не можем.

Всего нам встретилось 2 офицера, сказки которых содержат расхождения о социальном происхождении. Первый из них, майор князь Иван Яковлев сын Байтереков в сказке Военной коллегии указывал, что был написан в службу из иноземцев старого выезда [8, с. 2362]. В сказке же Герольдии мы читаем, что Байтереков был взят в службу из шляхетства [13, л. 57]. О том, что Иван Яковлев сын когда-либо принадлежал к иноземцам старого выезда в более поздней сказке Герольдмейстерской конторы ни сказано ни слова. Данный пример отчётливо показывает изменения, произошедшие в самоидентификации князя в течение 1720-х гг.: шляхетская идентичность заменила служебную группу XVII века (по крайней мере, в публичной сфере).

Вполне возможно, что Байтереков продолжал называть себя потомком иноземцев старого выезда, потому что его род, происходивший от татарских князей, не получил подтверждения российского княжеского достоинства, в отличие от Юсуповых и Урусовых.

Другой случай расхождения информации о социальном происхождении мы наблюдаем в сказках майора Алексея Иванова сына Кушников. В своей сказке Военной коллегии он писал, что «из житья написан в экзерцицию» [8, с. 1842]. В сказке Герольдии он приводит несколько иные сведения: «в службу написан из городских дворян в учение» [13, л. 21]. Итак, из какой группы происходил майор Кушников? Был он жильцом или городским дворянином?

Снова обратимся к сказкам, посмотрим, в каком году и как формировался полк, в котором начинал службу Кушников. В сказке Военной коллегии мы читаем, что Кушников служил с 1704 года по набору Александра Сергеева. В сказке Герольдии мы видим, что Алексей Иванов сын начал службу в 1704 году в «новонаборном полку... и был в партиях против башкирцев». Как мы видим, сведения из различных сказок друг другу не противоречат. Действительно, именно Александр Сергеев проводил карательные походы против башкир, и, разумеется, полки, набранные им в 1704 году, были «новонаборными».

Известно, что Александр Сергеев в 1704 году набрал 2 полка: солдатский полк полковника Стубенского [10, с. 53] и солдатский полк Топорнина [10, с. 58]. Оба полка были собраны в Нижнем Новгороде. Скорее всего Кушников начал службу в полку Стубенского, так как, по информации М. Д. Рабиновича этот полк был набран «из городских солдат, их детей и церковных причетников». Полк же Топорнина формировался из рекрутов и казаков низовых городов, что меньше соответствует указанному Алексеем в сказке.

Важно также отметить то, что по сказке Герольдии Кушников обладал 18 дворами в Нижегородском и Кокшайском уездах. Эти территории точно нельзя причислить к «низовым», так как они находились (и находятся до сих пор) выше по течению Волги, чем Казань, с которой «низовые города» начинались. Таким образом, логичнее связать происхождение Кушникова со служилой корпорацией Нижнего Новгорода. Что же касается информации о происхождении из жильцов, то она кажется весьма сомнительной. В результате резонно предположить, что, говоря «из житья», Алексей Иванов сын Кушников имел в виду совсем не низший чин в иерархии царедворцев.

Вместе с тем хочется заметить, что Кушников в обеих сказках никаким образом не упоминает шляхетство. Между тем, такое упоминание представляется далеко не единственным. Анализ массива сказок офицеров-отставников, поданных в 1726–1729 гг. в Герольдмейстерскую контору [13, л. 1–303], показывает, что из 230 потомков служилых людей (царедворцев, городских дворян, представителей полков нового строя) лишь 175 человек (76%) связывали своё происхождение со шляхетством. Соответственно, оставшиеся 24% называли только служебную группу XVII века, из которой они происходили. Всё это вкуче с историями Кушникова и Байтерекова свидетельствует, что применительно к 1720-м гг. можно говорить о динамичном представлении о социальном у служилой элиты. В целом, конечно, преобладало самонаименование «шляхетство», однако оно не было тотальным, и могло сосуществовать с другими самоидентификациями, а иногда и вовсе заменяться ими.

Рассмотрим теперь показатель *грамотности*. Чтобы не уйти в дебри дискуссий о том, какого человека можно считать грамотным, оговоримся, что изучаем мы грамотность элементарную. Определяем мы её по прикладыванию руки в конце сказки, то есть по записи офицером своего звания, имени и фамилии, и фразы «руку приложил к сей сказке».

Конечно, данный метод не совершенен. Исследователи отмечают, что такую подпись можно было механически натренировать, то есть попросту выучить последовательность абсолютно непонятных пишущему (а скорее даже рисующему) символов. Из этого следует вывод о том, что данные прикладывания рук нельзя использовать в статистических измерениях грамотности. Однако, на наш взгляд, такой подход чересчур критичен. Об этом, как нам кажется, говорят данные, полученные благодаря сопоставлению сказок Военной коллегии и Герольдии.

Предпринятое нами сравнение показало отсутствие противоречивой информации. Под ней в данной линии сравнения мы подразумевали случаи, когда в одной из сказок присутствует подпись, а в другой – нет. Причём важно заметить, что сказки Военной коллегии оценивались и в сравнении со сказками однополчан. В случаях отсутствия подписи вообще у всех офицеров какого-то конкретного полка мы писали «нет информации».

Большинство офицеров сравнения оказались грамотными, но нашлось и два очень ценных для нас исключения. Это – поручик Леонтий Иванов сын Озеров, небогатый городской дворянин из Ростовского уезда, и майор Иван Ларионов сын Ларионов, взятый в службу из холопов. И в сказках Герольдии, и в сказках Военной коллегии за наших героев подписались другие люди. За майора Ларионова его однополчане: в сказке Военной коллегии – подпоручик Мусин-Пушкин [8, с. 2056], в сказке Герольдии – прапорщик Агафон Мешков [13, л. 4 об.]. За поручика Озерова в сказке Военной коллегии – однополчанин прапорщик Максим Скоробогатов [7, с. 464], в сказке Герольдии – подьячий Василий Алатчанинов [13, л. 92 об.]. Если бы у нас была в наличии только одна сказка с чужой подписью, то можно было бы предположить, что эти офицеры в силу каких-либо причин (вплоть до

травмы руки) поручили какому-то конкретному лицу подписаться за них. Однако благодаря сопоставлению сказок, можно с большей уверенностью утверждать, что наши герои действительно не умели писать. А стало быть, верны и показатели грамотных офицеров.

Также отметим, что за прошедшие между написанием сказок 5–6 лет вышеназванные офицеры так и не освоили грамоту. Этот факт, к слову, никак не воспрепятствовал их карьерному росту. Ларионов, который, по сказке Военной коллегии 1720 года, числился подпоручиком, в конце концов дослужился до капитана, и выйдя в отставку в 1726 году, получил звание майора.

Перейдём к *имущественному положению* офицеров петровской армии. Мы уже отмечали большое количество изменений в показаниях офицеров по данной теме. Что интересно, все изменения (которых в нашем сравнении 11) связаны с улучшением имущественного положения подателей сказок, то есть с ростом количества зависимых крестьян. Данные об изменениях в имущественном положении легли в основу таблицы 2.

Таблица 2. Изменения в имущественном положении офицеров Петровской армии в течение 1720-х гг.¹

Table 2. Changes in the property status of officers of Peter the Great's Army during the 1720s

Источник: [7; 8; 13]

Имя	Имущественное положение в 1720–1721 гг., в душах мужского пола	Имущественное положение в 1726–1728 гг., в душах мужского пола	Уезды жительства в 1720–1721 гг.	Уезды жительства в 1726–1728 гг.
Григорий Селиванов сын Арцыбашев	4	32	Алексинский	Алексинский, Алатырский
Василий Ерофеев сын Чихачев	16	24	Вологодский	Вологодский
Александр Васильев сын Потёмкин	112	212	Коломенский, Тульский, Смоленский	Коломенский, Тульский, Смоленский
Князь Иван Яковлев сын Байтеревков	0	15	-	Кашинский
Иван Леонтьев сын Тишков	16	40	Бежецкий	Бежецкий
Иван Алимпиев сын Зыбин	0	60	Алексинский	Псковский, Пусторжевский, Алексинский
Алексей Иванов сын Кушников	68	72	Нижегородский	Нижегородский, Кокшайский
Никита Михайлов сын Крюков	3	25	Тульский, Епифанский	Тульский
Семён Тимофеев сын Ягнетев	0	2	-	Рязский
Василий Сидоров сын Гринёв	8	30	Белёвский	Белёвский, Мценский
Андрей Лукин сын Бунин	0	110	Белёвский, Орловский	Белёвский, Орловский

¹ При составлении таблицы показатель «двор» переводился в показатель «души мужского пола» в соотношении 1 к 4.

Как мы видим из таблицы, для 4 офицеров улучшение имущественного положения было связано с появлением имений в новых уездах. Ещё 4 офицера увеличили своё имущественное положение за счёт крестьян «своих» уездов, то есть тех уездов, в которых у офицеров уже были поместья в 1720–1721 гг. Интересным примером представляется Никита Михайлов сын Крюков, который увеличил своё имущество, при этом утратив недвижимость в одном из своих уездов. Тут дело отчасти в том, что в сказке Военной коллегии Никита Михайлов сын указал уезды, в которых имел *поместья*, то есть некоторое количество четвертей земли, не обязательно обрабатываемых крестьянами. Как мы видим исходя из более поздней сказки, между 1720 и 1727 гг. Крюков распрощался с Елифанским уездом и сконцентрировал свои владения в Тульском уезде, в котором, по-видимому, и жили 3 крестьянина, указанные в сказке Военной коллегии.

К сожалению, сказки не дают обилия информации о способах, которыми офицеры улучшали своё имущественное положение. Думаю, что важным являлось окончание Северной войны, которое позволило офицерам, до этого постоянно находившимся в походах, получить некоторую связь с родными поместьями и решить некоторые возникшие проблемы. Важной оказалась и податная реформа, в ходе которой была проведена перепись, привязавшая вольных людей к землям помещиков, на территориях которых они находились в момент переписи. Наконец, само нахождение полков в российских губерниях давало возможность офицерам заняться делами своих поместий.

Не стоит забывать и о самых очевидных способах улучшения имущественного положения. Это и покупка поместий с крестьянами, и удачный брак, и, наконец, наследование, пример которого мы можем увидеть среди наших офицеров.

Так, капитан Андрей Лукин сын Бунин в сказке Военной коллегии писал, что его отец владеет крестьянами в Белёвском и Орловском уездах, однако точного их числа Бунин за долгой службой тогда не называл. Это число мы узнали из сказки Герольдии: к 1727 году Бунин – владелец 110 крестьянских душ в Белевском и Орловском уездах [13, л. 39 об.]. Как мы понимаем, Андрей Лукин сын вошёл в наследство после смерти своего отца.

Рассмотрим теперь ситуации, когда дворянин, рассказывая о вельможах, утверждавших его повышения, внезапно путался в показаниях. В итоге по сказке Военной коллегии к его повышению получались, причастны одни люди, а по сказке Герольдии – другие.

Например, в сказке Военной коллегии майора Фёдора Дмитриева сына Лукина мы читаем, что он «в 1705 по рассмотрению Бориса Петровича Шереметева был пожалован в прапорщики» [7, с. 1292]. В сказке Герольдии, написанной в середине 1727 года, Лукин уже утверждал, что в 1705 году был пожалован в прапорщики от светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова [13, л. 20]. Этот пассаж кажется крайне сомнительным, так как и по сведениям сказки Военной коллегии, и по сведениям сказки Герольдии в дальнейшем Фёдор Дмитриев сын служил в корпусе Шереметева, и получал новые назначения именно по его рассмотрению. Скорее всего, Лукин называл фактически правившего тогда Меншикова причастным к своему первому, достаточно давно случившемуся назначению, чтобы представить себя в более выгодном свете. Это имело значение, так как армейских отставников ждало назначение на статские службы.

Имеются также и случаи свидетельств иного толка. Такими свидетельствами, к примеру, являются «умалчивания» о вельможах, причастных к некоторым повышениям. В некоторых случаях такое «молчание» может раскрывать психологию человека полнее, чем простое свидетельство.

Примером такого раскрытия может быть капитан Семён Тимофеев сын Ягнетев. В сказке Военной коллегии он писал, что «в 1709 году по указу Его высококняжеской светлости господина генерала-фельдмаршала и кавалера князя Александра Даниловича Меншико-

ва пожалован в прапорщики» [8, с. 1634]. Затем в такой же форме описывалось его назначение от Меншикова в поручики в 1717 году.

В сказке Герольдии, написанной 15 сентября 1727 года, мы не встречаем ни такой пышной титулатуры, ни самого Александра Даниловича. Ягнетев скромно указывал что в 1709 и 1717 годах был пожалован в прапорщики и поручики соответственно, никак не упоминая при этом Меншикова [13, л. 37]. Что это, если не стремление откреститься от сверженного несколькими днями ранее Александра Даниловича, если не попытка человека сохранить свою репутацию в стремительно меняющемся мире?

Тем не менее, такая «конъюнктурная» позиция не была единственной из возможных. Например, в сказке Военной коллегии поручика Якова Фёдорова сына Хрущёва мы читаем, что Яков был произведён в 1720 году в прапорщики от Иван Ивановича Бутурлина, известного сподвижника Петра I, сосланного Меншиковым после смерти Екатерины I в свои деревни.

В сказке Герольдии, написанной в марте 1728 года, то есть уже после ссылки Бутурлина, мы читаем несколько иное: «в 1724 году по конфирмации Военной коллегии произведён в прапорщики» [13, л. 85]. То есть, в сказке Герольдии Яков Фёдоров сын писал только о подтверждении своего назначения, не упоминая о вельможе, который, собственно, и был к нему причастен. Однако, как уже было сказано выше, в данном случае всё несколько сложнее.

Дело в том, что следующие повышения (в 1725 году – до подпоручика, в 1727 году – до полкового квартирмейстера) Хрущёв получал при участии Александра Даниловича Меншикова, которые ко времени подачи сказки также находился в опале. Тем не менее, он присутствует в сказке Герольдии и именуется «князем Меншиковым». В результате мы получаем интересную ситуацию. С одной стороны Яков не упоминает одного ссыльного вельможу, из чего можно предположить, что он не хотел портить свою репутацию, с другой стороны – он упоминает другого ссыльного, тем самым заставляя нас искать более подходящее объяснение.

Мне видится, что упоминания Меншикова, вместе с неупоминанием Бутурлина, в данном случае обусловлено тем, что почти все повышения Хрущёва, начавшего свою карьеру в 1715 году связаны с предыдущими 2–3 годами. В данном случае попросту нельзя было игнорировать или скрывать имя того, кто продвигал Якова по службе. Отчасти раскрытие имени может быть объяснено тем, что со смерти Петра I, Меншиков был фактическим правителем страны, а стало быть, он был причастен к огромному количеству повышений. Таким образом, данные повышения никак не бросали тень на дворянина.

4. Заключение

В ходе исследование установлено, что свидетельства сказок о *годе начала службы, полках службы, элементарной грамотности, социальном происхождении* являются достаточно надёжными и пригодными для изучения фактов с историческим значением. *Имущественное положение* дворян после окончания Северной войны осталось на том же уровне, а в некоторых случаях улучшилось. Сопоставление сказок помогло лучше увидеть дворян как индивидов со своими динамичными представлениями о социальном, со своими предпочтениями по виду службе, наконец, с карьерными устремлениями.

Список источников и литературы

1. Анисимов, Е. В. *Податная реформа Петра I*. Л.: Наука, 1982. 296 с.
2. Бабич, М. В., Бабич, И. В. (2012). *Потерявши... помним: к истории небоевых потерь частей, дислоцированных в Ингерманландии в 1711 году* // Война и оружие. С. 47–55.

3. Долгова, В. Н. (2017). *Проблема образования русского провинциального дворянства XVIII века в оценке современников (на материалах мемуарной и художественной литературы)* // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (32). С. 60–65.
4. Захаров, А. В. (2016). *Грамотность «царедворцев» в эпоху Петра I* // Вестник Пермского университета. № 4. С. 24–33.
5. Захаров, А. В. (2022). *Царедворцы и шляхетство на государевых смотрах петровского времени* // Пётр Великий: исследования и открытия. С. 213–225.
6. Миллер, Г. Ф. (1996). *Известие о дворянх [Российских]* // Миллер, Г. Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука. С. 180–226.
7. *Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Т. 1.* Под ред. К. В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2015. 1352 с.
8. *Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Т. 2.* Под ред. К. В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2015. 1404 с.
9. Петрухинцев, Н. Н. (2013). *Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии* // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750). С. 89–116.
10. Рабинович, М. Д. *Полки петровской армии 1698–1725*. М.: Советская Россия, 1977. 112 с.
11. Рабинович, М. Д. (1973). *Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной армии в конце Северной войны* // Россия в период реформ Петра I. С. 133–171.
12. Редин, Д. А. (2019). *Удачливый Тряпичин? Карьерная траектория провинциала в эпоху петровских перемен* // Cahiers du Monde russe. 2019. № 1 (60). С. 9–36.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286. Оп. 1. Д. 84.
14. Троицкий, С. М. (1974). *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.* М.: Наука. 395 с.

References

1. Anisimov, E. V. (1982). *Podatnaya reforma Petra I* [The tax reform of Peter I]. Leningrad, Nauka. (in Russian)
2. Babich, M. V., Babich, I. V. (2012). *Poteryavshi... pomnim: k istorii neboevih poter' chastei, dislotsirovannih v Ingermanlandii v 1711 godu* [Having lost... we remember: to the history of non-combat losses of units stationed in Ingermanland in 1711] in *Voyna i orugie*, 47–55 (in Russian)
3. Dolgova, V. N. (2017). *Problema obrazovaniya russkogo provintsial'nogo dvoryanstva XVIII veka v otsenke sovremennikov (na materialah memuarnoi i hudozhestvennoi literaturi)* [The problem of the education Russian provincial nobility of the XVIII century in the assessment of contemporaries (based on the materials of memoirs and fiction)] in *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (32), 60–65 (in Russian)
4. Zakharov, A. V. (2016). *Gramotnost' «tsaredvortsev» v epohu Petra I* [Literacy of "courtiers" in the era of Peter the Great] in *Vestnik Permskogo universiteta*, 4, 24–33 (in Russian)
5. Zakharov, A. V. (2022). *Tsaredvortsi i shlyahetstvo na gosudarevikh smotrah petrovskogo vremeni* [Courtiers and gentry at the sovereign's shows of Peter the Great's time] in *Petr Velikii: issledovaniya i otkritiya*, 213–225 (in Russian)
6. Miller, G. F. (1996). *Izvestie o dvoryaneh* [The report on the nobles] in Miller, G. F., *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe*, 180 – 226 (in Russian)

7. Ofitserskie skazki pervoi chetverti XVIII veka. Polevaya armiya [Officers' skazki's of the first quarter of the XVIII century. The Field Army], 1. Pod red. K. V. Tatarnikova. Moskva, Tipografiya Staraya Basmannaya, 2015. (in Russian)

8. Ofitserskie skazki pervoi chetverti XVIII veka. Polevaya armiya [Officers' skazki's of the first quarter of the XVIII century. The Field Army], 2. Pod red. K. V. Tatarnikova. Moskva, Tipografiya Staraya Basmannaya, 2015. (in Russian)

9. Petruhintsev, N. N. (2013). *Konsolidatsiya dvoryanskogo sosloviya I problem formirovaniya oformlyayuschei ego terminologii* [Consolidation of the nobility and the problems of forming the terminology that forms it] in *Pravyaschie eliti i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle Petrovskikh reform (1682–1750)*, 89–116 (in Russian)

10. Rabinovich, M. D. (1977). *Polki petrovskoi armii 1698–1725* [Regiments of Peter's Army 1698-1725]. Moskva, Sovetskaya Rossiya. (in Russian)

11. Rabinovich, M. D. (1973). *Sotsial'noe proishozhdenie i imuschestvennoe polozhenie ofitserov regul'arnoi armii v kontse Severnoi voini* [Social origin and property status of regular army officers at the end of the Northern War] in *Rossii v period reform Petra I*, 133–171 (in Russian)

12. Redin, D. A. (2019). *Udachlivii Tryapitsin? Kar'ernaya traektoriya provintsiala v epohu petrovskikh peremen* [Lucky Tryapitsyn? The career trajectory of a provincial in the era of Peter the Great's changes] in *Cahiers du Monde russe*, 1 (60), 9–36. (in Russian)

13. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 286, op. 1, d. 84.

14. Troitskii, S. M. (1974). *Russkii absolutizm i dvoryanstvo v XVIII veke* [Russian absolutism and nobility in the XVIII century]. Moskva, Nauka. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-102-112>

УДК 93/94

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В.А. Ливцов,

С.В. Круглов

*Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
ул. Октябрьская, д. 12, Орёл, 302028, Россия*

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию особенностей функционирования банковской системы Российской империи в период второй половины XIX – начала XX вв. в условиях проведения реформ в эпоху императора Александра II, в период «контрреформ» императора Александра II, а также в эпоху активного развития капиталистической системы в правление императора Николая II. **Материалы и методы.** По вопросам функционирования Государственного банка Российской империи встречается целый ряд работ. Отдельные работы современных исследователей посвящены региональным проблемам функционирования банковской системы в заявленный в данной статье период. В процессе подготовки статьи использовался историко-хронологический метод. За счет этого метода удалось установить основные этапы становления банковской системы. Историко-проблемный метод позволил выявить взаимосвязь происходящих процессов в государстве с формированием новой банковской системы. Источниковедческий метод оказался необходимым при определении исторических источников для подготовки материалов статьи. **Результаты.** Авторы делают выводы, что банковская система Российской империи на рубеже XIX – XX вв. развивалась в условиях укрепления капиталистических отношений. За счет предпринятого исследования удалось проследить основные этапы становления банковской системы в Российской империи. На основании привлеченного материала из историографии и источников сложилось понимание взаимосвязи формирования банковской системы в условиях дефицита бюджета империи в середине XIX в. Удалось установить, что для проведения серии реформ при Александре II была сначала предпринята попытка укрепления бюджетной системы за счет формирования новой банковской системы. Удалось установить, что в конце XIX – начале XX вв. Государственный банк Российской империи в рамках своей деятельности был нацелен на укрепление промышленного производства, а также сельского хозяйства. **Заключение.** В итоге проведенного исследования удалось установить этапы становления банковской системы. Была отмечена взаимосвязь социально-экономического положения с состоянием финансовой системы. На основании проведенного исследования возможно в дальнейшем провести рассмотрение, например, изменения функционирования банковской системы в период реформ С.Ю. Витте. Возможно, провести исследование процесса развития банковской системы в период Аграрной реформы П.А. Столыпина.

Ключевые слова: Российская империя, Государственный банк Российской империи, бюджет, финансы, С. Ю. Витте

Для цитирования: Ливцов В.А., Круглов С.В. К вопросу развития банковской системы в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // История: Факты и символы. № 2 (39). С. 89-101 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-102-112>

Статья поступила: 13.02.2024

Статья принята в печать: 08.02.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Ливцов В., Круглов С. 2024

THE DEVELOPMENT OF THE BANKING SYSTEM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE XIX-EARLY XX CENTURIES.

Victor A. Livtsov

Sergey V. Kruglov

*Srednerussky Institute of Management - branch of RANEPА,
12, Oktyabrskaya str. 12, Oktyabrskaya St., Orel, 302028, Russia*

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the peculiarities of the functioning of the banking system of the Russian Empire in the period of the second half of the XIX - early XX centuries in the conditions of reforms in the era of Emperor Alexander II, in the period of "counter-reforms" of Emperor Alexander II, as well as in the era of active development of the capitalist system in the reign of Emperor Nicholas II. **Materials and Methods.** The sources include the Code of Laws of the Russian Empire. A number of volumes of the Code of Laws of the Russian Empire include charters of banks - the State Bank of the Russian Empire, the Peasant Land Bank, as well as charters of joint-stock banks opened at the end of the XIX century. In the process of preparing the article the historical and chronological method was used. Due to this method it was possible to establish the main stages of the banking system formation. The historical-problem method allowed to reveal the relationship between the ongoing processes in the state and the formation of a new banking system. The source method proved to be necessary in determining historical sources for the preparation of the materials of the article. **Results.** The authors note that the banking system of the Russian Empire at the turn of the XIX - XX centuries. developed in the conditions of strengthening capitalist relations. Due to the undertaken research it was possible to trace the main stages of formation of the banking system in the Russian Empire. On the basis of the attracted material from historiography and sources the understanding of the relationship between the formation of the banking system in the conditions of budget deficit of the Empire in the middle of the XIX century was formed. It was possible to establish that in order to carry out a series of reforms under Alexander II was first attempted to strengthen the budget system through the formation of a new banking system. It was established that in the late XIX - early XX cc. The State Bank of the Russian Empire in the framework of its activities was aimed at strengthening industrial production, as well as agriculture. **Conclusion.** As a result of the study, it was possible to establish the stages of the banking system formation. The interrelation of the socio-economic situation with the state of the financial system was noted. On the basis of the conducted research it is possible to further consider, for example, changes in the functioning of the banking system during the reforms of S.Y. Witte. It is possible to conduct a study of the process of development of the banking system during the Agrarian Reform of P.A. Stolypin.

Keywords: Russian Empire, State Bank of the Russian Empire, budget, finance, S.Y. Witte

For citation: Livtsov V., Kruglov S. On the issue of the development of the banking system in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries In *History: Facts and symbols*, 2 (39), 89-101 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-102-112>

Article received: 02.13.2024

Article accepted for publication: 02.08.2024

Article published: 06.14.2024

© Livtsov V., Kruglov S. 2024

1. Введение

Происходящие в современной России изменения в разных сферах жизни требуют организации высокоэффективной работы финансовой системы. Речь идет, в частности, о реализации национальных проектов в России на протяжении последних 6 лет. От эффективности результатов национальных проектов зависит повышение уровня жизни населения страны. Выполнение национальных проектов и других программ, реализуемых Правительством России, напрямую связано со своевременным обеспечением финансовыми средствами.

В этой связи, для повышения эффективности данного процесса государственной политики современной России, актуально обратиться к историческому опыту организации финансового сопровождения периода реформирования и реализации инициатив, осуществляемых правительством эпохи императоров Александра II, Александра III и Николая II. Именно в тот период, когда в России активно шло формирование капиталистических основ, были заложены основы функционирования банковской системы. За счет введения Государственного банка Российской империи был решен ряд важных задач государства в рамках проведения серии реформ период 1860-1880-х гг. Открытие государственного банка стало основой для развития других форм организации банковской системы. Так, к концу XIX века в Российской империи стали открываться частные акционерные банки. В комплексе изменение банковской системы позволило качественным образом повлиять на состояние бюджета. Завершение же реформирования банковской системы было связано с одним из важных моментов для финансовой системы Российской империи, а именно проведением денежной реформы С.Ю. Витте.

Основная проблема статьи основывается на понимании процесса становления банковской системы Российской империи в условиях проведения крупных реформ в эпоху императора Александра II, а также в период консервативно политики императора Александра III, а также на начальном этапе правления императора Николая II. Помимо всего, в поле проблемы данной статьи входит рассмотрение социально-экономических и политических условий формирования банковской системы в период начала XX в. Период формирования новой финансовой и банковской систем тесно связан с внутренними изменениями, которые происходили в Российской империи в период конца XIX – начала XX веков. Это был опыт ранее неизвестный для русского государства. Благодаря предпринятым мерам были изменены условия функционирования банковской системы. Были введены в работу новые формы банков. Они в дальнейшем сыграли важную роль в развитии русского государства периода империи.

2. Материалы и методы

На сегодняшний день в историографической литературе по вопросам функционирования Государственного банка Российской империи встречается целый ряд работ. В тоже время эти работы имеют свою определенную особенность. Ряд работ современных исследователей посвящены региональным проблемам функционирования банковской системы в заявленный в данной статье период. К числу таких работ нужно отнести, например исследования Алексева Н.А., Сысоевой О.В. [1; 13] и др. При этом важно отметить, что это не только исторические статьи, но и исследования юристов, экономистов. Такой интерес к теме говорит о ее актуальности на сегодняшний день.

Отдельно нужно отметить работы советского историка И. Ф. Гиндина. У него есть ряд работ посвященных, в частности, деятельности Государственному банку Российской империи.

Среди современных исследований стоит выделить работы Байбикова В.Ю., Батюк Л.И., Долаковой М.И., Проскуряковой Н.А. В этих работах рассматриваются этапы становления банковской системы, делается акцент внимания на внутренних процессах в государстве в тот период времени.

Стоит сказать об источниках, на которые пришлось опираться при подготовке данной статьи. Так, при создании Государственного банка Российской империи был выпущен ряд уставных документов, в которых были прописаны особенности организации функционирования банка. Так, к их числу необходимо отнести Свод уставов Государственного банка Российской империи¹. В этом уставе прописаны особенности организации работы банка, делопроизводственные вопросы.

К числу источников необходимо отнести Свод законов Российской империи. В ряд томов свода законов Российской империи включены уставы банков – Государственного банка Российской империи, Крестьянского поземельного банка, а также уставы открывающихся в конце XIX в. акционерных банков.

В комплексе необходимо отметить, что данная тема объемно фундирована литературой, а также есть источники, на которые возможно опереться при достижении цели статьи.

В процессе подготовки статьи использовался историко-хронологический метод. За счет этого метода удалось установить основные этапы становления банковской системы. Историко-проблемный метод позволил выявить взаимосвязь происходящих процессов в государстве с формированием новой банковской системы. Источниковедческий метод оказался необходимым при определении исторических источников для подготовки материалов статьи.

3. Результаты

Формирование устойчивой банковской системы в истории России относится к периоду XIX в. В это время из-за были необходимы кардинальные изменения и в финансовой системе. Однако формирование основ банковского дела началось в истории России еще в период ранней истории русского государства. Из-за активного развития торговли в XIII в. города северо-западной части древнерусского государства Новгород и Псков определились как центры денежных операций. Уже тогда стали практиковаться такие операции как выдача ссуд, формирование денежных запасов и др. В то же время стали оформляться такие понятия как залоговые отношения [6, с. 71]. Так, например, исследователь Иванова О.Ф. в своей статье отмечает, что в псковском ссудном праве оформление кредитных сделок происходило на особых «досках» [6, с. 72]. В Русской правде же шла речь уже об обеспечении прав кредитора, рассматривались также основы взимания долга.

Если говорить о государственных кредитных учреждениях, то первые из них были открыты в России в XVIII в. Когда императрицей стала Анна Иоанновна, то ссуды стали выдавать из Монетной конторы². Справедливости ради нужно заметить, что кредитные операции Монетной конторы были невеликими. Поэтому в скором будущем они были прекращены.

В последующем уже в эпоху правления императрицы Екатерины II были созданы в Петербурге и Москве специальные банки, которые занимались обменом государственных ассигнаций. Первые такие банки стали появляться в 1769 г. Спустя около 10 лет они были

¹ Свод уставов Г. банка и контор его, указов и инструкций об устройстве, делопроизводстве и отчетности контор и отделений Государственного банка. - С.-Петербург: Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1872. - [2], IV, 330 с.

² Монетная канцелярия (Монетная контора до 1734 г.) – в период 1727 -1764 гг. центральное государственное учреждение, которое ведало монетным делом. Монетная контора была образована еще в период правления императрицы Екатерины I Монетная канцелярия ведала деятельностью монетных дворов. В период с 1744–1754 Московского, а затем в период с 1754 по 1764 Санкт-Петербургского. Была упразднена в начале 1764 г. после перехода в состав Берг-коллегии в качестве Особливого департамента по монетным делам.

преобразованы в специальный банк, который получил название Государственный ассигнационный банк. Этому банку предоставили функцию по эмиссии бумажных денег. Затем в бытность правления императора Павла I в Государственном ассигнационном банке были сформированы специальные конторы. Их было три – первая ведала вопросами векселей, вторая вопросами выдачи ссуд, а третья занималась вопросами страхования. В 1786 г. Дворянский заёмный банк, который был открыт в 1754 г. в правление Елизаветы Петровны, был преобразован в Государственный заёмный банк¹. Этот банк, как и его предшественник, занимался вопросами выдачи ссуды для дворян.

В начале в России XIX в. существующее крепостное право оказывало огромное негативное влияние на государственный бюджет. Государство пыталось предпринимать меры по совершенствованию функционирования финансовой системы.

В период правления императора Александра I был открыт Государственный коммерческий банк. Это произошло в 1818 г. Этот банк получил статус центрального банка. Он же выполнял эмиссионные функции. Основная цель создания данного банка была связана с оздоровлением кредитных учреждений России того периода времени. До этого времени положение кредитных организаций было подорвано чрезмерными выпусками ассигнаций, а также выдачами долгосрочных ссуд.

В тоже время не смотря на учреждение нового банка русский бюджет того периода времени определялся дефицитными тенденциями. В частности, за 30 лет до проведения реформы с 1832 по 1862 гг. правительство Российской империи израсходовало 1 376 420 тыс. рублей больше, нежели полученных в бюджет доходов. В год дефицит бюджета составлял порядка 46 млн. рублей. Начиная с 1845 г. не было ни одного года без дефицита бюджета. Это было связано с неэффективной политикой в финансовой сфере и, конечно, существующим крепостным правом. В годы Крымской войны 1853 – 1856 гг. в среднем дефицит бюджета составлял порядка 26,9 млн. рублей в год². Дефициты бюджета стали вполне нормальным явлением, однако в этом направлении правительству империи не всегда удавалось правильно балансировать в этой ситуации.

Положение дел беспокоило правительство. Поэтому уже после завершения Крымской войны принялись за сокращение непроизводительных расходов. Была предпринята попытка сжатия бюджета для получения баланса между доходами и расходами. Однако достигнуть реального результата в ходе подобных мер не удалось. Так как, например, отдельные министерства и ведомства (как военное и морское) отстаивали свои бюджеты. Помимо этого, эти меры не принесли результата, так как чрезмерное сокращение бюджета не позволяло выполнять элементарные функции государственной власти.

Император Александр II в январе 1857 г. приказал Комитету финансов предложить меры по разрешению вопросов с доходами и расходами государственного бюджета. За счет этого соответственно попытаться вывести Россию из этого тяжелого финансового положения.

Тогда же граф Нессельроде – государственный канцлер иностранных дел в одной из своих записок писал в феврале 1857 г. о необходимости улучшения финансового положения России. В противном случае есть вероятность снижения международного влияния России. После Крымской войны и ее результатов это было крайне актуально и важно.

Интересную записку по вопросу дефицита бюджета подал государю императору Александру II член департамента Государственной экономии Тенгоборский в том же 1857 г. в феврале. Он отмечал в записке, что продолжение подобного характера вещей, при котором ежегодно повторяются дефициты бюджета, крайне опасно. «Первое европейское заме-

¹ Учреждён Государственный банк Российской империи. Президентская библиотека. URL: <https://www.prlib.ru/history/619307> (дата обращения: 21.04.2024)

² Там же.

шательство, которое стало бы в таком положении, привело бы к политическому бессилию и заставило бы отказаться от того значения, которое подобает России как державе первостепенной». Тенгоборский советовал провести реформу податного строя.

Комитет финансов обсудил вопрос возможного возложения дополнительных налогов на отдельные сословия. Комитет финансов пришел к выводу, что введение новых налогов не приведет к решению вопроса с дефицитом бюджета. При этом отмечалось, что император Павел I установил налог на дворян и привлек их к платежу подати на покрытие расходов бюджета. Дворяне же, в свою очередь, возложили суммы этих налогов на крестьян. Затем император Александр I снял налог с дворян и разложил этот налог на всех крестьян.

К 1858 г. дефицит бюджета понизился до 5 млн рублей. Слухи о крестьянской реформе беспокоили помещиков. Они стали переводить свои деньги в ценные бумаги. В итоге в 1860 г. в стране сложился дефицит бумажных денег.

В начале 60-х гг. XIX в. в Российской империи был запущен процесс модернизации экономики, а также начались формироваться капиталистические отношения, стала развиваться предпринимательская инициатива [9, с. 103]. Изменения экономической системы требовали регламентации и привлечения к этому процессу государственного вмешательства. Необходимо было обеспечить грамотное перераспределение ресурсов. Требовалось грамотное направление финансовых ресурсов в нужные сферы экономической деятельности. В этой связи уместно говорить о том, что требовалась институализация этого явления. Вообще в середине XIX в. в России законодательство, которое касалось финансов, не было систематизировано. Все вопросы, которые касались финансовой и денежной стороны регулировал Свод учреждений и уставов монетных. Кредитные учреждения регламентировал Свод учреждений и уставов кредитных [10, с. 332].

Предполагаемая реформа по отмене крепостного права должна была быть тесно связана с совершенствованием финансовой системы. Так как результативное функционирование финансовой системы должно было стать прочной основой будущей реформы по отмене крепостного права.

Когда производилась подготовка реформы по отмене крепостного права, то был произведен отказ финансовой комиссии от организации Выкупного банка. Тогда было решено на первое время передать процесс выкупных платежей Санкт-Петербургской Сохранной казне. Однако в дальнейшем правительство из-за отсутствия кредитного установления решило передать процесс выкупных платежей новому банку.

В преддверии проведения реформы по отмене крепостного права императором Александром II был подписан указ, согласно которому был образован Государственный банк. С этого момента началась история формирования Банка России¹. Государственный банк был образован на самом начальном этапе развития реформаторской деятельности императора Александра II. 31 мая 1860 г. был подписан именной указ императора Александра II. В указе было отмечено, что Государственный заемный банк упраздняется. Также в указе отмечалось, что в ведение Государственного банка передаются все существующие отделения Коммерческого банка. Отмечалось также, что на устройство Государственного банка необходимо передать 15 млн. рублей из капиталов Заемного и Коммерческого банков².

Интересно проанализировать устав Государственного банка Российской империи. В уставе, в частности, указывалось, что банк учреждается для активизации торговли и укрепления денежной системы. Оценка и проверка прибыли банка должна была осуществляться

¹ Центральный банк Российской Федерации — главный эмиссионный и денежно-кредитный регулятор страны. URL: https://cbr.ru/about_br/history/ (дата обращения: 24.04.2024)

² Высочайше утвержденный устав Государственного банка // Полное собрание законов Российской империи, собрание второе. — СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1862. — Т. XXXV, отделение первое, 1860, № 35847. С. 644.

каждые 6 месяцев, а полная оценка прибыли банка подводилась раз в год¹. По итогам проверки прибыли за год должно было направляться от 3 до 5 процентов для вознаграждения правления и служащих в банке.

Учрежденный в 1860 г. Государственный банк стал приемником предыдущих кредитных заведений страны [8, с. 178]. Управляющим Государственного банка стал известный российский промышленник, финансист барон А. Л. Штиглиц. После организации Государственного банка был утвержден и его устав.

Создание Государственного банка позволило правительству Российской империи вести заем необходимых денежных средств без возникновения затруднений. Казначейство получило возможности заимствовать из вновь созданного банка средства на необходимые нужды. После этого, кстати, было анонсировано строительство железных дорог [6, с. 182].

После отмены крепостного права в 1861 г. было положено начало выкупной операции земли крестьянами. Начало операции было положено законом от 19 февраля 1861 г. – так называемым положением о выкупе. Финансовая операция по выкупу земли реализовывалась при поддержке государства около полувека – вплоть до 1 января 1907 г.

Проведение крестьянской реформы было направлено на разрешение социально – политических проблем. В целом нужно отметить, что проведение крестьянской реформы оказалось возможным благодаря в бедующем созданию новой экономической системы, в первую очередь, реформированию и созданию новых элементов банковской системы [1]. Правительство продолжало искать варианты решения вопроса с дефицитом государственного бюджета. Усугубляло ситуацию проведение процесса выкупных платежей в рамках Крестьянской реформы. С 1861 г. Государственный банк Российской империи занимался вопросами по выпуску выкупных документов².

В 1870 – е гг. с увеличением темпов капиталистического развития стала наблюдаться тенденция увеличения роста учреждения акционеров в банковской сфере. В тот период создавались как акционерные коммерческие банки, так и акционерные земельные банки [7, с. 104].

Акционерные коммерческие банки занимались выдачей кредитов промышленникам. Например, в 1895 г. был создан Русско-Китайский банк. Его основной целью стала организация проведения финансовых операций в рамках торговых отношений в странах Восточной Азии³. Банк был создан по инициативе С.Ю. Витте как инструмент для строительства КВЖД.

С начала 1880-х гг. в Российской империи началось активное развитие индустриализации. Это происходило уже в процессе подготовленной основы развития капиталистических отношений. В это же время активизировалось активное ж/д строительство по многим направлениям развития сетки железнодорожного полотна, в том числе были проложены масштабные железнодорожные пути в сибирском регионе [3, с. 187].

Для развития внешней торговли в 1871 г. был основан Русский для внешней торговли банк. Он функционировал вплоть до 1917 г. Это был частный акционерный коммерческий банк. В уставе Русского для внешней торговли банка собраны имена и фамилии предпринимателей, которые стали его учредителями. Одновременно с открытием отделения банка в

¹ Высочайше утвержденный устав Государственного банка // Полное собрание законов Российской империи, собрание второе. — СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1862. — Т. XXXV, отделение первое, 1860, № 35847.. С. 647.

² Там же. С. 185.

³ Высочайше утвержденный устав Русско-Китайского банка // Полное собрание законов Российской империи, собрание третье. — СПб.: Государственная типография, 1899. — Т. XV, 1895, № 12242. — С. 698-707.

Петербурге было открыто агентство банка в Лондоне. Потом стали открываться отделения в других городах Российской империи и за границей¹.

В 1882 г. был учрежден Государственный Крестьянский поземельный банк. Организация работы этого банка была связана с выдачей крестьянам долгосрочных ссуд под залог купленных земель у частных владельцев [9, с. 92]. В 1885 г. рескриптом императора Александра III был учрежден Дворянский земельный банк. В задачу этого банка входила поддержка дворянского землевладения. Банк занимался выдачей ссуд помещикам – потомственным дворянам [9]. Банк подчинялся министерству финансов. Управляющий Дворянским земельным банком одновременно управлял и Крестьянским поземельным банком. Дворянский земельный банк продолжал свою работу вплоть до конца 1917 г., когда был опубликован Декрет о земле.

Не смотря на сформовавшуюся финансовую и банковскую систему к концу XIX в. в России возникла необходимость ее дальнейшего преобразования. Необходимость этого была связано с интенсивно развивающимися капиталистическими отношениями и меняющейся в соответствии с этим социальной структурой общества. Необходимы были новые меры и подходы, для которых был нужен новый человек, способный неординарно мыслить и практически эти идеи реализовывать. Такой личностью стал С.Ю. Витте.

С.Ю. Витте стал министром финансов в 1892 г [4]. При его непосредственном участии в последующие годы были проведены серьезные реформы, которые касались финансовой системы. В частности, в 1894 г. была введена казенная винная монополия. Тогда же шел процесс строительства Сибирской железнодорожной магистрали. В это же время были налажены торговые отношения с Германией [2, с. 100] - заключен торговый договор в 1894 г.

Однако наиболее важнее отметить, что С.Ю. Витте в рамках финансово – экономической политики провел важную денежную реформу. В основу денежной реформы было положено введение золотого стандарта. Произошло обращение металлических и бумажных денег с гарантированным разменом последних на золото [4, С. 16]. Денежная реформа проводилась в период с 1895 по 1897 гг. Тогда же в 1894 г. был принят новый устав Государственного банка.

Новый устав Государственного банка был принят 6 июня 1894 г. По новому уставу были расширены полномочия Государственного банка. Деятельность банка должна была быть направлена на содействие развитию торговли, а также промышленности и сельского хозяйства [2, с. 101]. Заметим, что в предыдущем уставе не было так конкретно акцентировано внимание на промышленности и сельском хозяйстве. Это подчеркивает значимость проведения реформирования системы Государственного банка для функционирования всей экономической системы государства того времени. В России к тому времени оформилось капиталистические отношения. Естественно возникла необходимость финансирования этой системы. По этой причине дальновидный реформатор С.В. Витте начал реформирование с самого главного элемента банковской системы, а именно Государственного банка.

В дальнейшем указом императора Николая II 29 августа 1897 г., а также законом об основах эмиссии кредитных билетов также от 29 августа 1897 г. Государственный банк по итогам проведенной реформы приобрел статус эмиссионного центра страны. В результате этого Государственный банк смог выпускать кредитные билеты на сумму в 600 млн. рублей [2, с. 101].

Вообще в конце XIX в. на территории Российской империи действовали в разных губерниях десятки и сотни мелких банков, обществ взаимного кредита, В сибирском регионе,

¹ Высочайше утвержденный устав Русского для внешней торговли банка // Полное собрание законов Российской империи, собрание второе. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1874. - Т. XLVI, отделение первое, 1871, № 49704. - С. 805-813.

например, к моменту первой переписи населения Российской империи в 1897 г. насчитывались сотни таких банков [12, с. 118]

В годы перед началом Первой мировой войны в России наблюдался активный промышленный подъем. В финансовых операциях, которые происходили в этом секторе экономики, активное участие принимал Государственный банк. На тот момент Государственный банк стал одним из крупнейших банков среди других европейских кредитных организаций. В распоряжение Государственного банка в России был большой золотой запас. В это же время банк активно вел кредитование промышленности и торговли. Тогда же стала наблюдаться практика, когда Государственный банк стал вести работу по опосредованным формам кредита через акционерные коммерческие банки.

В период проведения аграрной реформы П.А. Столыпина Государственный банк активно включился в осуществление операций в рамках торговли хлебом. При финансировании со стороны Государственного банка осуществлялось строительство объектов, связанных с процессом хранения хлеба – зернохранилища, элеваторы.

Определенные изменения произошли в работе Государственного банка с наступлением периода Первой мировой войны. В условиях перестроения экономики страны необходимы были изменения и в ведении кредитных операций. Изменения коснулись в первую очередь вопросов коммерческого кредита. В период проведения войны Государственный банк прекратил подобные процедуры. Функционал банка был сосредоточен в эти годы на кредитовании правительства империи для осуществления военных нужд. В частности, ближе к осени 1917 г. кредитные займы, связанные с войной составляли порядка 90 % баланса банка.

После Октябрьской революции произошли изменения в сфере банковского дела. В начале декабря 1917 г. вышел декрет СНК о введении государственной монополии на банковское дело. В дальнейшем произошла национализация всех коммерческих акционерных банков, был образован Народный банк Российской Республики, а затем - в Народный банк РСФСР¹.

4. Заключение

Развитие банковской системы в Российской империи в период XIX начала XX века происходила в условиях тесной взаимосвязи с проводимыми в стране реформами. Особенно заметно данное явление в условиях проведения Великих реформ императором Александром II. В середине века в финансовой системе Российской империи наблюдался дефицит бюджета. Подогрелась эта история в условиях проведения Крымской войны. В связи с этим правительством Российской империи были предприняты меры по введению новых мер в финансовую систему. Одной из них стала организация работы Государственного банка Российской империи. Основной целью введения в работу этого банка являлось улучшение ситуации с финансами и организацией торговых отношений с дальнейшим улучшением состояния финансовой и бюджетной систем. Затем последовали новые нововведения. Они оказались связанными с проведением в Российской империи реформы по отмене крепостного права. Одновременно с этим шло формирование другой составляющей банковской системы. Этим стало введение в Российской империи частных коммерческих банков. Они были ориентированы на развитие как внешней, так и внутренней торговли. Важным составляющим элементом по укреплению финансовой системы Российской империи стало проведение С.Ю. Витте так называемой денежной реформы. Ее целью также было укрепление экономической системы Российской империи.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что правительство Российской империи проводило поэтапную работу по повышению устойчивости экономической системы госу-

¹ Учреждён Государственный банк Российской империи. Президентская библиотека. URL: <https://www.prlib.ru/history/619307> (дата обращения: 21.04.2024)

дарства. При этом происходили данные мероприятия в условиях организации и осуществления крупных реформ в российском государстве.

Список источников и литературы

1. Алексеев, Н. А. (2022). *Влияние государственного банка Российской империи на экономическое развитие Кубанской области (1860-1914 гг.)* // Известия СОИГСИ. № 46 (85). С. 72-79. DOI: 10.46698/VNC.2022.85.46.006.
2. Байбиков, В. Ю. (2014). *Банковская реформа 1894 Г. В оценке консервативной печати* // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 5 (115). С. 97-102.
3. Батюк, Л. И. (2017). *Деятельность правительства Российской империи по развитию капиталистических отношений на рубеже XIX-XX столетий* // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. № 2 (92). С. 187-194.
4. Долакова, М. И. (2015). *Финансово-экономические реформы С.Ю. Витте* // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. № 1 (17). С. 15-20.
5. Иванова, О. Ф. (2010). *Исторические основы деятельности государственного банка российской империи* // Казанская наука. № 8. С. 71-76.
6. Каленюк, Л. В. (2009). *Крестьянская реформа в России 1861 г.: кредитно-денежный аспект* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. № 1. С. 181-186.
7. Кисмина, Е. В., Благодичиннова, Н. А. (2014). *Государственные банки в системе кредита Российской империи второй половины XIX - начала XX в.* // Вестник Самарского государственного экономического университета. № 5. С. 103-111.
8. Морозан, В. В. (2019). *Архивариусы Государственного банка Российской империи. 1860-1917 гг.* // Вестник архивиста. № 1. С. 176-188. DOI 10.28995/2073-0101-2019-1-176-188.
9. Проскурякова, Н. А. (2007). *Крестьянский поземельный банк и Столыпинская реформа (1906-1916 годы)* // Имущественные отношения в Российской Федерации. № 5 (68). С. 91-98.
10. Сорокина, Ю. А. (2021). *Реформа банковской системы С.Ю. Витте* // Мировая наука. № 6 (51). С. 331-334.
11. Сысоева, О. В. (2015). *Развитие территориальной системы банков Сибири (вторая половина XIX - начало XX в.)* // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. Т. 11. С. 117-128.

References

1. Alekseev, N. A. (2022). *Vliianie gosudarstvennogo banka Rossiiskoi imperii na ekonomicheskoe razvitie Kubanskoi oblasti (1860-1914 gg.)* [Influence of the State Bank of the Russian Empire on the economic development of the Kuban region (1860-1914).] in *Izvestiia SOIGSI*, № 46 (85), 72-79. (in Russian).
2. Baibikov, V. Yu. (2014). *Bankovskaia reforma 1894 G. V otsenke konservativnoi pechati* [Banking Reform of 1894. In the assessment of the conservative press] in *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, № 5 (115), 97-102. (in Russian).
3. Batiuk, L. I. (2017). *Deiatel'nost' pravitel'stva Rossiiskoi imperii po razvitiuu kapitalisticheskikh otnoshenii na rubezhe XIX-XX stoletii* [Activities of the Government of the Russian Empire on the development of capitalist relations at the turn of the XIX-XX centuries] *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*, № 2 (92), 187-194. (in Russian).

4. Dolakova, M. I. (2015). *Finansovo-ekonomicheskie reformy S.Iu. Vitte* [Financial and economic reforms of S.Y. Witte] in *Vestnik MGPU. Serii: Istoricheskie nauki, № 1 (17)*, 15-20. (in Russian).

5. Ivanova, O. F. (2010). *Istoricheskie osnovy deiatel'nosti gosudarstvennogo banka Rossiiskoi imperii* [Historical bases of the activity of the State Bank of the Russian Empire] in *Kazanskaia nauka, № 8*, 71-76. (in Russian).

6. Kaleniuk, L. V. (2009). *Krest'ianskaia reforma v Rossii 1861 g.: kreditno-denezhnyi aspekt* [Peasant reform in Russia in 1861: credit and monetary aspect] in *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika, № 1*, 181-186. (in Russian).

7. Kismina, E. V., Blagochinnova, N.A. (2014). *Gosudarstvennye banki v sisteme kredita Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX - nachala XX v.* [State banks in the credit system of the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX century] in *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, № 5*, 103-111. (in Russian).

8. Morozan, V. V. (2019). *Arkhivariusy Gosudarstvennogo banka Rossiiskoi imperii. 1917 gg.* [Archivists of the State Bank of the Russian Empire. 1860-1917.] in *Vestnik arkhivista, № 1*, 176-188. (in Russian).

9. Proskuriakova, N. A. (2007). *Krest'ianskii pozemel'nyi bank i Stolypinskaia reforma (1906-1916 gody)* [Peasant Land Bank and the Stolypin Reform (1906-1916)] in *Imushchestvennye otnosheniia v Rossiiskoi Federatsii, № 5 (68)*, 91-98. (in Russian).

10. Sorokina, Iu. A. (2021). *Reforma bankovskoi sistemy S.Iu. Vitte* [Reform of the banking system by S.Y. Witte] in *Mirovaia nauka, № 6 (51)*, 331-334. (in Russian).

11. Sysoeva, O. V. (2015). *Razvitie territorial'noi sistemy bankov Sibiri (vtoraia polovina KhKh - nachalo KhKh v.)* [Development of the territorial system of banks in Siberia (second half of the nineteenth - beginning of the twentieth century)] in *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Nauki o Zemle. T. 11*, 117-128. (in Russian).

Вклад авторов:

В.А. Ливцов: получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста рукописи, обзор публикаций по теме статьи.

С.В. Круглов: получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста рукописи, обзор публикаций по теме статьи.

Authors' contributions:

Victor Livtsov: obtaining data for analysis, analysing the obtained data, writing the manuscript, reviewing publications on the topic of the article.

Sergey Kruglov: acquisition of data for analysis, analysis of data, manuscript writing, review of publications on the topic of the article.

ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ / HISTORY OF EUROPE

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-113-127>

УДК 327 + 32.019

**ОБРАЗЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ «НЕЗАВИСИМОСТИ» И «ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»
В СОВРЕМЕННОЙ КАТАЛОНО-ИСПАНСКОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ
КОНФРОНТАЦИИ***М.В. Курчанов**Воронежский государственный университет**Университетская пл. 1**Воронеж, Россия***Аннотация.**

Введение. Автор в представленной статье анализирует формы и особенности развития исторической политики в современной Каталонии через призму представленности в мемориальной культуре регионального общества средневековых концептов. Целью исследования является анализ средневековой риторики в современных войнах памяти и тех мемориальных культурах, которые возникают и развиваются в каталонском обществе. **Методы.** Методологически статья основана на принципах междисциплинарной историографии, предложенных для анализа мемориальной культуры, что позволяет анализировать средневековые образы как форму исторической политики, направленной на инструментализацию истории. **Результаты.** Автор анализирует роль и место региональных интеллектуальных сообществ и политических элит как основных участников исторической политики, определяемой как форм развития национализма и каталонского националистического воображения. Новизна исследования заключается в изучении актуального (современного) этапа в развитии исторической политики регионального каталонского социума через призму актуализации средневековой риторики. В статье показано, что интеллектуальное сообщество в современной Каталонии является системным сегментом современной исторической политики и развития националистической версии мемориальной культуры. Автор полагает, что спектр мемориальных практик региональных интеллектуалов Каталонии ограничен преимущественно их участием в укреплении гражданской идентичности через призму актуализации и визуализации в общественном и политическом дискурсах концептов «государственность» и «независимость» локализуемых в средневековой системе координат при помощи активного использования средневековых образов исторического опыта Каталонии. **Заключение.** Автор приходит к выводу, что средневековая риторика фактически стала формой национализации истории, содействуя интеграции исторического воображения и мемориальной культуре в дискурс каталонского политического национализма. Предполагается, что участие региональных интеллектуалов в войнах памяти актуализирует ситуацию политизации и идеологизации истории, ее инструментализации в рамках средневековой риторики, подчеркивая политическую, идеологическую и этническую гетерогенность общества.

Ключевые слова: Испания, коллективная память, регионализм, миноритарные национализмы, интеллектуалы, историческая политика, войны памяти, культура памяти

Для цитирования: Кирчанов М. В. (2024). Образы средневековой "независимости" и "государственности" в современной каталано-испанской мемориальной конфронтации // История: факты и символы. 2024. № 2 (39). С. 113-127 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-113-127>

Статья поступила: 09.03.2024

Статья принята в печать: 27.03.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Кирчанов М., 2024

IMAGES OF MEDIEVAL "INDEPENDENCE" AND "STATEHOOD" IN THE MODERN CATALON-SPANISH MEMORIAL CONFRONTATION

Maksym V. Kyrchanov

*Voronezh State University, Voronezh, Russia
Universitetskaja Square 1*

Abstract.

Introduction. The author in the presented article analyses the forms and features of the development of historical politics in modern Catalonia through the prism of the representation of medievalist concepts in the memorial culture of the regional society. The purpose of the study is to analyse medievalist rhetoric in modern wars of memory and those memorial cultures that arise and develop in Catalan society. **Methods.** Methodologically, the article is based on the principles of interdisciplinary historiography proposed for the analysis of memorial culture, which makes it possible to analyse medieval images as a form of historical policy aimed at instrumentalizing history. **Results.** The author analyses the role and place of regional intellectual communities and political elites as the main participants in historical politics, defined as forms of development of nationalism and the Catalan nationalist imagination. The novelty of the research lies in the study of the current (modern) stage in the development of the historical politics of the regional Catalan society through the prism of the actualization of medievalist rhetoric. The article shows that the intellectual community in modern Catalonia is a systemic segment of modern historical politics and the development of a nationalist version of memorial culture. The author believes that the range of memorial practices of regional intellectuals of Catalonia is limited primarily by their participation in strengthening civic identity through the prism of actualization and visualization in public and political discourse of the concepts of "statehood" and "independence" localized in the medievalist coordinate system through the active use of medieval images of the historical experience of Catalonia. **Conclusions.** The author concludes that medievalist rhetoric actually became a form of nationalization of history, promoting the integration of historical imagination and memorial culture into the discourse of Catalan political nationalism. It is assumed that the participation of regional intellectuals in memory wars actualizes the situation of politicization and ideologization of history, its instrumentalization within the framework of medievalist rhetoric, emphasizing the political, ideological and ethnic heterogeneity of society.

Keywords: Spain, collective memory, regionalism, minority nationalisms, intellectuals, historical politics, memory wars, memory culture

For citation: Kyrchanoff M. (2024) Images of medieval "independence" and "statehood" in the modern Catalon-Spanish memorial confrontation. In *History: facts and symbols*, 2 (39), 113-127

Received: 09.03.2024

Revised: 27.03.2024

Published: 14.03.2024

© Kyrchanoff M., 2024

1. Введение

Утверждения о том, что в современном мире историческая политика стала универсальной формой, при помощи которой правящие элиты активно манипулируют коллективными представлениями о прошлом и используют историю для придания легитимности тем или иным режимам в историографии успели стать общим местом. Тем не менее, историческая политика отличается значительным разнообразием, характеризуясь уникальной динамикой, присущей только ей в отличие от других стратегий манипуляции с историей, которые могут использоваться политическими элитами.

Если ранее элиты могли открыто применять цензуру или устанавливать контроль над историческим образованием или же непосредственно проводить прямые репрессии по идеологическим и политическим мотивам, направленные против академического сообщества, что, например, активно применялась авторитарными режимами в XX веке, то на современном этапе политическая политика фактически избавляет правящие элиты от столь радикальных методов, позволяя им активно использовать более мягкие формы влияния на интеллектуальное сообщество в частности и общество в целом с целью вынудить и заставить их представителей формировать такие исторические нарративы и продвигать такие представления о прошлом, которые соотносились бы с для коллективной исторической памятью, выдвигаемой и поддерживаемой правящими элитами.

В центре авторского внимания в представленной статье будет медиевализм как фактор развития конфронтационной мемориальной культуры и протекания войн памяти в современном испанском социуме. Целью автора является анализ медиевалистской риторики в современных войнах памяти и тех мемориальных культурах, которые в рамках этого процесса развиваются и возникают. В число задач автора входит 1) выявление основных линий разграничения в рамках фрагментации испанского общества относительно восприятия средневекового наследия, которое не консолидирует Испанию на базе формально общей европейской средневековой культуры, но содействует дальнейшей политизации, идеологизации и инструментализации истории, стимулируя ситуации мемориальных конфликтов, 2) анализ основных идеологических концепций и нарративных практик, которые формируются в рамках актуализации потенциала медиевализма в современных войнах памяти на территории Испании, 3) выявление основных перспектив применения медиевалистского дискурса в конфронтационной модели развития мемориальной культуры и политики памяти современного испанского общества. Под медиевализмом в данном контексте понимается актуализация средневековых образов исторических государств, которые существовали на территории современной Каталонии в средние века, в исторической политике.

2. Материалы и методы

Методологически представленная статья основана на принципах, предложенных в междисциплинарной историографии. В первую очередь автор ориентируется на достижения истории идеи, интеллектуальной истории, новой социальной и культурной истории, используя также подходы изобретения традиций и воображения сообществ, полагая, что медиевализм в исторической политике и войнах памяти следует воспринимать как изобретенную традицию в рамках испанского национального и исторического воображения. Несмотря на то, что по мнению историков, «сегодня существует восхищение исследованием коллективного и индивидуального "прошлого", которое используется для конструирования и поддержания идентичностей в новых политиках памяти» [1, с. 29], что придает актуальность изучению применения медиевалистских образов в мемориальной культуре Испании.

Кроме этого, различные региональные и национальные версии медиевализма, которые на протяжении XX века сложились на территории Испании, например, в Кастилии, Галисии, Каталонии или Арагоне, мы также можем воспринимать как изобретенные традиции, активно используемые и применяемые местными политическими элитами для решения собственных задач. Таким образом, диапазон стратегий и тактик в рамках использования исто-

рии, ограниченной до медиевалистского дискурса, в публичных и общественных пространствах свидетельствует о том, что история в современном испанском обществе, не только политически детерминирована, но интегрирована в число методов, активно используемых для решения политических задач.

3. Результаты

В историографии подобные манипуляции с фактами прошлого известны как историческая политика или политика памяти. Как правило, в рамках исторической политики используются ряд универсальных методов, включая ограничение доступа к архивам, искусственное повышение интереса к тем или иным проблемам прошлого, намеренная маргинализация тех фактов и событий, которые плохо или слабо интегрируются в доминирующий идеологический канон.

Вместе с тем, историческую политику следует отличать от академической историографии. Академическая историческая наука и политика памяти имеют разные объекты и предметы. Если историческая политика направлена в первую очередь на формирование лояльности и легитимности режима с использованием истории, что ведет к инструментализации прошлого, стимулируя политизацию и идеологизацию представлений об истории, то академическая историческая наука в первую очередь решает научные задачи, связанные с изучением прошлого академическими, но не идеологическими методами, редко ограничиваясь границами воображаемых национальных историй. Среди стран, которые активно используют историческую политику, особое место принадлежит современной Испании.

Специфика испанской исторической политики и формируемой в ее рамках мемориальной культуры отличается тем, что после начавшихся процессов демократизации в конце 1970-х гг. страна фактически использовала несколько моделей проведения политики коллективной памяти, что привело к тому, что Испания получила опыт законодательного регулирования памяти и производных от нее мемориальных культур. В рамках проведения исторической политики Испания сменила несколько мемориальных законов, которые действуют не только на национальном, но и на региональных уровнях, ограничиваясь территориями различных автономных сообществ, которые формируют современную испанскую государственность.

Когда мы анализируем феномен исторической политики, во внимание следует принимать два фактора. Во-первых, историческая политика, как правило, оперирует фактами относительно недавнего прошлого и актуальной истории, потому что именно такие события легче всего подвергнуть политизации и идеологизации, интегрировав в те или иные политические схемы и предпочтения, которые активно используется правящими элитами. Во-вторых, подобные версии мемориальной политики, как правило, отличаются ограниченным характером с точки зрения хронологии. В центре таких манипулятивных практик оказываются проблемы, связанные, как правило, с новейшей историей.

Что касается Испании, то в этой стране в центре внимания акторов или агентов исторической политики оказываются события, связанные с историей XX века. На национальном уровне, это относится к событиям гражданской войны, республиканскому опыту и авторитарному режиму Франсиско Франко. Что касается регионального уровня, то в этом контексте мы фактически видим тот же перечень проблем, которые доминируют на общенациональном уровне в сочетании с вопросами региональной истории, написанной через призму местного националистического воображения. Испания, как и ряд других обществ, представляет собой пример множественного, составного и гетерогенного государства, что автоматически плюрализирует существующие представления о прошлом и те формы актуализации истории, при помощи которых она заявляет о себе в публичных и общественных пространствах.

Поэтому испанское общество относительно собственного прошлого и исторического опыта является в значительной степени фрагментированным и разделенным на сторонников

различного восприятия, например, республиканского и франкистского наследия. Подобные различные взгляды на историю ведут к тому, что прошлое в рамках современной исторические политики фактически актуализирует свой конфронтационный потенциал, связанный с последовательной фрагментацией общества, развитием в его рамках диаметрально противоположных и отличных в друг от друга интерпретаций истории Испании.

В такой ситуации универсальной формой развития и функционирования как исторического воображения, так и мемориальной культуры становятся войны памяти. Что касается ситуации мемориальной конфронтации современного испанского общества, то предположение о том, что своеобразная воображаемая линия разграничения проходит исключительно по вопросам восприятия новейшей истории представляет собой значительное упрощение явления мемориальных конфликтов в современном испанском обществе.

Значительную роль в функционировании испанской модели мемориальной культуры и исторической политики играет медиевализм. В историографии отсутствует единое определение феномена медиевализма. Тем не менее, следует принимать во внимание, что, с одной стороны, медиевализм представляет собой упрощенные, ассимилированные в рамках современного общества потребления, представления о прошлом, ограниченном Средневековьем. Основным агентом, который формирует подобные версии средневековой истории в современных публичных пространствах западного мира, является индустрия развлечений общества потребления.

Поэтому центральной формой функционирования медиевалистского дискурса следует признать массовую, ориентированную на рынок, фэнтезийную литературу и кинематограф. Вместе с тем, средневековые сюжеты могут использоваться и для решения не только формально развлекательных, но и фактически политических и идеологических задач. В этом контексте медиевализм, как упрощенные представления о средневековом прошлом, актуализирует свое другое измерение, связанное с представленностью средневековых сюжетов в современных мемориальных культурах и их применением в войнах памяти. Мемориальные войны, как подчеркивает российский историк Н. Копосов, представляют собой «конфликты партикулярных идентичностей и исторических памятней разного рода воображаемых сообществ» [4, с. 68]. Не является исключением из подобной логики инструментализации медиевализма и современная Испания. Известно, что исторически Испания развивалась как многосоставное государство, состоящее из нескольких этнически отличных друг от друга регионов.

Ранняя современная испанская монархия, которая появилась в последней четверти 15 века, в академической историографии определяется как композитарная. В исторической науке она описывается как форма правления, которая фактически допускала одновременное и параллельное соразвитие и сосуществование как различных этнических и языковых групп, так и политических сообществ, а также связанных с ними до государственных и политических культур, которые существовали на территории Испании до XX века. Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что процесс строительства национального государства в Испании не завершен, так как на ее территории продолжают сосуществовать и параллельно соразвиваться несколько национальных идентичностей. Процессы политического транзита, запущенные в Испании и после смерти Франсиско Франко и демонтажа франкистской политической системы, привели к тому, что формально унитарная испанская монархия обрела характеристики и свойства многосоставного государства.

Вместе с тем, формально Испания не является федерацией. Тем не менее, Мадрид признает права регионов на достаточно широкую автономию, легитимируя региональными элитами при помощи исторического наследия. В этой ситуации факты средневекового исторического прошлого оказываются интересными не только для академической медиевистики, но и востребованными в рамках различных мемориальных конфронтаций и войн па-

мяти, которые протекают на территории Испании между интеллектуальными сообществами центра и регионов.

Образы, связанные с восприятием Средневековья, известные в массовой культуре как медиевализм, играют особую роль в развитии, как современной мемориальной культуры, так и в протекании войн памяти в испанском обществе. История средних веков в политическом и историческом воображении каталонского национализма была подвергнута значительной национализации. Поэтому история актуализировала свои идеологические функции, прикладное и инструменталистское значение, интегрированность в процессы националистического воображения.

Аналогичные тенденции были характерны и для развития испанского общества в целом, в рамках историографической традиции которого сложилось свое видение истории средних веков, основанное не на учете региональных особенностей, но общих, национальных признаков и характеристик, которые воображались и конструировались как испанские. В этой ситуации медиевализм в мемориальной культуре Испании оказался подвержен национализации, что привело к появлению и соразвитию фактически национальных версий истории средних веков. Наличие и параллельное соразвитие таких форм представлений о средневековой истории превратило ее в пространство символической мемориальной конфронтации между испанскими и региональными национализмами.

Вероятно, самым ярким примером подобной войны памяти в современной Испании следует признать интерпретации истории средневековой Каталонии, которые в каталонском и испанском историческом воображении являются взаимоисключающими. Подобная кастильско-каталонская мемориальная конфронтация исторически протекала в пространствах академической историографии, но тенденции к последовательной виртуализации привели к тому, что интернет стал виртуальным «полем битвы» между каталонскими и испанскими акторами исторической политики. Каталонские и испанские интеллектуалы, как участники мемориальной конфронтации, предлагают не просто разные, но фактически взаимоисключающие интерпретации средневековой истории, где, вероятно, единственным объединяющим фактором может быть признана географическая близость Кастилии и Каталонии как участников исторического процесса, ограниченных пространством Пиренейского полуострова.

Родриго Алонсо, один из активистов исторической политики с испанской стороны, определяет средневековья как жертву каталонского национализма, так как, по его мнению, «на протяжении нескольких столетий националисты были озабочены переписыванием истории, чтобы создать искусственное прошлое, поддерживающее их разрушительный дискурс»¹. Одним из наиболее значимых проявлений виртуализации знаний о прошлом в современном мире, вероятно, следует признать международный проект Википедии – свободной энциклопедии, которая содержит ряд статей, посвященных различным аспектам истории средневековой Каталонии.

Каталонская и испанская версии подобных статей отмечены каталоно-кастильским политическим и идеологическим противостоянием, что фактически содействует актуализации уникальной роли Википедии как пространства «войн памяти», в центре которых не объединяющее, но разъединяющее Средневековье. Каталонская версия Википедии содержит статью «Edat mitjana de Catalunya» («Средневековье Каталонии»), отсутствующую в испанской редакции. Для каталонских участников Википедии, фактически вовлеченных в мемориальное противостояние с Испанией, Средневековье – это «исторический период, в течение которого Каталония постепенно обретает собственную правосубъектность, связанную с конкретным географическим контекстом. Это период, когда каталонский язык стал

¹ Alonso R. La mitificada independencia de Cataluña durante la Edad Media // ABC. 2017. Septiembre 17. URL.: https://www.abc.es/historia/abci-mitificada-independencia-cataluna-durante-edad-media-201709170222_noticia.html

языком, отличным от латыни и других романских языков, став литературным и официальным языком как в каталонских графствах, так и в Короне Арагона»¹.

Подобные идеи, характерные для каталонской мемориальной культуры, не могут быть признаны уникальными, будучи связанными с универсальной логикой развития националистического воображения, так как «в эпоху национализма главными субъектами истории становятся нации, а так как примордиалистский подход наделяет их чрезвычайно устойчивыми культурными характеристиками, то нации вольно или невольно начинают отождествляться с этническими группами, корни которых теряются в незапамятной древности» [9, с. 18], в каталонском случае ограниченным средними веками.

Гуманитарные науки, в том числе и история, которая активно используется для формирования исторической коллективной памяти «являются интерпретирующими дисциплинами» [3, с. 10], но в рамках исторической политики интерпретация второстепенна в сравнении с политизацией и идеологизацией прошлого. Кастильские участники исторической политики склонны игнорировать такие попытки чрезмерной, на их взгляд, каталонизации средневековой истории, настаивая, что «период средневекового величия Каталонии пришелся на то время, когда она была частью Арагонской короны»², воспринимаемой как историческая форма именно испанской государственности. Продвижение подобных нарративов в исторической политике свидетельствует об углублении тенденций к «переписыванию истории согласно этноцентричным канонам» [14, р. 558]. В целом, каталонские активисты исторической политики стремятся актуализировать максимально долгую генеалогию Каталонии через призму ее государственного и политического опыта, настаивая, что «территория, которая сегодня является Каталонией, была сектором пересечения двух великих владений южной средневековой Европы IX – X веков: северной периферии аль-Андалусии и южной периферии Каролингской империи»³, что не только хронологически удревняет ее в сравнении с Испанией, но и делает причастной к политическому опыту этих исторических государственных.

Что касается Каталонских графств, что для каталонских участников проекта они представляют собой «группу графств, возникших на территории современной Каталонии после завоевания Каролингами. Они составляли южную половину Готии, территории, которая была частью старого Королевства вестготов и которая была включена в состав Каролингской империи после завоевания Кордовского эмирата»⁴. Таким образом, Каталонская Википедия фактически содействует большей визуализации и актуализации националистического видения, в рамках которого образы средних веков подвергаются национализации и описываются в каталонской системе координат.

Испанская же Википедия склонна продвигать несколько иное видение через призму восприятия Каталонских графств как «историографического названия, обозначающего графства, возникшие на северо-востоке Пиренейского полуострова в регионе Испанской марки Каролингской империи»⁵. Подобная позиция стала следствием развития испанского национализма, связанного с особенностями «строительства современного национального государства, основанном на историческом мифе, согласно которому испанская нация впервые была организована как независимое государство на заре средневековья благодаря Ко-

¹ Edat mitjana de Catalunya. URL.: https://ca.wikipedia.org/wiki/Edat_mitjana_de_Catalunya

² Fernández-Miranda J. A Cataluña le ha ido bien en España // ABC. 2016. Abril 24. URL.: https://www.abc.es/espana/abci-cataluna-bien-espana-201604240623_noticia.html#vca=modulo&vso=abc&vmc=noticias-rel&vli=historia

³ Virgili Colet A. Els orígens medievals de Catalunya // Ab Origine. 2024. Febrer 14. URL.: <https://aboriginemag.com/els-origens-medievals-de-catalunya/>

⁴ Comtats Catalans. URL.: https://ca.wikipedia.org/wiki/Comtats_catalans

⁵ Condados catalanes. URL.: https://es.wikipedia.org/wiki/Condados_catalanes

ролевству вестготов»¹, что позволяет как испанским историкам, так и участникам политики памяти автоматически определять исторические государства как испанские в политическом и этническом плане, игнорируя региональные особенности.

Поэтому такое восприятие прошлого в рамках каталано-испанской мемориальной конфронтации указывает на то, что «история – конструкция в значительной степени мифическая в том смысле, что она являет собой представление о прошлом, связанное с утверждением идентичности в настоящем» [12, р. 42]. В этом контексте историки, вовлеченные в проведение политики памяти, «играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма... историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты» [15, р. 60].

В такой ситуации кастильские историки склонны не только занимать негативную позицию в отношении идей своих каталонских коллег, но и обвинять их в политизации и идеологизации истории, которая проявляется в ее «просеивании через сито каталонизма»². Определение «испанская» активно используется сторонниками кастилоцентричной версии истории в их полемике с каталонскими националистами³ в силу того, что в подобных ситуациях мемориальных конфронтаций «при написании национальной истории неизбежно доминирует своеобразный этноцентризм» [8, с. 340]. В силу того, что «трансформация старинных преданий и легенд в "национальные истории" связана с формированием современной нации» [13], активисты мемориальной политики для создания и поддержания соответствующих моделей коллективной исторической памяти активно используют нарративы, связанные со средневековыми образами.

Если каталонские участники проекта актуализируют и подчеркивают именно каталонский характер этих средневековых государств, преувеличивая роль Барселоны (что в последние годы встречает критику⁴), то испанские, наоборот, дистанцируются от обозначения их этнической принадлежности. Если для каталонских исторических активистов «феодализм в Каталонии развивался на протяжении всего периода Каролингов благодаря экономическому и демографическому росту, который медленно, но постепенно менял соотношение сил внутри общества»⁵, содействуя генезису, развитию и упадку институтов, определяемых именно как «каталонские»⁶, то испанские авторы предлагают близкое определение⁷, избегая при этом чрезмерных каталонских коннотаций, акцентируя больше внимание не на региональной специфике, но социальных и политических институциях, фактически общих для феодального общества.

¹ Baydal V. Els mites nacionals espanyols i la seua idea del període medieval // Vent d Catalunya. 2023. Setembre 25. URL.: <http://www.ventdcatalunya.com/2023/09/els-mites-nacionals-espanyols-i-la-seua.html>

² La peculiar forma con la que se enseña en Cataluña la historia de Aragón. Adjudica al «Casal de Barcelona» la creació de la «Corona Catalanoaragonesa» y se apropia parte de Huesca // ABC Aragón. 2017. Mayo 31. URL.: https://www.abc.es/espana/aragon/abci-peculiar-forma-ensena-cataluna-historia-aragon-201705310932_noticia.html#vca=modulo&vso=abc&vmc=noticias-rel&vli=historia

³ Fernández-Miranda J. A Cataluña le ha ido bien en España // ABC. 2016. Abril 24. URL.: https://www.abc.es/espana/abci-cataluna-bien-espana-201604240623_noticia.html#vca=modulo&vso=abc&vmc=noticias-rel&vli=historia

⁴ Font Gort J. «Al segle XIII, l'element que distingeix Lleida en el territori català, i fins i tot en l'àmbit europeu, és la seva universitat» – Entrevista a Joan Busqueta Riu // Ab Origine. 2024. Gener 14. URL.: <https://aboriginemag.com/entrevistes/al-segle-xiii-lelement-que-distingeix-lleida-en-el-territori-catala-i-fins-i-tot-en-lambit-europeu-es-la-seva-universitat-entrevista-a-joan-busqueta-riu/>

⁵ Feudalisme a Catalunya. URL.: https://ca.wikipedia.org/wiki/Feudalisme_a_Catalunya

⁶ Plana García S. Vives Faig J. La naturalesa de les institucions catalanes a l'Antic Règim // Ab Origine. 2017. Març 19. URL.: <https://aboriginemag.com/debats/la-naturalesa-de-les-institucions-catalanes-a-lantic-regim/>

⁷ Feudalismo en Cataluña. URL.: https://es.wikipedia.org/wiki/Feudalismo_en_Cataluña

Если испанские активисты политики памяти избегают упоминания Каталонии в средневековых контекстах, то их каталонские оппоненты, наоборот, активны в своих попытках каталонизации прошлого региона, настаивая, что «мы можем говорить о Каталонии, поскольку она всегда имела свою конституционно организованную идентичность, хотя никогда не была независимой»¹. Сравнивая две фактически националистические версии истории средних веков, во внимание следует принимать то, что они возникли в результате инструментализации прошлого националистами. Развитие национализма и националистического политического и исторического воображения в современной Испании отягощено многосоставным характером социума. Поэтом в сложившейся ситуации «каталонские националисты не являются исключительными ксенофобами... они, скорее, сеют разногласия, разделяя общество и бросают вызов государству»² в силу того, что «история историков является и их идентичностью» [12, p. 43].

Несмотря на то, что в современном мире растет осознание того, что «необходимо продолжать деконструировать – критиковать и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе» [2, с. 95], агенты исторической политики подобные призывы и интеллектуальные стимулы воспринимают, ориентируясь на актуальные требования политической повестки дня. Если каталонские националисты последовательно каталонизируют средневековье, то их мадридские оппоненты не менее решительны в попытках декаталонизации и, как следствие, испанизации средневековья, настаивая, что «не было ни “Каталонского королевства”, ни “каталонских стран” ... Каталония, была частью римской и вестготской Испании и никогда не считалась государством. Фактически Каталония была одним из владений Арагонской короны... на основе династического союза родилась Корона Арагона, но не Корона Каталонии... термины, такие как “Каталонские страны”, “Каталонско-Арагонская конфедерация” или “Каталонско-Арагонская корона” малореальны»³. В противовес такой испанской критике каталонские участники мемориальной конфронтации указывают на то, что «каталонская нация возникла до XII века и понималась как единица, основанная на культуре, языке и этнической принадлежности»⁴.

Испанские и каталонские агенты исторической политики столь активны в инструментализации средневековой истории, так как XX век актуализирует в большей степени негативный опыт, связанный с «тяжестью и отклонением от "нормального" пути, то перед элитами и обществом неизбежно встает задача прощания с наследием и преодоления негативного опыта, исправления собственной траектории развития» [5, с. 37], что достигается не только путем идеализации средневекового государственного и политического наследия, но им его политизации путем намеренного навязывание современных форм идентичности средневековым государствам.

По мнению исследователей мемориальной культуры, «от прошлого хотят избавиться: это справедливо, потому что в его тени жить невозможно» [11, p. 91], но подобная логика развития исторической памяти не работает в испанском обществе, так как агенты испанское общество на национальном и региональном уровне зависимо от манипуляций с прошлым, в

¹ Taberner M.G. «Espanya no existia el 1714» – Entrevista a Josep Maria Fradera // Ab Origine. 2017. Setembre 30. URL.: <https://aboriginemag.com/entrevistes/espanya-no-existia-el-1714/>

² Juan Pablo Fusi: «Se ha resquebrajado la plena unidad soberanista de Cataluña» // ABC Cultura. 2015. Diciembre 13. URL.: https://www.abc.es/cultura/abci-juan-pablo-fusi-resquebrajado-plena-unidad-soberanista-cataluna-201512131416_noticia.html

³ Villatoro M.P. La gran mentira del 'Estado catalán', el falso país aplastado tres veces por España desde 1873 // ABC. 2019. Abril 26. URL.: https://www.abc.es/historia/abci-gran-mentira-estado-catalan-falso-pais-aplastado-tres-veces-espana-desde-1873-201709210307_noticia.html

⁴ Casas Perpinyà H., Cantoni Gómez G. Podem parlar de «Catalunya» durant l'edat mitjana? // Ab Origine. 2020. Març 25. URL.: <https://aboriginemag.com/debats/podem-parlar-de-catalunya-durant-ledat-mitjana/>

том числе – со средневековым. Испанская сторона в этой мемориальной конфронтации в большей степени заинтересована в поиске «общего прошлого для множества иберийских городов и территорий, составлявших Испанию, несмотря на то, что они имели мало или вообще не имели ничего общего с этой политической организацией»¹, под которой понимается испанская монархия. Поэтому в испанском дискурсе средневековье как исторический период в большей степени именно испанизировано, а каталонский опыт воспринимается как региональная форма и версия испанского. Каталонские участники политики памяти, наоборот, указывают своим испанским критикам и оппонентам, что не только государственные, но и этнические и языковые границы были подвижны, что позволяет им писать о «политически каталонских территориях»².

Последние воспринимаются как пространство, где «наши средневековые предки называли Каталонию своим домом»³. Фактор политической раздробленности не смущает современных каталонских участников исторической политики, который настаивают на том, что последняя в значительной степени смягчалась развитием культурной и языковой общности. Именно поэтому ими активно продвигается нарратив, согласно которому «общество отождествляло себя со своим собственным языком, каталанским, который был представлен в письменных текстах, несмотря на доминирование латыни»⁴. В рамках испанского видения истории подчеркивается, что Каталония – это «лишь одно из множества королевств и земель, которые в конечном итоге вошли в состав Испании. Каталонский случай далеко не уникален. Этот процесс имел много общего с образованием других великих европейских королевств, таких как Франция и Великобритания»⁵.

Каталонские активисты политики памяти с такой интерпретацией несогласны, подчеркивая, что в исторических государствах на территории Испании «кристаллизовались коллективные идентичности домодерного типа и разнообразные этнические группы, связанные с политико-административными структурами или собственными романскими языками... в том числе с каталанским... конечным результатом событий длительного средневекового периода стала ситуация политического, культурного и идентичного плюрализма»⁶, который каталонскими активистами подчеркивается, а испанскими – интегрируется. В целом, каталонские авторы склонны актуализировать и подчеркивать особенности и региональную специфику каталонского национализма, указывая, например, на то, что «Каталония сохранила свою собственную политическую и институциональную структуру, сравнимую со структурой Королевств Арагон и Валенсия»⁷.

Испанские авторы с таким видением явно несогласны. В этой ситуации прошлое подвергается значительной политизации, так как «историю можно использовать для достижения любых целей, даже диаметрально противоположных» [10]. Несмотря на то, что некоторые из них признают, что «современная идея нации или государства совершенно не типич-

¹ Baydal V. Els mites nacionals espanyols i la seua idea del període medieval // Vent d Cabylia. 2023. Setembre 25. URL.: <http://www.ventdcabylia.com/2023/09/els-mites-nacionals-espanyols-i-la-seua.html>

² Mayolas P. La Franja de Ponent, territori català durant l'Edat Mitjana i el Renaixement // l'Institut Nova Història. 2013. Abril 19. URL.: <https://www.inh.cat/articles/La-Franja-de-Ponent-territori-catala-durant-l-Edat-Mitjana-i-el-Renaixement/&>

³ Casas Perpinyà H., Cantoni Gómez G. Podem parlar de «Catalunya» durant l'edat mitjana? // Ab Origine. 2020. Març 25. URL.: <https://aboriginemag.com/debats/podem-parlar-de-catalunya-durant-ledat-mitjana/>

⁴ Virgili A. Els orígens medievals de Catalunya // Ab Origine. 2024. Febrer 14. URL.: <https://aboriginemag.com/els-origens-medievals-de-catalunya/>

⁵ Fernández-Miranda J. A Cataluña le ha ido bien en España // ABC. 2016. Abril 24. URL.: https://www.abc.es/espana/abci-cataluna-bien-espana-201604240623_noticia.html#vca=modulo&vso=abc&vmc=noticias-rel&vli=historia

⁶ Baydal V. Els mites nacionals espanyols i la seua idea del període medieval // Vent d Cabylia. 2023. Setembre 25. URL.: <http://www.ventdcabylia.com/2023/09/els-mites-nacionals-espanyols-i-la-seua.html>

⁷ Catalunya a la Corona d'Aragó. URL.: https://ca.wikipedia.org/wiki/Catalunya_a_la_Corona_d'Aragó

на для Средневековья»¹, другие все-таки интерпретируют историю средних веков через призму национализма, утверждая, что «Каталония является Испанией с 1479 года»², настаивая, что ее жители имели не каталонскую, но испанскую идентичность. Каталонские участники политики памяти с таким видением прошлого принципиально несогласны, настаивая, что Испании как политической единицы не существовало, так как идея лояльности нации была подменена принципами верности монархии³.

В этом контексте, если для испанских историков время правления католических королей является примером прогресса, появлением современной Испании и завершением средних веков, то для каталонских авторов «процесс соединения Каталонии с Кастилией стал национальной катастрофой, которая начинает период упадка»⁴, что фактически институционализирует каталонскую националистическую версию понимания средневековья, основанную на его идеализации, так как именно тогда существовала независимая государственность, которой в настоящее время каталонцы, как политическая нация, лишены.

Кроме этого, испанскими активистами исторической политики в рамках мемориальной конфронтации с каталонцами подчеркивается опасность каталонских интеллектуалов последовательно каталонизировать исторические средневековые государства. Поэтому подчеркивается, что «“Каталонско-Арагонская Корона” – это термин, который в течение многих лет придумывался движением за независимость», чтобы «возвысить каталонские графства до ранга исторического государства, высшей институциональной категорией которого была Княжество, интегрированное в Корону Арагона»⁵. Для современного общества характерен «широкий спектр реакций на прошлое, начиная с элементарных символов, неосознанных фрагментов информации о прошлом, представлений о причинных взаимосвязях и заканчивая историческими доктринами и схемами, которые ежедневно входит в сознание людей» [6, с. 180], включая восприятие средневековых образов.

Образы средневековой государственности в современной мемориальной культуре в значительной степени мифологизированы. В историографии подчеркивается, что «по своей форме и содержанию политический миф подобен сакральному – это также рассказ о прошлом, нынешнее или predetermined будущее: о начала государств и народов, временах расцвета, великих битвах и подвигах героев, возрождении и т.п., только лица и события здесь обычно реальные. Его значение также сравнимо с весом мифа в древнем обществе: не имея статуса сакрального, он обладает авторитетом истины для своей группы, воспринимается ею как поучительный, как образец для подражания» [7, с. 216]. Именно в качестве таких идеальных моделей воспринимаются каталонские средневековые формы исторической государственности, так как для современного национализма концепты «государственность» и «независимость» относятся к числу центральных и определяющих основные векторы и траектории развития националистического движения.

Восприятие «Княжества Каталонии» также связано с каталано-испанской мемориальной конфронтацией. Если по каталонской версии это было «средневековое и современное

¹ Alonso R. La mitificada independencia de Cataluña durante la Edad Media // ABC. 2017. Septiembre 17. URL.: https://www.abc.es/historia/abci-mitificada-independencia-cataluna-durante-edad-media-201709170222_noticia.html

² Fernández-Miranda J. A Cataluña le ha ido bien en España // ABC. 2016. Abril 24. URL.: https://www.abc.es/espana/abci-cataluna-bien-espana-201604240623_noticia.html#vca=modulo&vso=abc&vmc=noticias-rel&vli=historia

³ Taberner M.G. «Espanya no existia el 1714» – Entrevista a Josep Maria Fradera // Ab Origine. 2017. Setembre 30. URL.: <https://aboriginemag.com/entrevistes/espanya-no-existia-el-1714/>

⁴ Baydal V. Els mites nacionals espanyols i la seua idea del període medieval // Vent d Catalunya. 2023. Setembre 25. URL.: <http://www.ventdcatalunya.com/2023/09/els-mites-nacionals-espanyols-i-la-seua.html>

⁵ La peculiar forma con la que se enseña en Cataluña la historia de Aragón. Adjudica al «Casal de Barcelona» la creación de la «Corona Catalanoaragonesa» y se apropia parte de Huesca // ABC Aragón. 2017. Mayo 31. URL.: https://www.abc.es/espana/aragon/abci-peculiar-forma-ensena-cataluna-historia-aragon-201705310932_noticia.html#vca=modulo&vso=abc&vmc=noticias-rel&vli=historia

государство, созданное союзом каталонских графств, которые находились под юрисдикцией короля Арагона и графа Барселоны Альфонсо I Трубадура с 1162 года. Правители Княжества Каталония имели достоинство графов Барселоны. Княжество находилось на протяжении большей части своего существования в династическом союзе с Королевством Арагон и другими территориями, образуя Корону Арагона»¹, то в испанском восприятии подчёркивается, что это было «политическое образование, существовавшее на протяжении большей части Средневековья и Нового времени на территории, соответствующей нынешнему испанскому автономному сообществу, Каталония»².

Кроме этого, во внимание следует принимать и само значение средневековых нарративов для каталонской идентичности, так как «для каталонцев средневековье было бы временем зарождения и расцвета нации и языка... эпохой создания первых литературных текстов на каталанском языке... выделения ценностей, которые дистанцируют каталонцев от кастильцев»³. Если каталонские исторические активисты склонны последовательно национализировать и каталонизировать средневековый политический опыт, то их испанские оппоненты не менее последовательны в своем непризнании и отрицании подобных практик, настаивая, что «в Средние века не было никаких упоминаний ни о “Катало-Арагонской конфедерации”, ни о “королях Каталонии-Арагона”, ни “королевства Каталонии”. Ко всему этому следует добавить, что Барселона никогда не была княжеством как таковым, поскольку этот титул использовался графами без какого-либо политического подтекста, с единственной целью показать свое превосходство над остальными»⁴.

Каталонские авторы не могут такие идеи оставить без внимания, что ведет к культивированию и продвижению ими мифа об испанском национализме как политической и идеологической реинкарнации франкизма, так как он «бросает вызов конституционному порядку и автономному государству, мешая и препятствуя стабильности политического порядка»⁵. В этом контексте становится заметным расхождение в понимании, интерпретации, а также политически и идеологически мотивированном использовании и применении средневековой истории в рамках политического воображения.

4. Заключение

Подводя итоги статьи, во внимание следует, ряд факторов, которые самым существенным образом влияют на основные векторы и траектории трансформации и развития медиавалистского дискурса в современной мемориальной культуре испанского общества в условиях конфронтации между различными памятьями, которые претендуют на статус национальных.

Развитие медиавализма как фактора мемориальной конфронтации в современной Испании в значительной степени связано с общей незавершенностью процессов национально-го строительства. Формально большинство этнических групп на территории Испании обладают необходимыми признаками нации как политического сообщества. Вместе с тем политика Мадрида в отношении регионов, которые в условиях процесса демократизации получили статус автономных сообществ, по-прежнему продолжает отличаться снисходительным или откровенно негативным отношением.

¹ Principat de Catalunya. URL.: https://ca.wikipedia.org/wiki/Principat_de_Catalunya

² Principado de Cataluña. URL.: https://es.wikipedia.org/wiki/Principado_de_Cataluña

³ Baydal V. Els mites nacionals espanyols i la seua idea del període medieval // Vent d Cabylia. 2023. Setembre 25. URL.: <http://www.ventdcabylia.com/2023/09/els-mites-nacionals-espanyols-i-la-seua.html>

⁴ Alonso R. La mitificada independència de Catalunya durant la Edat Mitjana // ABC. 2017. Setembre 17. URL.: https://www.abc.es/historia/abci-mitificada-independencia-cataluna-durante-edad-media-201709170222_noticia.html

⁵ Juan Pablo Fusi: «Se ha resquebrajado la plena unidad soberanista de Cataluña» // ABC Cultura. 2015. Diciembre 13. URL.: https://www.abc.es/cultura/abci-juan-pablo-fusi-resquebrajado-plena-unidad-soberanista-cataluna-201512131416_noticia.html

В такой ситуации местные интеллектуальные и политические сообщества начинают активно использовать ресурс этнического и политического национализмов. Успешная националистическая мобилизация в современной Испании представляется маловероятной без использования исторического прошлого, что ведет к инструментализации истории, ее превращению в важный ресурс политической легитимации и мобилизации. На решение подобных задач направлена историческая политика, активно проводимая региональными политическими элитами. Несмотря на крайне важное политическое значение именной новейшей истории, акторы и агенты исторической политики, вовлеченные в формирование и развитие не только мемориальных культур, но и принимающие участие в войнах памяти, активно апеллируют к средневековому наследию.

В такой ситуации медиэвализм в современном испанском политическом, культурном и интеллектуальном дискурсе существенно расширяет свои границы. Если в других странах Запада медиэвализм представлен преимущественно интеллектуальное и культурное течение, то современное испанское общество оказалось способно трансформировать и осознать медиэвалистский дискурс как политический. В этой ситуации средневековая риторика, коллективная память о государственностях и политических институтах, хронологически восходящих к периоду средневековья, активно используются региональными интеллектуальными сообществами во взаимной полемике друг с другом. Наиболее ярким примером такой идеологически мотивированной инструментализации медиэвализма является кастильско-каталонская мемориальная конфронтация, связанная с диаметрально отличными и противоположными моделями интерпретации средневековой истории Каталонии, которых придерживаются интеллектуальные сообщества в Испании.

В целом нельзя исключать, что ресурс медиэвализма в дальнейшем будет активно использоваться в рамках современной исторической политики памяти Испании. Нерешенность проблем и противоречий между Мадридом и Барселоной будет содействовать тому, что интеллектуалы могут также активно использовать потенциал медиэвалистских образов для решения актуальных, стоящих перед ними политических задач. Таким образом, медиэвализм в современной Испании стал важным фактором исторической политики, что привело к его интеграции в различные мемориальные культуры, превратив медиэвалистские образы в компонент как исторической политики, так войн памяти.

Список источников и литературы

1. Аўтўэйт, Ё., Рэй, Л. (2006). *Мадэрнасць, памяць і посткамунізм* // Палітычная сфера. № 6. С. 27 – 43.
2. Баркоўскі, П. (2013). *Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер* // Палітычная сфера. № 21 (2). С. 93 – 96
3. Досс, Ф. (2013). *Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны* // Гаррета, Г., Дюфо, Г, Пименова, Л. Как мы пишем историю. М.: РОССПЭН, С. 9 – 56.
4. Копосов, Н. (2013). *Исторические понятия в мире без будущего* // Гаррета, Г., Дюфо, Г, Пименова, Л. (2013). Как мы пишем историю. М.: РОССПЭН, С. 57 – 93.
5. Ластоўскі, А. (2016). *Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка* // Палітычная сфера. № 24 (1). С. 37 – 55.
6. Маркава, А. (2012). *Гістарычная свядомасць як прадмет самарэфлексіі ў чэшскай гістарыяграфіі* // Беларускі Гістарычны Агляд. Т. 19. Сш. 1 – 2 (36 – 37). С. 179 – 212.
7. Сагановіч, Г. (2012). *Палітычны міф у гістарычнай памяці і гісторыяпісанні* // Беларускі Гістарычны Агляд. Т. 19. Сш. 1 – 2 (36 – 37). С. 213 – 238.
8. Усманова, Д. (2003). *Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков* // *Ab Imperio*. No 3. С. 337 – 360.

9. Шнирельман В.А. (2003). *Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье*. М.: Академкнига, 592 с.
10. Шыдэр, Т. (1998). *Роля гістарычнай свядомасці ў палітыцы* // Беларускі гістарычны агляд. Т. 5. Сш. 1. С. 138 – 150. URL.: <http://bha.knihi.com//05-01/08.htm>
11. Adorno, Th. (2005). *The Meaning of Working Through the Past* // Adorno Th. *Critical Models: Interventions and Catchwords* / trans. H.W. Pickford. NY.: Columbia University Press, P. 89 – 103.
12. Friedman, J. (2001). *History, Political Identity and Myth* // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. No 1. P. 41 – 62.
13. Rychlik, J. (2006). *Národ jako product sociální komunikace? Příspěvek ke komparaci českého a bělo-ruského „modelu“* // Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model / Sborník příspěvků z konference konané 4. – 6.7.2006 v Praze. Praha: UK FHS, S. 29-40.
14. Shnirelman, V. (2009). *Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia* // Nationalities Papers. Vol. 37. No 5. P. 557 – 587.
15. Smith, A. D. (1992). *Nationalism and the Historians* // International Journal of Comparative Sociology. Vol. 33. No 1 – 2. P. 58 – 80.

References

1. Aūtūejt, Ū., Rej, L. (2006). *Madernasć, pamiać i postkamunizm* [Modernity, memory and post-communism] in *Palityčnaja sfera*. 6, 27 – 43. (in Belarussian).
2. Barkoŭski, P. (2013). *Inteliectualny manifest: tut i ciapier* [Intellectual manifesto: here and now] in *Palityčnaja sfera*. 21, 93 – 96 (in Belarussian).
3. Doss, F. (2013). *Kak segodnya pishetsya istoriya: vzglyad s frantsuzskoy storony* [How history is written today: a view from the French side] in Garreta, G., Dyufo, G, Pimenova, L. *Kak my pishem istoriyu* [How we write history]. Moscow, ROSSPEN, 9 – 56. (in Russian).
4. Kopusov, N. (2013). *Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego* [Historical concepts in a world without a future] in Garreta, G., Dyufo, G, Pimenova, L. *Kak my pishem istoriyu* [How we write history]. Moscow, ROSSPEN, 57 – 93 (in Russian).
5. Lastoŭski, A. (2016). *Prapracouška kamunistyčnaha minulaha ŭ Slavakii: asnoŭnyja faktary i dynamika* [Processing of the communist past in Slovakia: main factors and dynamics] in *Palityčnaja sfera*. 24 (1), 37 – 55. (in Belarussian).
6. Markava, A. (2012). *Historyčnaja sviadomasć jak pradmiet samarefleksii ŭ češskaj historyjahrafii* [Historical consciousness as a subject of self-reflection in Czech historiography] in *Bielaruski Historyčny Ahliad*. 19(1 – 2), 179 – 212. (in Belarussian).
7. Sahanovič, H. (2012). *Palityčny mif u historyčnaj pamiaci i historyjapisanni* [Political myth in historical memory and historiography] in *Bielaruski Historyčny Ahliad*. 19(1 – 2), 213 – 238 (in Belarussian).
8. Usmanova, D. (2003). *Sozdavaya natsional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskiye i intellektual'nyye debaty na rubezhe vekov* [Creating a national history of the Tatars: historiographical and intellectual debates at the turn of the centuries] in *Ab Imperio*, 3, 337 – 360. (in Russian).
9. Shnirel'man, V. A. (2003). *Voiny pamyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'ye* [Memory Wars. Myths, identity and politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga. (in Russian).
10. Šyder, T. (1998). *Rolia historyčnaj sviadomasci ŭ palitycy* [The role of historical consciousness in politics] in *Bielaruski historyčny ahliad*. 5(1), 138 – 150. URL.: <http://bha.knihi.com//05-01/08.htm> (in Belarussian).
11. Adorno, Th. (2005). *The Meaning of Working Through the Past* In Adorno Th. *Critical Models: Interventions and Catchwords* / trans. H.W. Pickford. New York, Columbia University Press, 89 – 103.

12. Friedman, J. (2001). *History, Political Identity and Myth in Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*, 1, 41 – 62.
13. Rychlik, J. (2006). *Národ jako product sociální komunikace? Příspěvek ke komparaci českého a bělo-ruského „modelu”* in *Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model / Sborník příspěvků z konference konané 4. – 6.7.2006 v Praze*. Praha, UK FHS, 29 – 40.
14. Shnirelman, V. (2009). *Aryans or Proto-Turks? Contested Ancestors in Contemporary Central Asia* in *Nationalities Papers*, 37 (5), 557 – 587.
15. Smith, A. D. (1992). *Nationalism and the Historians* in *International Journal of Comparative Sociology*, 33 (1 – 2), 58 – 80.

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-128-136>
УДК 94(450).092

ОБРАЗ ИТАЛЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ИТАЛО-ЭФИОПСКОЙ ВОЙНЫ 1895-1896 ГГ. В РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ТОЛКА

*И.Т. Шатохин**,
М.О. Шашков

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Ул. Студенческая, д. 14, Белгород, Российская Федерация*

Аннотация.

Введение. В статье рассматривается проблема функционирования и трансформация образа итальянского государства в период первой итало-эфиопской войны 1895-1896 гг. в российской журнальной периодической печати либерального толка. Особое внимание уделено оценкам битвы при Адуа 1 марта 1896 года и его значения в изменении политического стереотипа в России об Италии. Актуальность исследования определяется тем, что прежде в отечественной историографии не уделяли внимания историко-имагологическим исследованиям о данном историческом периоде в русско-итальянских отношениях. **Материалы и методы.** Авторы опирались на материалы журналов «Русская мысль» и «Вестник Европы» как наиболее популярные и авторитетные либеральные издания в Российской империи рассматриваемого периода. Методологической основой исследования является методология исторической имагологии и, соответственно, ее понятийный аппарат (образ и стереотип). **Результаты.** Выделено два периода в развитии образа Италии в период Первой итало-эфиопской войны 1895-1896 гг. Первый период фиксируется с января 1895 года по март-апрель 1896 года. Данные границы связаны с временем нахождения у власти в стране премьер-министра Франческо Криспи. Итальянское государство и его политика в этот период, по оценкам либеральных журналистов, определялась «манией великодержавия», которая загоняло и без того разоренное население в еще больший финансовый упадок. Следующий хронологический этап связан с премьерством Антонио Старабба де Рудини, который фиксируется с марта-апреля 1896 года по 1 января 1897 года. В этот промежуток времени прежний образ итальянского государства и политический стереотип прекращает свое функционирование. Взамен него складывается постепенно новый стереотип. Теперь итальянское государство представлялось гораздо более умеренно, выделялась «большая осторожность в политике» и стремление к поддержанию статуса-кво. Данная оценка уже нейтрально-положительная, хоть и не такая яркая.

Ключевые слова: Первая итало-эфиопская война, периодическая печать, имагология, стереотип, Россия, Италия.

Для цитирования: Шатохин И.Т., Шашков М.О. (2024). Образ итальянского государства в период первой Итали-эфиопской войны 1895-1896 гг. в российской журнальной периодической печати либерального толка // История: факты и символы. 2024. № 2 (39). С. 128-136 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-128-136>

*Ответственный автор

Статья поступила: 19.03.2024

Статья принята в печать: 27.04.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Шатохин И., Шашков М., 2024

IMAGE OF THE ITALIAN STATE DURING THE FIRST ITALO-ETHIOPIAN WAR 1895-1896 IN THE RUSSIAN LIBERAL PERIODICAL PRESS

*Ivan T. Shatokhin *,
Maksym O. Shashkov*

*Belgorod State National Research University
St. Studencheskaya, 14, Belgorod, Russian Federation*

Abstract

Introduction. The article deals with the problem of functioning and transformation of the image of the Italian state during the first Italo-Ethiopian war of 1895-1896 in the Russian liberal periodical press. Special attention is paid to the assessments of the battle of Adua on 1 March 1896 and its significance in changing the political stereotype in Russia about Italy. The relevance of the study is determined by the fact that before in the domestic historiography no attention was paid to historical-imagological studies about this historical period in Russian-Italian relations. **Materials and methods.** The authors relied on the materials of the journals ‘Russian Thought’ and ‘Herald of Europe’ as the most popular and authoritative liberal publications in the Russian Empire of the period under consideration. The methodological basis of the study is the methodology of historical imagology and, accordingly, its conceptual apparatus (image and stereotype). **Results.** Two periods in the development of the image of Italy during the First Italo-Ethiopian War of 1895-1896 are identified. The first period is fixed from January 1895 to March-April 1896. These boundaries are associated with the time when Prime Minister Francesco Crispi was in power in the country. The Italian state and its policy during this period, according to liberal journalists, was defined by the ‘mania of great power’, which drove the already ruined population into even greater financial decline. The next chronological phase is associated with the premiership of Antonio Starabba de Rudini, which is recorded from March-April 1896 to 1 January 1897. In this period of time the former image of the Italian state and political stereotype ceases to function. Instead of it a new stereotype is gradually formed. Now the Italian state was presented much more moderately, ‘great caution in politics’ and aspiration to maintain the status quo were emphasised. This assessment is already neutral-positive, though not so bright.

Keywords: First Italo-Ethiopian War, periodicals, imagology, stereotype, Russia, Italy.

For citation: Shatokhin I., Shashkov M. (2024) Image of the Italian state during the first Italo-Ethiopian war 1895-1896 in the Russian liberal periodical press In *History: facts and symbols*, 2 (39), 128-136 <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-128-136>

Received: 19.03.2024

Revised: 27.04.2024

Published: 14.03.2024

*Corresponding author

© Shatokhin I., Shashkov M., 2024

1. Введение

Летом 1893 года Италия вступает в период финансового кризиса, который был связан с падением акций в крупнейших итальянских банках (Credito Mobigliare и Banca Generale), приведший к общему упадку в хозяйстве, а также спровоцировавший начало крестьянских и рабочих выступлений в стране, в которых наиболее активно действовали «fasci

siciliani dei lavoratori» (союзы трудящихся Сицилии), объединявшие рабочих и крестьян. Франческо Криспи, заняв пост премьер-министра 15 декабря 1893 года, старался исправить сложившуюся проблему путем увеличения налогового, пошлинного бремени и сокращения государственных затрат, что, в целом, исправило ситуацию. Однако конфликт, начавшийся в провинции Эфиопии Тыграй зимой 1894 года, как подавление мятежа раса (князя) Мангаша, подчинявшегося итальянскому правительству, и оккупация крупнейших городов в данной области, создавали все больше противоречий с императором Эфиопии Менеликом II, которые в итоге привели к полноценной войне. Это вынуждало постоянно выделять новые средства для усиления колониального корпуса в Африке. После поражения итальянцев при Адуа 1 марта 1896 года Криспи уходит в отставку. Так, период его премьерства оказался связан с военными неудачами и финансовым кризисом итальянского королевства [20, с. 306].

В то же время Франческо Криспи сохранял натянутые отношения с Францией через работу дискриминационных тарифов на французские товары, активно сотрудничал с Великобританией, что способствовало формированию образа итальянского государства у российской общественности.

После отставки 10 марта 1896 года Франческо Криспи к власти приходит новый премьер-министр Антонио Старабба де Рудини, который начинает радикальный поворот в политике. Взаимодействие в рамках Тройственного союза сокращается и начинается развитие отношений с Францией, отменяются тарифы на французские товары. С Россией налаживаются стабильные дипломатические контакты. Начинается переговорный процесс с Менеликом II, который приводит к заключению Аддис-Абебского мирного договора 26 октября 1896 года, завершившего Первую итало-эфиопскую войну.

2. Материалы и методы

В данном исследовании авторы опирались на журналы либерального толка, такие как «Вестник Европы» и «Русская мысль», так как они представляли собой наиболее значимые и авторитетные либеральные издания в Российской империи на тот период [17, с. 233].

В рамках статьи автор применял понятийный аппарат исторической имагологии. В основе всех имагологических исследований лежит изучение образа, который принимается авторами в определении А. С., Поршневой как «сложившийся на определенном историческом этапе образ во всем многообразии его понимания (народа, страны, группы людей, конкретной личности, организации, исторического процесса и явления и т.д.), который имеет некую значимость для исторической науки. Это сложная, синтетическая категория, представляющая собой динамическую систему представлений и мнений, обладающую как стереотипными, так и дифференцированными чертами, как рациональными, так и эмоциональными компонентами» [21, с. 128].

Особенностью имагологических исследований, изучающих некий политический образ и основанных на периодической печати, является неустойчивость стереотипа, в рамках которого оценивается то или иное явление (в данном случае – итальянская политика). Если этностереотипы удерживаются в обществе довольно долго и редко подвергаются глобальным изменениям [19, с. 30], то политические стереотипы могут претерпевать значительные изменения в связи с изменениями политической обстановки как внутри объекта восприятия (оцениваемого), так и субъекта (оценивающего) [23, с. 172].

Первый подход к проблеме восприятия российской общественностью политики Италии в отношении Эфиопии и оценки Уччальского договора был сделан авторами в недавней статье [25]. Однако продолжая изучение проблемы, авторы предлагают свой взгляд на проблему, опираясь на понятийный аппарат исторической имагологии.

3. Результаты

Одной из главных причин, которая обуславливала особенное отношение авторов «Русской мысли» и «Вестника Европы» к итальянскому государству, связана с внешне- и внутреннеполитической деятельностью премьер-министра Франческо Криспи.

Основной упрек внешней политике итальянского правительства обращен сделан за «манию великодержавия» [1, с. 186], благодаря которой, по мнению автора, Италия включалась в главные события мировой политики и, в том числе, в конфликт в Эфиопии. Негативным последствием для страны от обозначенной «мании» являлось то, что ни одно из этих предприятий не оправдано, а необходимо только для поддержания престижа великой державы. Но более важно, что в то же время, внутреннее состояние страны «печально и тревожно» [Там же]. Данный пример представляет собой первый политический стереотип, который фиксируется в российской либеральной периодике в этот период.

Аналогичную оценку можно наблюдать в номере «Вестника Европы» от июля 1895 года, в котором описывалась политическая составляющая открытия Кильского канала и в котором особое внимание уделено Италии. Морские державы привели туда в качестве демонстрации силы свои наиболее современные корабли. От Италии прибыло 10 кораблей, ровно сколько и от Великобритании. В связи с чем в номере был дан довольно резкий комментарий: «Итальянские патриоты с гордостью могли указывать своим голодающим соотечественникам на эти грозные корабли, воплощающие собой массу народных средств и не употребляемые ни для какой практической цели, но зато знаменующие **будто бы** (выделено автором) внешнее величие Италии» [11, с. 359]. И хотя итальянская эскадра была гораздо больше французской, но, как отмечает автор, «страна с разоренным населением вообще не может быть сильна как бы она не вооружалась» [Там же].

С учетом того, что образ итальянского государства тесно связан с личностью Франческо Криспи стоит осветить, как отнеслись авторы журналов к выборам в парламент в мае 1895 года. Прежде же стоит указать некоторые особенности, которые обусловили особое отношение российской общественности к данной проблеме. 11 января 1894 года оппозиционный политик Джованни Джолитти передал в парламент документы, указывающие на коррупционные связи семьи премьер-министра и банка «Banca Romana». В следствии этого работа парламента была приостановлена до 8 мая, когда он был распущен, и только 26 мая прошли новые выборы [18, с. 520]. В связи с этим среди российской либералов возлагалась определенные надежды на итог выборов.

В «Русской мысли» от февраля 1895 года появилась оценка, тесно связанная с описанным выше стереотипом. Так, заявляется: «Устранение от дел честолюбивого и неразборчивого на средства итальянского министра-президента повлечет за собой смягчение отношений между Францией и Италией, и, быть может, ослабление милитаризма, отказ от расширения колоний, большее внимание к настоятельным нуждам народных масс» [1, с. 187]. Схожую позицию мы видим и в номере «Русской мысли» от 1 мая [2, с. 207].

Связь этих суждений с политическим стереотипом о «мании великодержавия» заключается в том, что данная политика, по представлению либеральных журналистов, связана сугубо с личностью премьер-министра и стоит только ему утратить власть как ситуация в государстве радикально изменится.

После того, как парламентские выборы прошли для Криспи и его сторонников успешно, то и «Русская мысль», и «Вестник Европы» дают схожие оценки случившемуся.

В «Вестнике Европы» от июля 1895 года сперва отмечается, что «может быть, он (Криспи – прим. авторов) что-нибудь сделает для пользы итальянского народа...» [11, с. 372], но после этого сразу указываются противоположные этому действия правительства – «слабость к международному величию, к разорительным союзам и предприятиям...», уже упомянутая политическая акция в Кильском канале и «завоевательная колониальная поли-

тика в Африке» [Там же]. Все это, очевидно указывает на то, что Криспи, по мнению автора, вряд ли что-то сделает для благополучия итальянского народа.

Схожий, но гораздо менее броский комментарий, дан в «Русской мысли» в номере за июнь 1895 года. В основном, там сделали акцент на положении оппозиционного Криспи блока в парламенте, которому автор явно сочувствует [3, с. 175]. Также стоит отметить, что в предыдущем майском номере журнала была размещена относительно подробная статья об оппозиционной политике Феличе Кавалотти [22]. Это довольно необычно, так как тот же «Вестник Европы» в рассматриваемый период (1895-1896 гг.) не посвящал ни одной крупной статьи специально итальянской политике, а только давал комментарии в общей рубрике «Внешние известия».

Следующий важный раздел в рассматриваемом материале связан с обострением конфликта в Эфиопии. Своего пика он достиг в период от осени (октябрь-ноябрь) 1895 года по 1 марта 1896 года (битва при Адуа). Характерной особенностью освещения в российской либеральной печати данной войны является малая заинтересованность в самих военных действиях, соотношении сил и потерях. Поражения итальянцев были интересны для публицистов, прежде всего, тем, какое они оказывали влияние на внутреннюю политику страны и положение Криспи на политической арене.

Так, в номере «Русской мысли» от октября 1895 года дан минимум конкретики о положении дел на театре военных действий и все рассматривалось в рамках традиционного политического стереотипа, т.е. указывалось что «война с Абиссинией будет стоить ей (Италии – прим. авторов) дорого» [4, с. 204] и «ляжет новым и очень тяжелым бременем на итальянский народ». Однако правительство не стало отказываться от своего курса, так как ««Великодержавность» составляет его неизлечимую манию» [Там же]. В целом, «итальянский» раздел в статье посвящен в основном отношениям итальянского правительства с Ватиканом, а сведения о военном конфликте составляют его малую часть.

Первое поражение итальянских войск во время войны в битве при Амба-алаги 7-8 декабря 1895 года привлекло также мало внимания со стороны либеральных журналистов.

В декабрьском номере «Русской мысли» в одном предложении сообщалось о сражении, и сразу же шел переход на описание положения Криспи в стране после поражения итальянских войск. Но ничего нового не предлагается, все рассматривается в рамках привычного стереотипа: поражение – это жертвы, приносимые в пользу мании государственного величия, в то время как народ бедствует [5, с. 221-222]. В следующем номере за январь 1896 года – аналогичная оценка [6, с. 245]. Что интересно, высказывалось мнение, что Италия «разумеется, останется победительницей» [5, с. 221].

Автор статьи в номере «Вестника Европы» от января 1896 года рассуждал о поражении при Амба-алаги в схожем ключе, указывая что «Криспи верной рукой ведет Италию к политическому и финансовому банкротству. Военные приключения в Африке поглощают миллионы, вытягиваемые из полуголодного итальянского населения, и до сих пор не завершились даже внешней удачей...» [12, с. 405]. Автор приводил пример альтернативной Италии успешной политики, проводимой другой великой державой – Австро-Венгрией, которая присоединяла себе владения без лишних затрат и авантюр, развивала экономику и культуру, в то время как Италия «неудержимо идет по наклонной плоскости вниз» [Там же, с. 406].

Сражение при Адуа 1 марта 1896 года является ключевым эпизодом, в результате которого произошло радикальное изменение в образе итальянского государства в периодической печати, так как Франческо Криспи утратил власть и был назначен новый премьер-министр.

«Русская мысль» первой осветила итоги данного сражения в мартовском номере. Сообщалось о поражении итальянских войск, массовых выступлениях против продолжения войны, отставке Криспи и назначении Рудини на должность премьер-министра. Одним из

главных итогов называлось следующее: «Честолюбивые и воинственные планы, которые принесли столько зла Италии, на этот раз однако должны были отступить перед общественным негодованием...» [7, с. 198], но «будет безумием и преступлением, если кровь пролитая при Адуа, ... не помешает ... вести прежнюю наступательную и великодержавную политику» [Там же]. Так, можно наблюдать, что, хоть автор и был рад отставке Криспи, но все еще не был уверен в том, как будут развиваться события.

«Вестник Европы» в апрельском номере посвятил почти весь раздел «Внешние известия» итальянской политике и нуждается в особом рассмотрении. Во-первых, дана подробная характеристика сражению, рассказывается, как проходила битва, каково было соотношение сил сторон перед столкновением, сколько погибло солдат и т.д. [13, с. 859-861], что довольно нестандартно, так как до этого авторов журнала не интересовали военные детали. Во-вторых, автор вновь напоминал, что конфликт начался вследствие «патриотизма Криспи», который требовал «чтобы где-нибудь в Африке, вдали от Родины погибали тысячи итальянских патриотов, ради поддержания внешней репутации Италии...» [Там же, с. 861]. В-третьих, выделяется итог поражения Италии - отставка Криспи -, в результате чего «Итальянский народ должен был чувствовать себя облегченным, при окончательном падении этого **злого духа современной Италии** (выделено авторами)» [Там же, с. 865].

Обобщая рассмотренные оценки битвы при Адуа, мы наблюдаем, что с отставкой Криспи связывались надежды на радикальную перемену политического курса страны.

С этого момента, по сути, прекращают функционирование первоначально обозначенный политический стереотип и сложившийся образ итальянского государства. С этого момента до заключения мирного договора в Аддис-абебе 26 октября 1896 года начал формироваться новый образ. Он тесно связан с политикой Антонио Старабба де Рудини, которая заключалась в стабилизации внутреннего и внешнего положения государства – нормализация отношений с Россией и Францией, сокращение контактов в рамках Тройственного союза, изменения в составе правительства, отказ от продолжения войны в Африке и стремление к заключению мира.

В журнале «Русская мысль» за долгое время так и не сложилось какой-либо единой оценки политики Рудини.

В номере от мая 1896 года почти весь «итальянский» раздел был посвящен критике правительства Криспи и рефлексии по произошедшим событиям, в то время как о современном состоянии страны упоминается лишь в контексте надежды на то, что «национальное тщеславие не ослепит парламентское большинство и новое правительство, что оно обнаружит и благоразумие, и справедливость в своей внутренней и внешней политике» [8, с. 218].

Уже в августовском номере, обсуждая межфракционные прения в парламенте, автор обмолвился, что «кабинет Рудини не расточает народных средств и не вводит более или менее строгий порядок в финансовую администрацию» [9, с. 186]. Схожая ситуация в номере от октября 1896 года, где сообщалось, что правительство начало чаще прислушиваться к общественному мнению [10, с. 223].

В номерах «Вестника Европы» фиксируется подобное отношение к деятельности нового правительства. Сопоставляя его с правлением Франческо Криспи, авторы указывали на присущую кабинету де Рудини репутацию «безусловной честности» и были уверены в том, что материальное благополучие народа теперь должно обязательно измениться в лучшую сторону [14, с. 811].

Причина отсутствия яркого образа правительства де Рудини в либеральной периодике в этот период может также объясняться особенностью политики премьер-министра, обозначенной автором «Вестника Европы». Она заключалась в «благонамеренности, осторожности и **бесцветности** (выделено авторами)» [15, с. 840] политической программы, а также в стремлении сохранить статус-кво.

В январском 1897 года номере «Вестника Европы», в рамках которого традиционно подвели итоги политическим событиям ушедшего года, журналист выразил, в целом, идентичную мысль, обозначая итог деятельности нового премьера – «Большая осторожность в политике и расчетливость в финансах составляют главные характеристические черты министерства Рудини» [16, с. 407].

Так как радикальных перемен в политике Италии не произошло, то новый образ итальянского государства находился в зачаточном состоянии и был тесно связан с персоной премьер-министра, который вел умеренную политику.

4. Заключение

Можно условно выделить два хронологических этапа, связанных с функционированием разных образов итальянского государства и определяющих их политических стереотипов в представлении российской либеральной журналистики.

Первый период фиксируется с января 1895 года по март-апрель 1896 года. Данные границы связаны с нахождением у власти в стране премьер-министра Франческо Криспи. Итальянское государство и его политика в этот период, по оценкам либеральных журналистов, определялась «манией великодержавия», которая загоняло и без того разоренное население в еще больший финансовый упадок. Итало-эфиопский конфликт, прибытие крупной итальянской эскадры на открытие Кильского канала, и иная международная политическая активность связывалась именно с обозначенной «манией».

Возможное поражение сторонников Криспи на парламентских выборах в мае 1895 года рассматривалось как освобождение итальянского народа от действующей власти. Война в Эфиопии также не интересовала журналистов как самостоятельное явление, а воспринималась, прежде всего, в контексте ее влияние на положение правительства Криспи в стране.

Действие данного негативного политического стереотипа можно объяснить тем, что Италия в этот период переживала тяжелейший экономический кризис (бюджет каждый год в дефиците, теряли около 95 млн лир [18, с. 511]¹) и неприятием внешнеполитического курса Франческо Криспи (активное сотрудничество с Великобританией, противоречия с союзной Россией Францией, значимое взаимодействие в рамках Тройственного союза).

Следующий хронологический этап связан с премьерством Антонио Старабба де Рудини, который фиксируется с марта-апреля 1896 года до начала 1897 года. В этот промежуток времени прежний образ итальянского государства и политический стереотип прекращает свое функционирование. Взамен него складывается постепенно новый стереотип. Теперь итальянское государство представлялось гораздо более умеренно, выделялась «большая осторожность в политике» и стремление к поддержанию статуса-кво. Данная оценка уже нейтрально-положительная, хоть и не такая яркая.

Среди причин формирования такого образа итальянского государства в данный период стоит выделить: отказ от завоевательной политики в Эфиопии, гармонизация отношений с Россией и Францией, сокращение контактов в Тройственном союзе, постепенное улучшение экономической ситуации в стране².

Список источников и литературы

1. В. Г., Иностранное обозрение (1895) // Русская мысль. № 2. С. 185-191.
2. В. Г., Иностранное обозрение (1895) // Русская мысль. № 5. С. 201-210.
3. В. Г., Иностранное обозрение (1895) // Русская мысль. № 6. С. 168-175.
4. В. Г., Иностранное обозрение (1895) // Русская мысль. № 10. С. 202-208.

¹ Дефицит бюджета за 1894/1895 и 1895/1896 год составил 95 и 98 млн лир, соответственно.

² В 1896/97 дефицит составил только 36 млн лир.

5. В. Г., Иностранное обозрение (1895) // Русская мысль. № 12. С. 216–222.
6. Гольцев В., 1895 год в политическом отношении (1896) // Русская мысль. № 1. С. 244-250.
7. В. Г., Иностранное обозрение (1896) // Русская мысль. № 3. С. 198-203.
8. В. Г., Иностранное обозрение (1896) // Русская мысль. № 5. С. 217-224.
9. В. Г., Иностранное обозрение (1896) // Русская мысль. № 8. С. 184-190.
10. В. Г., Иностранное обозрение (1896) // Русская мысль. № 10. С. 217-225.
11. Иностранное обозрение (1896) // Вестник Европы. № 7. С. 358-374.
12. Иностранное обозрение (1896) // Вестник Европы. № 1. С. 395-409.
13. Иностранное обозрение (1896) // Вестник Европы. № 4. С. 859-871.
14. Иностранное обозрение (1896) // Вестник Европы. № 6. С. 800-814.
15. Иностранное обозрение (1896) // Вестник Европы. № 8. С. 836-850.
16. Иностранное обозрение (1897) // Вестник Европы. № 1. С. 397-408.
17. Есин, Б. И. (2008). *История русской журналистики XIX века*. Москва: Печатные традиции. 303 с.
18. Канделоро, Д. (1975). *История современной Италии: в 7 т.* Москва: Наука. Т. 6: *развитие капитализма и рабочего движения 1871-1896*. 581 с.
19. Лапина, Л. А. (2019). *Историческая имагология: проблема методов и категорий* // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4. С. 28-32.
20. *История Италии в 3 т.* (1970). / Отв. ред. К. Ф. Мизиано. Москва: Наука. Т. 2. 604 с.
21. Панфилова, М. И. (2015). *Образы Италии в культуре серебряного века* // Вестник Томского государственного университета. № 3. С. 5-16.
22. Поршнева, А. С. (2014). *Историческая имагология в современной российской историографии* // Бакунинские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв. Екатеринбург: УМЦ УПИ. С. 126-129.
23. С. В. Л., Феличе Кавалотти (1895) // Русская мысль. № 5. С. 90-104.
24. Урядова, А. (2020). *Историческая имагология: субъект и объект восприятия* // Przegląd wschodnioeuropejski. XI/2. С. 167-174.
25. Шатохин, И.Т., Шашков, М.О. (2023). «Африканские приключения Кристи»: восприятие российской общественностью политики Италии в отношении Эфиопии и оценки Уччальского договора // Tractus Aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. Т. 10 (4). С. 416-429.

References

1. V. G., *Inostrannoe obozrenie* (1895). [Foreign review] in *Russkaya mysl'*, 2, 185-191. (in Russian).
2. V. G., *Inostrannoe obozrenie* (1895). in *Russkaya mysl'* [Foreign review] in 5, 201-210. (in Russian).
3. V. G., *Inostrannoe obozrenie* (1895). [Foreign review] in *Russkaya mysl'*, 6, 168-175. (in Russian).
4. V. G., *Inostrannoe obozrenie* (1895). [Foreign review] in *Russkaya mysl'*, 10, 202-208. (in Russian).
5. V. G., *Inostrannoe obozrenie* (1895). [Foreign review] in *Russkaya mysl'*, 12, 216–222. (in Russian).
6. Gol'cev V., *1895 god v politicheskom otnoshenii* (1896). [1895 in politics] in *Russkaya mysl'*, 1, 244-250. (in Russian).
7. V. G., *Inostrannoe obozrenie* (1896). [Foreign review] in *Russkaya mysl'*, 3, 198-203. (in Russian).
8. V. G., *Inostrannoe obozrenie* (1896). [Foreign review] in *Russkaya mysl'*, 5, 217-224. (in Russian).

9. V. G., *Inostrannoe obozrenie* (1896). [Foreign review] in *Russkaya mysl'*, 8, 184-190. (in Russian).
10. V. G., *Inostrannoe obozrenie* (1896). [Foreign review] in *Russkaya mysl'*, 10, 217-225. (in Russian).
11. *Inostrannoe obozrenie* (1896). [Foreign review] in *Vestnik Evropy*, 7, 358-374. (in Russian).
12. *Inostrannoe obozrenie* (1896). [Foreign review] in *Vestnik Evropy*, 1, 395-409. (in Russian).
13. *Inostrannoe obozrenie* (1896). [Foreign review] in *Vestnik Evropy*, 4, 859-871. (in Russian).
14. *Inostrannoe obozrenie* (1896). [Foreign review] in *Vestnik Evropy*, 6, 800-814. (in Russian).
15. *Inostrannoe obozrenie* (1896). [Foreign review] in *Vestnik Evropy*, 8, 836-850. (in Russian).
16. *Inostrannoe obozrenie* (1897). [Foreign review] in *Vestnik Evropy*, 1, 397-408. (in Russian).
17. Esin, B. I. (2008). *Istoriya russkoj zhurnalistiki XIX veka* [The history of Russian journalism of the XIX century]. Moscow, Pechatnye tradicii. 303 p. (in Russian).
18. Kandeloro, D. (1975). *Istoriya sovremennoj Italii: v 7 v* [History of modern Italy]. Moskva: Nauka. V. 6: *razvitiye kapitalizma i rabocheho dvizheniya 1871-1896* [The development of capitalism and the labor movement 1871-1896] (in Russian).
19. Lapina, L. A. (2019). *Istoricheskaya imagologiya: problema metodov i kategorij* [Historical imagology: the problem of methods and categories] in *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4, 28-32. (in Russian).
20. *Istoriya Italii v 3 v.* (1970) [The history of Italy]. Otv. red. K. F. Miziano. Moscow, Nauka, 2. 604 p. (in Russian).
21. Panfilova, M. I. (2015). *Obrazy Italii v kul'ture serebryanogo veka* [Images of Italy in the culture of the Silver Age] in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 5-16. (in Russian).
22. Porshneva, A. S. (2014). *Istoricheskaya imagologiya v sovremennoj rossijskoj istoriografii* [Historical Imagology in Modern Russian Historiography] in *Bakuninskie chteniya: industrial'naya modernizaciya Urala v XVIII-XXI vv.* Ekaterinburg, UMC UPI, 126-129. (in Russian).
23. S. V. L., *Feliche Kavalotti* (1895) [Felice Cavallotti] in *Russkaya mysl'*, 5. P. 90-104. (in Russian).
24. Uryadova, A. (2020). *Istoricheskaya imagologiya: sub"ekt i ob"ekt vospriyatiya* [Historical imagology: the subject and the object of perception] in *Przeglad wschodnioeuropejski*. XI/2, 167-174. (in Russian).
25. Shatohin, I. T., Shashkov, M. O. (2023). «*Afrikanskie prikljuchenija Krispi*»: *vospriyatie rossijskoj obshhestvennost'ju politiki Italii v otnoshenii Jefiopii i ocenki Uchchal'skogo dogovora* ["The African Adventures of Crispi": the perception of the Russian public of Italy's policy towards Ethiopia and the assessment of the Uccala Treaty] in *Tractus Aevorum: jevoljucija sociokul'turnyh i politicheskikh prostranstv.*, 10 (4), 416-429. (in Russian).

Вклад авторов:

И. Т. Шатохин: разработка концепции статьи, анализ полученных данных, написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи.

М. О. Шашков: получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи.

Authors' contributions:

Ivan T. Shatohin: writing the text of the manuscript, analyzing the data obtained, writing the text of the manuscript, reviewing publications on the topic of the article.

Mikhail O. Shashkov: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained, writing the text of the manuscript, reviewing publications on the topic of the article.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-137-141>

УДК 980 (470)

**РЕТРОСПЕКТИВЫ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ТРОПИН Н.А. СТАРЫЙ ЕЛЕЦ И ЕЛЬЧАНЕ:
ТЕНИ ПРОШЛОГО. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2023. 176 с.**

Ю.В. Степанова

*Государственный Архив Воронежской области,
ул. Плехановская, д.7, г. Воронеж, 394018, Россия*

Для цитирования: Степанова, Ю. В. (2024). Ретроспективы локальной истории [рецензия на книгу: Тропин Н.А. Старый Елец и ельчане: тени прошлого]. (Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2023. 176 с.) // История факты и символы. № 2 (39). С. 137-141 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-137-141

Статья поступила: 21.01.2024

Статья принята в печать: 27.02.2024

Статья опубликована: 14.06.2024

© Степанова Ю., 2024.

**RETROSPECTIVES OF LOCAL HISTORY
[BOOK REVIEW: TROPIN N.A. OLD YELETS AND THE YELCHANS: SHADOWS OF
THE PAST]. (Yelets: I.A. Bunin YSU, 2023. 176 p.)**

Yulia Stepanova

*State Archive of the Voronezh Region,
str. Plekhanovskaya, 7,
Voronezh, 394018, Russia*

For citation: Stepanova Y. (2024). Retrospectives of local history [book review: Tropin N.A. Old Yelets and the yelchans: shadows of the past]. (Yelets: Bunin YSU, 2023. 176 p.) in *History: facts and symbols*, 2 (39), 137-141

doi.org/10.24888/2410-4205-2024-39-2-137-141

Received: 21.01.2024

Revised: 27.02.2024

Published: 15.03.2024

© Stepanova Y., 2024

Исследования в рамках локальной истории являются наиболее распространенными, что, вообще, не снижает их актуальности в связи с разработкой крупных научных тем. Новая книга известного исследователя региональной истории и археологии проф. Н.А. Тропина вполне соответствует этому направлению и той традиции, которая сформировалась в Елецком государственном университете им. И.А. Бунина по исторической проблематике вот уже как почти 30 лет [1].

Публикация книги была приурочена к 60-летию ученого, в которой как в калейдоскопе отражены его многолетние научные изыскания в виде научных статей, содержание которых соответствует кругу его научных интересов. В ней он выступает, прежде всего, как историк, увлеченный локальной историей, хотя более трети века изучает археологию Ельца и его округа [8]. Следует сказать, что Н.А. Тропин, являясь выпускником Воронежского госуниверситета (1987), в своих исследованиях фактически продолжает традиции научной школы своих университетских учителей и коллег. Это проявляется как в статьях археологического блока, где внимание уделяется объектам археологического наследия и историзму полученных результатов, а также статьях по региональной истории, посвященных истории развития исторических знаний в провинции, истории образования, генеалогии и др.

Книга состоит из трёх разделов, имеющих непосредственное отношение к истории города. В первом разделе – «Археология Ельца» – исследуется древний культурный слой города и концентрируется внимание читателей на результатах его исследований. Особый акцент сделан на Воргольском городище – ближайшем к Ельцу памятнике археологии. В статьях данного раздела исследуется пласт материальной и духовной культуры уникального елецкого пространства с его археологическим наследием. Н.А. Тропину удалось наглядно показать территорию культурного слоя города с древнерусскими находками, т.е. фактически границу летописного Ельца. Впервые с опорой на археологический материал им сформулирована гипотеза о возможно более раннем времени возникновения города, уходящем в славянскую эпоху с лепной керамикой. В связи с этим любопытным могут быть результаты раскопок Воргольского городища, где найдены значительные свидетельства славянского времени. Эти результаты, а это первые раскопки на территории елецкой округи, рассмотрены на широком фоне историко-культурного ландшафта долины р. Воргол. Значение публикуемых результатов раскопок Воргольского городища, прежде всего, за 2007 год, велико в том, что они открывают новое понимание специфики материальной культуры верхнедонских славян, заставляют задуматься над сложившимися историографическими стереотипами в изучении донских славян.

Отметим, что выводы Н.А. Тропина по изучению города опираются на результаты археологических раскопок и разведок 20-30 летней давности и не учитывают в данных публикациях соответствующие исследования на территории города и его округа за последние 10 лет, проводимые преимущественно археологами из ООО «Черноземье». Объемы раскопок в городе за это время значительно выросли, получены новые материалы к его позднесредневековой истории и новые картографические данные о заселении территории. Этот недостаток, прежде всего, объясним не только отсутствием постановки такой задачи у Н.А. Тропина, но и отсутствием развернутых научных публикаций по новейшим исследованиям у археологов из ООО «Черноземье».

Статьи второго раздела – «Из истории города» – включают материалы по хозяйственному развитию Ельца, его социальному облику, становлению и развитию системы образования. Эти работы связаны с историко-культурным наследием, сохранившимся в памятниках письменности и архитектуры. Этим разделом автор показывает направления перспективных научных поисков в рамках социально-экономического, культурного развития российского средневековья и Нового времени. Многие сюжеты, отражающие данный раздел книги, в настоящее время находятся в сфере научных интересов и других, в том числе, молодых историков Елецкого госуниверситета [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Публикуемые статьи в разделе «Из истории города» неравнозначны по тематике и по кругу использованных архивных источников. Первая статья о хозяйственном развитии Ельца XVII века базируется на опубликованных документах и апробированных выводах других историков. Возможно, говорить об отсутствии в ней научной новизны. Но, предостерегая себя от скоропалительных суждений, заметим, что это была добросовестная компиляция, возникшая задолго до зарождения в стенах вуза научного направления, связанного с поздним российским средневековьем. Она и сегодня остается актуальной с позиций еще не состоявшегося полномасштабного исследования по хозяйственному развитию Ельца и уезда в XVI-XVII вв. [9].

Критический взгляд вызывает статья о языческих мотивах в деревянной резьбе жилых зданий г. Ельца XIX-XX вв. С одной стороны, публикуемый материал любопытен изложением своей целостностью. Видно, что Н.А. Тропин, собиравший эти сведения в начале 1990-х гг., находится под влиянием концепции Б.А. Рыбакова. С другой стороны заметно, что увлекшись языческой сюжетной концепцией, Н.А. Тропин не опубликовал каталога своего источника, не указывает адреса домов, что обесценивает информацию.

Совершенно иначе можно рассматривать другие статьи из этого раздела, посвященные часовне у Вознесенского собора, ранней истории церковно-приходских школ, топографическому описанию Ельца конца XVIII века. Эти публикации базируются на архивном, впервые публикуемом источнике, и поэтому многие выводы Н.А. Тропина веют новизной исследования. Статья о часовне корректирует мемориализацию исторической памяти, восходящей к событиям Смуты, когда в 1618 г. Елец был razoren гетманом Сагайдачным [5]. Деревянная часовня в память о погибших в «великое разорение» упоминается в Писцовой книге 1691 г. В 1761 г. она была построена каменной купцом С.Е. Калашниковым, в 1801 г. была отремонтирована А.Р. Лопухиным и до 1917 г. находилась под присмотром этого семейного клана.

Изучая сведения о Ельце в одном из объемном топографическом описании, хранящемся в РГВИА, Н.А. Тропин датирует этот источник второй половиной 1779- августом 1781 гг., указывая, что оно было написано в связи с открытием Орловского наместничества 15 января 1779 г. Насыщенностью информацией отличается статья о приходских школах конца XVIII- первой половины XIX вв. Она приоткрывает завесу над историей дореформенного образования в Елецком уезде, в то время как история пореформенного образования представлена в значительной серии работ [2-4; 7].

Третий раздел – «Исследователи и краеведы» – посвящён исследователям Ельца до-революционного периода. Эта тема отражена как в ранних работах Н.А. Тропина, так и в исследованиях последних лет, не только в статьях, но и в монографиях. Серией этих работ автор обращает внимание на пласт почти неизвестных имен до середины XIX в., эпохе наиболее туманной в становлении елецкого краеведения.

В наиболее ранней статье, открывающий этот раздел, исследуется информация о достоверности посещения Ельца митрополитом Алексием и ранний пласт сбора сведений о городе старожилками. Н.А. Тропин полагает, что в XVIII в. формировалось общественное православное сознание ельчан на основе исторической памяти жителей и мифотворчества образованной части местных церковных иерархов. И, если, со второй половиной вывода мы можем согласиться, то первая половина вывода, связанная с исторической памятью, вызывает у нас возражения из-за недостаточной аргументации.

С тематикой истоков елецкого краеведения в XVIII веке связаны две интересные статьи о рукописях XVIII-XIX вв., о купеческой семье Ростовцевых, о Г.Ф. Ростовцеве, оставившем после себя записки о Ельце. Эти статьи отличает не только использование архивного материала, в том числе и с целью частичного построения генеалогического древа, но и детальный анализ текстов, который позволил вычлениить пласт наиболее древних сведений.

Большой интерес вызывают статьи о двух городничих – краеведах середины XIX в. Е.А. Холодовиче и Н.А. Ридингере. Основанные на архивном материале статьи воссоздают биографии этих личностей, в них указывается вклад в изучение истории Ельца. Этой же тематике посвящена статья о елецких священнослужителях, которые являлись участниками историко-статистического описания Елецкого уезда 1849 г. Более подробно изложен научный вклад Е.И. Назарова, яркой фигуры в елецком краеведении в конце XIX в. На фоне богатого наследия Е.И. Назарова, менее привлекательным воссоздан образ И.С. Кожухова, популяризатора исторических знаний о Ельце. В итоге, Н.А. Тропину удалось создать галерею видных деятелей елецкого дореволюционного краеведения, воссоздать биографии и выделить их вклад в науку.

Затронутые Н.А. Тропиным темы заполняют лакуны в региональной истории, «зияющие пустоты» которой настолько очевидны, что только лишь системный подход, благодаря факультетским (институтским) структурам Елецкого госуниверситета, способен ликвидировать очевидные пробелы знаний. В разделе «Вместо заключения: размышления историка» он указывает на основные достижения исторической науки в Елецком госуниверситете, с которыми нельзя не согласиться. Он пишет, что к 2014 г., исторический факультет показал себя сложившейся структурой, включающей три кафедры со специализациями, археологическим музеем, учебными практиками. И главное, в нем начали складываться научные направления в области археологии, средневековой истории, российской истории XIX-XX вв., всеобщей истории. Появилась аспирантура, научный журнал, традиционные межвузовские чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Появились доктора наук, возвращенные в вузе. За короткое время, не полных два десятка лет, историческое образование и научные исследования сделали стремительный рывок, заполняя лакуны в краеведении, региональной и общероссийской истории.

Список источников и литература:

1. Атаманова, Е. Т. (2021). «Все лучшее зарождается в провинции ...»: вуз как культурно-образовательный феномен в провинциальном регионе // *Культура и образование*. № 1(40). С. 109-121 <https://doi.org/10/24412/2310-1679-2021-140-109-121>
2. Клевцова, О. В., Жиров, Н. А. (2017). *Становление и развитие сельского образования в Орловской губернии во второй половине XIX- начале XX вв. (по материалам Елецкого уезда)*. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. 160 с.
3. Кузовлев, В. П., Перцев, В. В., Савина, О. А. (2006). *Развитие гимназического образования в Орловской губернии*. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. 235 с.
4. Леонов, М. С. (2022). *Программные инструменты и цифровые архивы по истории елецкого образования //* *Фундаментальные проблемы обучения математике, информатике и информатизации образования*. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. С. 251-253.
5. Ляпин, Д. А. (2011). *История Елецкого уезда в XVI-XVII веках*. Тула: ЗАО «Гриф и К». 204 с.
6. Ляпин, Д. А. (2016). *Хренниковы: семейная хроника купеческого рода (XVII-начало XX вв.)*. М.: Ridero. 94 с.
7. Савина, О. А., Леонов, М. В. (2015). *История елецкой мужской гимназии. Люди и факты. Ч.1. Преподаватели: монография*. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. 178 с.
8. Тропин, Н. А. (2023). *Старый Елец и ельчане: тени прошлого*. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. 176 с.
9. Шабалина, Т. А. (2019). *Экономическое развитие города Ельца Орловской губернии во второй половине XIX – начале XX веков // Filo Ariadne*. № 4(16). С. 111-127 URL: filoariadne.esrae.ru/ru/18-307

References

1. Atamanova, E. T. (2021). «*Vse luchshee zarozhdaetsya v provincii ...*»: vuz kak kul'turno-obrazovatel'nyj fenomen v provincial'nom regione ["All the best is born in the province ...": university as a cultural and educational phenomenon in a provincial region] in *Kul'tura i obrazovanie*, 1(40). (in Russian). <https://doi.org/10/24412/2310-1679-2021-140-109-121>
2. Klevcova, O. V., Zhiron, N. A. (2017). *Stanovlenie i razvitie sel'skogo obrazovaniya v Orlovskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX- nachale XX vv. (po materialam Eleckogo uezda)* [Formation and development of rural education in the Orel province in the second half of the XIX- early XX centuries. (based on the materials of the Yelets district)]. Yelets: Bunin YSU Publ. (in Russian).
3. Kuzovlev, V. P., Percev, V. V., Savina, O. A. (2006). *Razvitie gimnazicheskogo obrazovaniya v Orlovskoj gubernii* [The development of gymnasium education in the Orel province]. Yelets, Bunin YSU Publ. (in Russian).
4. Leonov, M. S. (2022). *Programmnye instrumenty i cifrovye arhivy po istorii eleckogo obrazovaniya* [Software tools and digital archives on the history of Yelets education] in *Fundamental'nye problemy obucheniya matematike, informatike i informatizacii obrazovaniya*. Yelets, Bunin YSU Publ. (in Russian).
5. Lyapin, D. A. (2011). *Istoriya Eleckogo uezda v XVI-XVII vekah* [The history of Yelets county in the XVI-XVII centuries]. Tula Publ. (in Russian).
6. Lyapin, D. A. (2016). *Hrennikovy: semejnaya hronika kupecheskogo roda (XVII- nachalo XX vv.)* [The Khrennikovs: a family chronicle of a merchant family (XVII- early XX centuries)]. Moscow, Ridero Publ. (in Russian).
7. Savina, O. A., Leonov, M. V. (2015). *Istoriya eleckoj muzhskoj gimnazii. Lyudi i fakty. Ch.1. Prepodavateli: monografiya* [The history of the Yelets men's gymnasium. People and facts. Part 1. Teachers: monograph]. Yelets, Bunin YSU Publ. (in Russian).
8. Tropin, N. A. (2023). *Staryj Elec i el'chane: teni proshlogo* [Old Yelets and yelchans: shadows of the past]. Yelets, Bunin YSU Publ. (in Russian).
9. Shabalina, T. A. (2019). *Ekonomicheskoe razvitie goroda El'ca Orlovskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX- v nachale XX vekov* [Economic development of the city of Yelets in the Orel province in the second half of the XIX- early XX centuries] in *Filo Ariadne*. 4(16). URL: filoariadne.esrae.ru/ru/18-307

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Всеволожский Георгий Константинович, аспирант Уральского Федерального университета им. Первого президента РФ Б. Н. Ельцина,
<https://orcid.org/0009-0003-6924-6914>
goshavs@mail.ru

Гайтерова Кристина Геннадьевна, аспирант Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, Елец, Россия
<https://orcid.org/0009-0001-6841-423X>
kgayterova98@vk.com

Жигалов Владимир Михайлович, Белгородская Региональная Общественная Организация «Историческое Общество «РАТНИК», Белгород, Россия
vladimir.zhigalov@inbox.ru

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук доцент Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Круглов Сергей Викторович, аспирант Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС, Орел, Россия
<https://orcid.org/0009-0009-4436-1098>
Kruglov88sv@yandex.ru

Кузнецов Елисей Сергеевич, аспирант Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия
<https://orcid.org/0009-0005-7699-3330>
elick.fox@yandex.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Среднерусского института управления – филиал РАНХиГС, Орёл, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-5247-7968>
livtsov-va@ranepa.ru

Мизис Юрий Александрович, доктор исторических наук, профессор Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-0797-2916>
ymizis49@yandex.ru

Степанова Юлия Владимировна, заместитель директора Государственного архива Воронежской области, Воронеж, Россия
afanasija84@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6502-042X>

Усманов Наиль Вакилович, кандидат исторических наук, доцент Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий, Бирск, Россия
nailhammer57@mail.ru

Цыбаков Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор Академии гражданской защиты МЧС России, Химки, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8240-6415>

Шатохин Иван Тихонович, профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия. ORCID: 0000-0002-4686-3560. shatohin@bsu.edu.ru

Шашков Михаил Олегович, студент историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия. ORCID: 0009-0008-7947-5063. gribnichestwo@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Georgy K. Vsevolozhsky, graduate student of the First President of the Russian Federation Yeltsin Ural Federal University. B. N., Ekaterinburg, Russia
<https://orcid.org/0009-0003-6924-6914>
goshavs@mail.ru

Kristina G. Gaiterova, graduate student of Bunin Yelets State University, Yelets, Russia
<https://orcid.org/0009-0001-6841-423X>
kgayterova98@vk.com

Vladimir M. Zhigalov, Belgorod Regional Public Organization “Historical Society “RATNIK”, Belgorod, Russia
vladimir.zhigalov@inbox.ru

Maxim V. Kirchanov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>
maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Sergey V. Kruglov, postgraduate student, Srednerussky Institute of Management - branch of RANEP, Orel, Russia
<https://orcid.org/0009-0009-4436-1098>
Kruglov88sv@yandex.ru

Elisey S. Kuznetsov, graduate student, Voronezh State University, Voronezh, Russia
<https://orcid.org/0009-0005-7699-3330>
elick.fox@yandex.ru

Victor A. Livtsov, Doctor of Historical Sciences, Professor of Central Russian Institute of Management - branch of RANEP, Orel, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5247-7968>
livtsov-va@ranepa.ru

Yuri A. Mizis, Doctor of Historical Sciences, Professor of Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0797-2916>
ymizis49@yandex.ru

Yulia V. Stepanova, Deputy Director of the State Archive of the Voronezh Region, Voronezh, Russia
afanasija84@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6502-042X>

Nail V. Usmanov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Birsk branch of the Ufa University of Science and Technology, Birsk, Russia
nailhammer57@mail.ru

Dmitry L. Tsybakov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8240-6415>

Ivan T. Shatokhin, Professor of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.
ORCID: 0000-0002-4686-3560
shatohin@bsu.edu.ru

Mikhail O. Shashkov, student of the Faculty of History and Philology of the Pedagogical Institute of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.
ORCID: 0009-0008-7947-5063
gribnichestwo@gmail.com

Scientific journal

**HISTORY:
FACTS AND SYMBOLS**

Научное издание

**ИСТОРИЯ:
ФАКТЫ И СИМВОЛЫ**

№ 2 (39) / 2024

*Литературный редактор, корректор – В. В. Ряполов
Технический редактор – Н. П. Безногих
Техническое исполнение – В. М. Гришин
Дизайн обложки – П. А. Фрольцова (ИАИ РГГУ)*

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 13.06.2024
Дата выхода в свет 14.06.2024
Бумага 73,0 п.л. формат А-4. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 29
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: nauka@elsu.ru
Сайт журнала: <http://> <https://hisfas.elpub.ru/jour>

Подписной индекс журнала № **64989** в каталоге периодических изданий
органов научно-технической информации агентства «Роспечать»

Подписной индекс журнала № **43281** в объединенном каталоге «Пресса России»

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1